

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 32

2024

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский филиал РАНХиГС, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Тыдыкова Н.В. О НОВОМ КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	6
Батюшкина М.В. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ О ПРИСЯГАХ (КЛЯТВАХ)	11
Юридическая герменевтика	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. МЕТОДЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ Н.М. ЯДРИНЦЕВА	16
Землюков С.В. ПРОЕКТ ГЛАВЫ УК РФ «ОБЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ. ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНОВ»	21
Канакова А.Е. ДЕФИНИЦИИ И СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ЦИФРОВЫЕ ПРАВА» И «ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД»	25
Рогова Е.В., Качурова Е.С. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В ОБЩЕЙ СТРУКТУРЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	32
Холоденко Ю.В., Лицкас М.В. ВНОВЬ К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАН	37
Юридическая техника	
Белюсова К.А. СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ И КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ»: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	43
Дудко Н.А. ПОЭТАПНОЕ ВВЕДЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ ИЛИ СУД ПРИСЯЖНЫХ – ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ	50
Макаренко Т.В. К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТОЖДЕСТВЕННОСТИ ТЕРМИНОВ «ОБЩЕЕ ПРАВО» И «ОБЫЧНОЕ ПРАВО» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	55
Максимов А.Г. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ» ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНО ОТВЕТСТВЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	64
Стародубцева М.А. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМ	70
Трубникова О.А., Калашник Н.И. О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	74

Правовая коммуникация	
Глушко Е.В., Пронина Е.А., Гисматуллина А.К., Мусаева Э.Р. О ПРОФЕССИИ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДЧИКА В РОССИИ	79
Кирюшина Л.Ю. ДОПРОС КАК ОСОБАЯ ФОРМА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ: ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ	85
Лингвоэкспертология	
Кузнецов В.О. СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИКА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ФУНКЦИИ	90
Секераж Т.Н. ИНФОРМАЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАССЛЕДОВАНИЯ «РЕЧЕВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ»	99
Лингвоконфликтология	
Федина А.В., Широких И.А. ПРОЯВЛЕНИЕ АГРЕССИИ В РЕЧИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ Э. ТРАСС)	105

CONTENTS

Language of Law	
Тудыкова Н.В. ON A NEW CONCEPTUAL APPROACH TO LIABILITY FOR SEXUAL ASSAULT	6
Батышкينا М.В. LEGISLATIVE ARTICLES ON JURATION (OATHS)	11
Legal hermeneutics	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. METHODS OF TEXTUAL ANALYSIS OF PRE-REVOLUTIONARY CORRECTIONAL LEGISLATION IN THE POLITICAL AND LEGAL HERITAGE OF N.M. YADRINTSEV	16
Землюков С.В. DRAFT CHAPTER "GENERAL DEFINITIONS. INTERPRETATION OF TERMS" IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	21
Канакова А.Е. DEFINITIONS AND CORRELATION OF THE CATEGORIES "DIGITAL RIGHTS" AND "DIGITALIZATION OF RIGHTS AND FREEDOMS"	25
Рогова Е.В., Качурова Е.С. DEFINITIONS OF THE TERM "VICTIMOLOGICAL SECURITY" IN THE GENERAL STRUCTURE OF CRIMINOLOGICAL KNOWLEDGE	32
Холоденко Y.V., Литскас M.V. BACK TO THE ISSUE OF THE SIGNS OF PERSONAL INSOLVENCY (BANKRUPTCY)	37
Legal Techniques	
Белусова К.А. CATEGORY CONTENT AND CRITERIA FOR DETERMINING "ABUSE OF RIGHTS": THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH	43

<i>Dudko N.A.</i> GRADUAL INTRODUCTION OF A JURY TRIAL OR JURY TRIAL-LEGAL EXPERIMENT: CORRELATION OF TERMS AND CONCEPTS	50
<i>Makarenko T.V.</i> ON SEMANTIC IDENTITY OF TERMS "COMMON LAW" AND "CUSTOMARY LAW" IN RESPECT TO LEGAL SYSTEM OF GREAT BRITAIN	55
<i>Maksimov A.G.</i> DEFINITION OF THE CATEGORY "FIRST OFFENDER" FOR THE PURPOSE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY: METHODOLOGICAL ASPECT	64
<i>Starodubtseva M.A., Blinova O.A.</i> HISTORICAL LEGAL AND COMPARATIVE ASPECTS OF CONSTRUING THE CONCEPT OF EXTREMISM	70
	74
Legal Communication	
<i>Glushko E.V., Pronina E.A., Gismatullina A.K., Musaeva E.R.</i> HIST ON THE PROFESSION OF COURT INTERPRETER IN RUSSIA	79
<i>Kiryushina L.Yu.</i> INTERROGATION AS A SPECIAL FORM OF BUSINESS COMMUNICATION: CONFLICT PREVENTION	85
Linguoexpertology	
<i>Kuznetsov V.O.</i> FORENSIC LINGUISTICS: ESSENCE, STRUCTURE, REGULARITIES, FUNCTIONS	90
<i>Sekerazh T.N.</i> INFORMATION CONTENT AS SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN THE CONTEXT OF INVESTIGATING SPEECH OFFENSES	99
Linguoconflictology	
<i>Fedina A.V., Shirokikh I.A.</i> AGGRESSION IN THE PUBLIC SPEECHES OF FOREIGN POLITICIANS (BASED ON THE PUBLIC SPEECHES OF ELIZABETH TRUSS)	105

О новом концептуальном подходе к ответственности за половые преступления

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

В статье приведены основные положения концепции российской уголовно-правовой политики в сфере охраны половых отношений в авторском представлении. Затронуты вопросы криминализации таких деяний, дифференциации ответственности за них, пенализации и квалификации. Предлагаемые подходы к криминализации и дифференциации ответственности обоснованы с позиции понимания объекта таких деяний и общественной опасности действий, которыми причиняется вред. В качестве одного из оснований дифференциации ответственности за половые преступления предложен вид совершаемого действия сексуального характера – с проникновением в тело потерпевшего или виновного или без такового. Так как уровень общественной опасности ненасильственных действий сексуального характера и развратных действий, совершаемых в отношении потерпевших от четырнадцати до шестнадцати лет, достаточный для их криминализации, усматривается только в обозначенных в статье случаях, предложено закрепление соответствующего состава административного правонарушения в КоАП РФ и состава преступления с преюдицией в УК РФ.

Предложена новая система квалифицирующих признаков половых преступлений. С целью повышения уголовно-правовых гарантий обороняющегося, являющегося потерпевшим от насильственного полового преступления рекомендовано дополнение ст. 37 УК РФ соответствующим содержанием. Предложен новый подход к конструированию норм об ответственности за половые преступления, учитывающий потребность правоприменительной практики в нормах, соответствующих требованиям формальной определенности. Отмечены недостатки санкций норм об ответственности за половые преступления и предложены способы их совершенствования. Сформулированы предложения, позволяющие формировать единообразную практику применения предлагаемых норм, касающиеся толкования признаков субъективной стороны таких преступлений, насилия, беспомощного состояния потерпевшего, признаков группы лиц по предварительному сговору.

Ключевые слова: половые преступления, изнасилование, действия сексуального характера, развратные действия, криминализация.

On a New Conceptual Approach to Liability for Sexual Assault

N. V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article presents the author's sum up on the main provisions of the Russian criminal law policy in regard to sexual safety. The issues of criminalization of sexual relationships, discrimination of liability for them, penalties and qualifications are touched upon. The proposed approaches to criminalization and differentiation of liability are justified from the position of understanding the object of such crimes and the public danger of actions that cause harm. One of the grounds proposed for differentiating liability for sexual assault is the type of sexual act performed - with or without penetration into the body of the victim or perpetrator. Since only in the cases indicated in the article, the level of public danger of non-violent acts of a sexual nature and sexual abuse of victims from fourteen to sixteen years of age is deemed sufficient for their criminalization, it is proposed to establish the appropriate corpus delicti of an administrative offense in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the corpus delicti of a crime with prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation. A new system of qualifying characteristics of sexual crimes has been proposed. In order to increase the criminal legal guarantees of a defender who is a victim of a violent sexual crime, it is recommended to add Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation with the corresponding content. A new approach to the development of norms on liability for sexual assault is proposed, taking into account the need of law enforcement practice for norms that meet the requirements of formal certainty. The shortcomings of the sanctions of the norms on liability for sexual assault are noted and ways to improve them are proposed. Proposals have been formulated to make it possible to produce a uniform practice of applying the proposed norms to the interpretation of subjective elements of such crimes, violence, the helpless state of the victim, the signs of a criminal conspiracy.

Key words: sexual assault, rape, actions of a sexual nature, sexual abuse, criminalization.

Множественные проблемы, возникающие в практике привлечения к уголовной ответственности за половые преступления, показывают необходимость в изменении подходов как к криминализации и дифференциации ответственности за такие преступления, так и к пенализации и квалификации. К сожалению, большинство исследований в этой области носит локальный характер и не способно предложить системных решений. Однако только комплексный подход позволит сформулировать теоретические положения, способные стать основой для создания непротиворечивой и эффективной системы норм об ответственности за такие преступления.

Основанием криминализации любого деяния является общественная опасность, которая во многом определяется объектом посягательства. От правильности определения объекта и его оценки зависит обоснованность криминализации деяний и дифференциация ответственности за них. Сложившиеся в доктрине подходы к пониманию объекта половых преступлений не могут быть признаны обоснованными и соответствующими современному реалию. Нормальный уклад половых отношений нельзя признать видовым объектом исследуемой группы преступлений по причине невозможности представить в нормативной форме отношения, которые не могут быть обозначены в виде предписаний и правил. Видовым объектом рассматриваемой группы преступлений следует признать отношения по поводу обеспечения наиболее важных принципов половых отношений: гарантированность половой свободы, обеспечение половой неприкосновенности человека, нравственного и полового развития несовершеннолетних. Некоторые способы удовлетворения половой потребности (например, скотоложство, некрофилия, инцестные контакты) требуют уголовно-правового реагирования, только если их совершение посягает на другие защищаемые уголовным правом объекты (нравственность, собственность, здоровье), но сами по себе не могут причинять общественно опасный вред отношениям по поводу удовлетворения половой потребности. Удовлетворение половой потребности без партнера может быть способом полового преступления, если причиняет вред половой свободе, половой неприкосновенности, нравственному и половому развитию другого человека.

Половая свобода, в отличие от половой неприкосновенности, предполагает способность лица на юридически значимое волеизъявление относительно действий сексуального характера, которое определяется двумя критериями: объективным и субъективным. Объективный предполагает формальное выражение волеизъявления (устно, письменно или конклюдентными действиями), позволяющее достоверно определить позицию согласия или несогласия лица относительно совершения тех или иных действий в конкретный момент времени с определенным лицом. Субъективный – добровольность волеизъявления лица, осознающего характер и значение действий, относительно которых выражается волеизъявление. Согласие лица, не способного на такое волеизъявление, не может означать выражения воли.

Разрешение коллизии между семейным и уголовным законодательством требует обладающими половой неприкосновенностью по признаку возраста признавать лиц, не достигших четырнадцати лет. Анализ ненасильственных действий сексуального характера и развратных действий, совершаемых в отношении потерпевших от четырнадцати до шестнадцати лет, в том числе, статистических данных по таким преступлениям [Тыдыкова 2024: 104] показывает необходимость их декриминализации так как они не обладают общественной опасностью, степень которой необходима для криминализации, а наступление причиняемого ими вреда может быть предупреждено иными мерами. Уровень общественной опасности таких действий, достаточный для их криминализации, усматривается в тех случаях, когда его совершает лицо: а) подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние; б) имеющее судимость за преступление, предусмотренное главой 18 УК РФ; в) имеющее судимость за преступление, предусмотренное ст.ст. 240-242 УК РФ. Это определяет необходимость закрепления соответствующего состава административного правонарушения в КоАП РФ и состава преступления с преюдицией в УК РФ. Непосредственным объектом такого преступления можно считать нравственное и половое развитие несовершеннолетних, что требует его отражения в наименовании главы 18 УК РФ: «Преступления против половой свободы, половой неприкосновенности человека, нравственного и полового развития несовершеннолетних». В соответствии с этим должна измениться и редакция квалифицирующего признака «совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего», предусмотренного пунктами «а» частей 5 статей 131 и 132 УК РФ, п. «в» ч. 3 ст. 133 УК РФ, ч. 6 ст. 134 УК РФ, ч. 5 ст. 135 УК РФ на «совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой свободы, половой неприкосновенности человека или нравственного и полового развития несовершеннолетнего».

Также степень общественной опасности любого преступления зависит от действий, составляющих его объективную сторону. Степень общественной опасности преступлений, предусмотренных ст.ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ, зависит не только от способа воздействия на волю потерпевшего лица, но и от способа совершения действия сексуального характера – с проникновением в тело виновного или потерпевшего или без такового. Степень общественной опасности деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 133 УК РФ, зависит от результативности понуждения к ним (совершены ли фактически действия сексуального характера). Различие в степени общественной опасности таких действий требует закрепление уголовной ответственности за них в разных нормах.

Терминология, используемая для описания действий сексуального характера в нормах уголовного закона в действующей редакции, создает правовую неопределенность [см., например, Бимбинов 2018: 900; Кондрашова 2020: 74-74; Изотова 2013: 15-16; Гусарова 2023: 23], что влечет отсутствие единообразия практики их применения. Достижение формальной определенности норм возможно путем использования единого термина – «действие сексуального характера».

Вариативность действий сексуального характера требует определения содержательных границ этого понятия посредством описания объективных и субъективных признаков: цели и форм внешних проявлений. Закрепление цели позволит отграничивать такие действия от совпадающих по внешним проявлениям, но совершаемых с иными целями (например, причинение страданий или вреда здоровью), а также квалифицировать в качестве таковых нетрадиционные по внешним проявлениям, но посягающие на объект половых преступлений (например, получение сексуального удовольствия от нанесения ударов по телу другого лица). Закрепление признаков объективной стороны в незакрытом перечне позволит определить ориентир для правовой оценки нетипичных действий, а также предотвратит криминализацию целей и эмоций.

Определение понятия «действие сексуального характера» целесообразно закрепить в примечании к статье, в которой этот термин используется впервые – ст. 131 УК РФ: «Под действием сексуального характера следует понимать введение полового члена, другой части тела или предмета в тело человека, манипуляции с половыми органами или другими частями тела, их демонстрация, прикосновения к телу или иное физическое или информационное воздействие на потерпевшего, совершенные в целях сексуального возбуждения или удовлетворения сексуального влечения виновного или потерпевшего, либо пробуждения у потерпевшего интереса к сексуальным отношениям».

Действия сексуального характера, совершаемые без проникновения в тело потерпевшего или виновного, возможно разделить на виды, общественная опасность которых примерно одинакова: мануальные действия (прикосновения, поцелуи), действия, совершаемые без контакта с телом потерпевшего, но в условиях взаимодействия с потерпевшим (демонстрация половых органов, жестов, изображений, словесные формы и т.п.), действия, совершаемые без контакта с телом потерпевшего и вне взаимодействия с ним (с использованием информационно-телекоммуникационных сетей). Их совершение с применением насилия или угрозой его применения, либо с использованием беспомощного состояния в отношении лица любого возраста требует криминализации.

Предложенное понимание содержания объекта половых преступлений, подход к оценке степени общественной опасности деяний, которым причиняется вред объекту и необходимость обеспечения формальной определенности норм, требует изложения статей 131-135 УК РФ в иной редакции, а также включения в УК РФ ст. 135¹, предусматривающей

ответственность за предлагаемый состав с преюдицией. Конструкции, способные обеспечить единообразие при закреплении признаков действий сексуального характера и исключить возможность квалификации по совокупности преступлений тех случаев, когда в отношении одного потерпевшего совершаются объединенные единым умыслом действие сексуального характера с проникновением в тело, и действие сексуального характера без проникновения в тело, аналогичным способом:

- в частях 1 статей 131 (Изнасилование) и 134 УК РФ (Сексуальное проникновение): «Действие сексуального характера с проникновением в тело потерпевшего или виновного, совершенное...»;
- в ч. 1 ст. 132 УК РФ (Иное насильственное действие сексуального характера): «Действие сексуального характера, не связанное с изнасилованием, совершенное...»;
- в ч. 1 ст. 135 УК РФ (Развратное действие): «Действие сексуального характера, не связанное с сексуальным проникновением, совершенное...»;
- в ч. 1 ст. 133 УК РФ (Понуждение к действию сексуального характера): «Понуждение лица к совершению действия сексуального характера путем...»; в ч. 3 ст. 133 УК РФ: «Действие сексуального характера путем...»;
- в ч. 1 ст. 1351 УК РФ (Действие сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста): «Действие сексуального характера, совершенное..., если эти действия совершены лицом:...».

Применение предлагаемой к закреплению в ст. 1351 УК РФ нормы должно быть обеспечено закреплением в главе 6 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» нормы об ответственности за соответствующее правонарушение: «Действие сексуального характера, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния...».

В целях исключения ответственности за действия сексуального характера, совершаемые лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с супругом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста, предлагаемая к закреплению в КоАП РФ норма, а также норма, предлагаемая к закреплению в ст. 1351 УК РФ, должны содержать примечания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи совершения деяния в отношении супруга».

Система квалифицирующих признаков, используемая при конструировании норм главы 18 УК РФ, также требует изменений. Видится, что она должна быть дополнена признаками:

- «совершено лицом, являющимся близким потерпевшему, либо проживающим совместно с потерпевшим, либо лицом, на которое законом возложены обязанности по его лечению, воспитанию или обучению»;
- «совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия»;
- «совершено в условиях военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или боевых действий, в условиях чрезвычайного положения или в ходе массовых беспорядков».

Требуют исключения признаки:

- «сопряжены с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных пунктом «к» части второй статьи 105 УК РФ», предусмотренных пунктами «в» частей 5 статей 131 и 132 УК РФ, ввиду неясности содержания и отсутствия оснований для повышения ответственности;
- «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ, так как использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», не влечет существенного повышения уровня общественной опасности понуждения к действиям сексуального характера.

Необходимы изменения подходов к закреплению признаков:

- необходимо включение признака «группой лиц» в число квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 133 и 135 УК РФ и исключения признака «организованной группой» из ч. 5 ст. 134 УК РФ;
- повышенная степень общественной опасности насильственных половых преступлений, совершенных с особой жестокостью, требует закрепления этого признака в частях статей, предусматривающих ответственность за деяния, совершенные при наличии особо квалифицирующих признаков;
- квалифицирующий признак «лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой свободы, половой неприкосновенности или нравственного и полового развития несовершеннолетнего» в составах ненасильственных половых преступлений требует закрепления, обеспечивающего его учет при квалификации таких преступлений в отношении потерпевших всех возрастов.
- использования конструкции единственного числа для квалифицирующего признака «иные тяжкие последствия».

Для закрепления квалифицирующих признаков использовать универсальную конструкцию: «Деяние, предусмотренное частями ... или... настоящей статьи, если оно:...».

Дифференциация ответственности в зависимости от общественной опасности деяний позволяет конструировать санкции, ей соответствующие. Требуется включение в санкции некоторых норм более мягких видов наказаний, чем лишение свободы на определенный срок или снижение предусмотренных в настоящее время сроков или размеров наказаний, что не приведет к фактическому снижению карательного потенциала таких норм, так как практика в ряде случаев, компенсируя излишнюю строгость закона, сформировала тенденцию назначения наказания ниже, чем предусмотрено санкциями действующих норм [Плаксина 2022: 58-75]. Расширение числа случаев включения в санкции норм об ответственности за половые преступления принудительных работ обеспечит возможность назначения наказания, которое осужденными будет отбываться реально, а не условно. Механизмом предупреждения совершения повторных преступлений должна стать возможность назначения наказания в виде лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений – до тридцати лет, а по совокупности приговоров – до тридцати пяти лет, если одно из совершенных преступлений предусмотрено частями 5 статей 131 или 132 УК РФ. Это возможно указанием частей 5 статей 131 и 132 УК РФ в ч.5 ст. 56 УК РФ.

С целью повышения уголовно-правовых гарантий обороняющегося, являющегося потерпевшим от насильственного полового преступления, необходимо ст. 37 УК РФ дополнить ч. 11 следующего содержания: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны при защите от посягательства, подпадающего под признаки преступления, предусмотренного статьями 131 и (или) 132 настоящего Кодекса, если такое посягательство совершается в виде полового сношения или иных действий сексуального характера с проникновением в тело потерпевшего или виновного».

Конструирование обоснованных с позиции содержания и формы норм закона само по себе не всегда способно обеспечить единообразие правоприменительной практики, хотя, конечно же, этому во многом способствует. Однако для обеспечения соответствующих смыслу уголовного закона тенденций практики часто необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые также можно считать способами обеспечения формальной определенности уголовного закона. Анализ практики показывает ряд негативных тенденций, которые возможно преодолеть, сформулировав правила в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

1. Сложившееся в практике понимание насилия и момента его окончания необоснованно расширяет границы его содержания [Шарапов, 2009: 68; Шарапов 2015: 114], что делает невозможным единый алгоритм квалификации. Обеспечение единства подхода к закреплению в УК РФ и толкованию в практике признаков насилия требует под насилием в составах насильственных половых преступлений понимать ограничение свободы, побои, совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли. Причинение вреда здоровью потерпевшему лицу, когда такое последствие прямо не указано в норме, требует самостоятельной квалификации.

2. Неоднородность подходов к определению признаков беспомощного состояния потерпевших в материалах практики требует его официального толкования в части указания на необходимость при его установлении исходить из понимания лицом биологического и социального аспектов значения действий сексуального характера. Не может быть признан обоснованным подход, при котором в основу решения вопроса о понимании значения сексуальных действий положено понимание морально-этического и нравственного аспектов. Необходимо признать находящимися в беспомощном состоянии потерпевших от половых преступлений в состоянии сна, а также не осознающих соответствующего характера и значения совершаемых с ними действий в результате обмана (например, иных действий сексуального характера под видом медицинского вмешательства) [Тыдыкова 2023: 73-80]. Лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста, находятся в беспомощном состоянии в силу указания о том в примечании к ст. 131 УК РФ, ввиду чего ставить перед экспертом вопрос об этом в постановлениях о назначении комплексных психолого-психиатрических экспертиз не следует.

3. Необходимость квалификации как половых преступлений и тех деяний, которые совершались при наличии у лица иных целей, наряду с сексуальными (при множественности целей), требует признания возможности их совершения с косвенным умыслом. В таких случаях лицо осознает общественную опасность совершаемых действий, не желает их сексуального характера, но сознательно допускает его или относится к этому обстоятельству безразлично.

4. Определение признаков группы лиц требует адаптации к новым способам совершения половых преступлений: действия могут быть квалифицированы по признаку их совершения группой лиц или группой лиц по предварительному сговору и тогда, когда виновные, действуя согласованно, выполняют объективную сторону преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

5. Практика при установлении знания виновным о наличии у него заболевания исходит из критерия юридической осведомленности, что ввиду современных возможностей самодиагностики, а также анонимной диагностики таких заболеваний необоснованно исключает из круга несущих ответственность лиц, которые осознают общественную опасность своих действий. Источником знания лица о наличии у него венерического заболевания или ВИЧ-инфекции может быть как предостережение лечебного учреждения, так и иные источники, из которых им получена информация, достоверно свидетельствующая о заболевании (получение положительных результатов анализов, проведенных на условиях анонимности или в домашних условиях с использованием тест-систем, позволяющих самостоятельную интерпретацию результата, консультация врача).

Таким образом, формирование обоснованной системы норм об ответственности за половые преступления и единообразной правоприменительной практики возможно на основании комплексного подхода, который позволит решить вопросы о криминализации таких деяний, дифференциации ответственности за них, пенализации и квалификации.

Литература

- Бимбинов А.А. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: качество закона и вопросы квалификации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 896- 904.
- Гусарова М.В. Насильственные действия сексуального характера и развратные действия // Уголовное право. 2023. № 7 (155). С.19-24.
- Изотова М., Островецкая Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посяательства на несовершеннолетних // Уголовное право. 2013. № 4. С. 15-21.
- Кондрашова Т.В. Развратные и иные действия сексуального характера: понятие и соотношение // Российский юридический журнал. 2020. № 1 (130). С. 72-81.
- Плаксина Т.А. Санкции за насильственные преступления против половой неприкосновенности малолетних: вопросы совершенствования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 67-70
- Тыдыкова Н.В. О проблеме криминализации добровольных действий сексуального характера, совершаемых с лицами в возрасте от 14 до 16 лет // Криминалист. 2024. № 1. С. 101-108.
- Тыдыкова, Н.В. О некоторых проблемах установления беспомощного состояния потерпевших в насильственных половых преступлениях // Уголовное право. 2023. №9. С. 73-80.
- Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009. 496с.
- Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112-124.

References

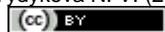
- Bimbinov A.A. Rape and sexual assault: the quality of the law and qualification issues // All-Russian Criminological Journal. 2018. T. 12. No. 6. pp. 896-904.
- Gusarova M.V. Violent acts of a sexual nature and indecent acts // Criminal law. 2023. No. 7 (155). P.19-24.
- Izotova M., Ostrovetskaya Yu. Problems of applying legislation on liability for non-violent sexual assault on minors // Criminal Law. 2013. No. 4. pp. 15-21.
- Kondrashova T.V. Depraved and other actions of a sexual nature: concept and correlation // Russian legal journal. 2020. No. 1 (130). pp. 72-81.

-
- Plaksina T.A. Sanctions for violent crimes against the sexual integrity of minors: issues of improvement // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. No. 46. P. 67-70
- Тыдыкова Н.В. On the problem of criminalization of voluntary acts of a sexual nature committed with persons aged 14 to 16 years // Criminologist. 2024. No. 1. P. 101-108.
- Тыдыкова, Н.В. On some problems of establishing the helpless state of victims in violent sexual crimes // Criminal law. 2023. No. 9. pp. 73-80.
- Sharapov R.D. Criminal violence. M., 2009. 496 p.
- Sharapov R.D. Current issues of qualification of violent crimes // Criminal law. 2015. No. 1. P. 112-124.
-

Citation:

Тыдыкова Н. В. О новом концептуальном подходе к ответственности за половые преступления // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 6-10.

Tydykova N. V. (2024) On a New Conceptual Approach to Liability for Sexual Assault, 32, 6-10.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Законодательные статьи о присягах (клятвах)

М. В. Батюшкина

Законодательное Собрание Омской области

ул. Красный Путь, 1, 644002, Омск, Россия. E-mail: soulangeana@mail.ru

Целью работы является исследование особенностей законодательных статей о присягах и клятвах. Обозначается функционально-процессуальная специфика принесения присяги (клятвы). Рассматриваются структурообразующие компоненты, лексический состав, унификация, вариативность названий и текстов статей данного типа. Разграничиваются вводная, основная и дополнительная части статей. При характеристике основной части уделяется внимание комбинации текстов разных типов (волеизъявления, воздействия, убеждения). Характеризуются предписания, применяемые при формулировании вводной части (вводно-установительные) и дополнительной части (разъяснительные, информативно-регулирующие). Отмечается, что, несмотря на имеющиеся структурные и содержательные отличия, статьи о присягах представляют собой видовые трансформации общего текстотипа. Чем больше воспроизводится шаблонных средств, тем в большей степени такие статьи иллюстрируют признаки законодательного стиля. В то же время, использование клише и средств, традиционно применяемых при создании не законодательных текстов, привносит в статью о присяге и в закон, содержащий данную статью, черты иных (не законодательных) стилей, их функционально-прагматическую специфику. При проведении исследования применяются методы и подходы, традиционные для юридической лингвистики. В качестве материала используются тексты федеральных и региональных законодательных актов.

Ключевые слова: текст закона, присяга, клятва, текст-волеизъявление, текст-убеждение.

Legislative Articles on Juration (Oaths)

M. V. Batyushkina

Legislative Assembly of Omsk Oblast

1 Krasnyi Put' St., 644002, Omsk, Russia. E-mail: soulangeana@mail.ru

The purpose of the work is to study the features of legislative articles on juration and oaths. The functional and procedural specificity of taking the oath (juration) is indicated. The structural components, lexical composition, unification, and variability of titles and texts of articles of this type are considered. The introductory, main and additional parts of the articles are distinguished. When characterizing the main part of a legislative article, attention is paid to the combination of texts of different types (expression of will, influence, persuasion). The legislative requirements used in formulating the introductory part (introductory-definitive) and additional parts (explanatory, informative and regulatory) are characterized. It is noted that, despite the existing structural and content-related differences, legislative articles on juration represent specific transformations of the general text type. The more templates are reproduced, the more such articles illustrate the features of legislative style. At the same time the use of clichés and means traditionally used in the construction of non-legislative texts introduces features of other (non-legislative) styles, their functional and pragmatic specificity into the article on juration and into the law where this article belongs. Methods and approaches traditional for legal linguistics are used. The research material is the texts of legislative acts.

Key words: text of the law, juration, oath, text-expression of will, text-belief.

Вводные положения

Статус и функциональная роль отдельных субъектов предполагают осуществление обязательного ритуально-символического действия – принесения присяги, или клятвы. Данные понятия синонимичны [Кузнецов URL; Ожегов URL], выражают значение «официальное торжественное устное обещание соблюдать обязательство», предусматривают санкцию за нарушение присяги (клятвы) и невыполнение обещанного (далее применяется понятие «присяга»). С точки зрения теории речевых актов, присяга – это речевое действие, совпадающее с поступком

(перформатив), относящееся к речевым актам, содержащим «интенцию взять на себя обязательство» (комиссив) и подтвердить истинность каких-либо фактов [Орлова 2022: 8-9; Санников URL].

Озвучиваемая присяга призвана вызывать положительные эмоции у произносящего (присягающего) и слушающего, в том числе к коммуникативной ситуации принесения присяги. В устной речи этому способствует интонация, а также институциональные маркеры ситуации. Присяга приносится в официальной (торжественной) обстановке, с точным соблюдением ритуала, в присутствии членов того общества, частью которого становится присягающий. Со дня принесения присяги субъект, принеся присягу, принимает делегированные государством полномочия (которые он не мог осуществлять до принесения присяги), наделяется особым статусом и становится членом определенного сообщества.

Принесение присяги предполагает не только соблюдение ритуала, последовательности символических действий, но и дословное устное воспроизведение текста, утвержденного в законе. Например, текст присяги Президента РФ содержится в Конституции РФ (статья 82), федеральными законами утверждены присяга гражданина РФ, присяга судьи, присяга адвоката, присяга нотариуса, присяга прокурора, клятва врача. Региональными законами утверждены присяги губернаторов, депутатов парламентов, мировых судей, уполномоченных по правам человека и др. Военнослужащие, являющиеся иностранными гражданами, поступившими на военную службу в РФ, дают обязательство [ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», ст. 40].

Следует отметить, что тексты присяг продуктивно рассматриваются в сравнительном и междисциплинарном аспектах, прежде всего, с правовых, исторических и юридико-лингвистических позиций [Иванова 2020; Почекаев, Тарасов 2023; Русакова 2017; Санников 2017; Хитарова 2017; Чаплинский 2020; Щенникова 2020]. Однако вопросу исследования присяги в совокупности с текстом законодательной статьи, содержащей текст присяги, уделяется недостаточное внимание. Представленное исследование направлено на восполнение имеющегося пробела.

Исследование проведено с опорой на методы и подходы юридической лингвистики [Бринев 2010; Голев 2021; Ефремов 2023; Трубникова, Доронина 2020; Хижняк 2022; Чернышова 2016]. В качестве материала исследования используются актуальные редакции федеральных и региональных законодательных актов. Применяемые сокращения: РФ – Российская Федерация, ФЗ – Федеральный закон, ФКЗ – Федеральный конституционный закон.

Обсуждение результатов исследования

Статья о присяге является структурной единицей законодательного текста определенного типа (базового закона). Такие законодательные тексты создаются при необходимости первичного нормоустановления, регулирования устойчивых общественных отношений, повторяющихся ситуаций, наиболее значимых или новых аспектов общественных отношений, либо нового регулирования, отличного от имеющегося, либо правового регулирования взамен регулирования иными социальными регуляторами.

Типовая конструкция названия статьи о присяге представляет собой один из вариантов: либо сочетание однословного наименования действия (присяга, клятва) и наименования субъекта, совершающего данное действие, в форме Р. п. единственного числа («Присяга нотариуса», «Присяга прокурора», «Клятва врача»); либо сочетание составного наименования действия (принесение присяги) и наименования присягающего в форме Т. п. («Принесение депутатом присяги»); либо наименование действия и его определение («Военная присяга»). Законодательные заголовки такого вида выполняют номинативную, информативную, отрасле-идентифицирующую, текстообразующую и композиционно-ориентирующую функции. Статья Конституции РФ о принесении присяги Президентом РФ не имеет названия, как и иные статьи конституционного текста. Кроме того, не имеют названия статьи о присяге в тех законах, в которых структурные единицы данного типа не обозначены заголовком.

Тексты статей о присягах могут иметь как простую, так и сложную компонентно-синтаксическую организацию. Но, как правило, при создании текста статьи о присяге предусматривается абзацное или абзацно-нумерованное деление (обозначение структурных элементов) с учетом вводной, основной и дополнительной частей. Для иллюстрации приведем статью 14 из «Основ законодательства РФ о нотариате» (текст с заголовком и выделенными частями):

«Статья 14. Присяга нотариуса [заголовок]

Нотариус, впервые назначенный на должность, приносит присягу следующего содержания: [вводная часть]

"Торжественно присягаю, что обязанности нотариуса буду исполнять в соответствии с законом и совестью, хранить профессиональную тайну, в своем поведении руководствоваться принципами гуманности и уважения к человеку". [основная часть]

Законодательством субъектов РФ может быть предусмотрен иной текст присяги нотариуса» [дополнительная часть].

Рассматривая специфику текста статьи о присяге более подробно, отметим, что во вводной части определяются какие-либо параметры моделируемой ситуации: детерминационный – мотивированное условие принесения присяги (при вступлении в должность, при получении документа об образовании и о квалификации, не позднее двух месяцев со дня присвоения первого специального звания); субъектный – функционально-статусное наименование присягающего (нотариус, прокурор); акциональный – наименование юридически значимого действия, выраженное глаголом настоящего времени 3 лица единственного числа (приносит присягу) либо множественного числа (дают клятву), реже модально-инфинитивным сочетанием (обязан / обязаны принести присягу); предметно-отсылочный – предмет институционального действия в сочетании с клише, выражающим семантику переходности к нижеследующему тексту (следующую присягу, присягу следующего содержания, клятву следующего содержания);

адресатный – наименование целевой аудитории, обобщенного адресата институционального действия, выраженное понятием в форме Д. п. (народу).

Состав конструкции вводной части, как и порядок указания транслируемой юридически значимой информации, вариативный. Например, в отдельных случаях может быть назван только факт утверждения присяги (утверждается следующий текст присяги), не называется адресат действия, а условие включается в определительную характеристику присягающего (нотариус, впервые назначенный на должность; судья, впервые назначенный (избранный) на должность; гражданин, принятый на службу в таможенные органы; лица, завершившие освоение образовательной программы высшего медицинского образования).

Вводная часть оканчивается двоеточием. С точки зрения классификации законодательных предписаний, подобные положения могут быть отнесены к вводно-установительным. Примеры: «При вступлении в должность Президент РФ приносит народу следующую присягу:» [Конституция РФ, ст. 82], «Лица, завершившие освоение образовательной программы высшего медицинского образования, при получении документа об образовании и о квалификации дают клятву врача следующего содержания:» [ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», ст. 71], «Утверждается следующий текст Военной присяги:» [ФЗ от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», ст. 40].

В основной части в кавычках воспроизводится текст присяги. В данном тексте присягающий может быть обозначен с помощью местоимения 1 лица единственного числа и предполагаемого указания персональных данных («Я (фамилия, имя, отчество)»), а действие выражено глагольной формой (присягаю, клянусь). В одном текстовом отрезке одновременно могут использоваться синонимичные понятия присягаю и клянусь. Нередко акциональный компонент дополняется и при этом усиливается понятиями с семантикой цели и обстоятельств действия: «торжественно присягаю» [Основы законодательства РФ о нотариате, ст. 14], «торжественно клянусь» [Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в РФ», ст. 8], «посвящая себя служению Закону, торжественно клянусь» [ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ», ст. 40.4].

На наш взгляд, тексты присяг строятся на основе комбинации следующих типов текстов: волеизъявления, воздействия и убеждения (такие типы текстов, как воздействие и убеждение, наиболее часто встречаются в публицистике, научной полемике, дидактике, художественных произведениях). В тексте присяги утвердительно излагается какой-либо вывод, своего рода «жизненное правило», уверение в том, как субъект, приносящий присягу, будет поступать в дальнейшем, на какие юридически наиболее значимые официальные тексты будет ориентироваться. Присягающий рассматривает правила поведения, сконцентрированные в присяге, как единственно возможные и верные, в виде однозначного сценария-подсказки к действиям в определенной ситуации (дискурсивные аксиомы поведения).

Пример 1 – «Присяга гражданина РФ» [ФЗ от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве РФ», ст. 21]:

«Я (фамилия, имя, отчество (при наличии)), добровольно и осознанно принимая гражданство РФ, торжественно клянусь:

соблюдать Конституцию и законодательство РФ, права и свободы ее граждан;
исполнять обязанности гражданина РФ на благо государства и общества;
защищать свободу и независимость РФ;
быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции».

Пример 2 – «Присяга судьи» [Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в РФ», ст. 8]:

«Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть».

Полагаем, что присяга отражает образ определенного типа поведения, которое выбирает для себя человек, приобретающий тот или иной статус, главных волевых качеств, которые будут доминировать в процессе его дальнейшего взаимодействия с обществом (мужественно защищать, достойно переносить трудности, достойно исполнять свой долг, свято беречь традиции, дорожить своей профессиональной честью, чутко и внимательно относиться, верно служить народу, защищать свободу и независимость, при решении судебных людей, быть образцом неподкупности и моральной чистоты, доброжелательно относиться к коллегам, руководствоваться справедливостью и голосом совести).

Подобные клише транслируют не только действия-требования, которые присягающий обязуется осуществлять в будущем, но также универсальные категории и общечеловеческие нравственные ценности. Как подчеркивается в научных работах, текст присяги является «этическим гимном профессии» [Щенникова 2020: 48], выражает установку на формирование «развитого правосознания и осознанного патриотизма» [Русакова 2017: 207]. Присягающий «публично дает обещание соответствовать предъявляемым требованиям» [Иванова 2020: 144], и данное обещание предполагает «знание системы ценностей, в том числе культурных и исторических традиций» [Почкаев, Тарасов 2023: 603-604].

Поскольку текст присяги построен на принципах воздействия, убеждения и, в то же время, представляет собой волеизъявление, отличительной особенностью такого текста являются глагольные формы в сочетании с наречиями (торжественно клянусь, свято соблюдать, непримиримо бороться), частотность высокой лексики (служение, отступление, пребывание). Особую выразительность и торжественность тексту присяги придают слова Закон, Присяга, употребляемые с прописных букв. Отмечено, что в текстах присяг субъектов, полномочия которых связаны с правоохраной, исполнением военных функций, акциональный компонент может быть усилен восклицательной формулой, завершающей присягу: «Служу России, служу Закону!» [ФЗ от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках

национальной гвардии РФ», ст. 24.2], «Служу России, служу народу!» [ФЗ от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», ст. 28].

Дополнительная часть содержит поясняющую, процессуально-детализирующую информацию: о допустимости иных вариантов текста, воспроизводимого в качестве присяги, о порядке и обстоятельствах принесения присяги, юридических фактах, связанных с принесением присяги, и др. Подобные предписания мы относим к разъяснительным, информативно-регулирующим. Примеры: «Присяга приносится в торжественной обстановке в присутствии сенаторов РФ, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного Суда РФ» [Конституция РФ, ст. 82], «Клятва врача дается в торжественной обстановке» [ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», ст. 71], «Уполномоченный считается вступившим в должность с момента принесения присяги» [ФЗ от 26.02.1997 № 1-ФЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ», ст. 9]).

В некоторых статьях о присяге дополнительная часть не представлена (см., напр., ст. 10 «Присяга судьи Конституционного Суда РФ» ФЗ от 21.07.1994 № 1-ФЗ «О Конституционном Суде РФ», ст. 36 «Принесение депутатом Думы присяги» Закона г. Москвы от 13.07.1994 № 14-60 «О статусе депутата Московской городской Думы»), поэтому можно сделать вывод о том, что данная часть не является обязательной, а при наличии выполняет вспомогательную функцию. Следует также отметить, что в некоторых законах положения о присягах и тексты присяг приводятся в составе статей иного типа (см., напр., ст. 2 «Статус депутата областной Думы» Закона Тульской области от 25.10.2005 № 620-ЗТО «О статусе депутата Тульской областной Думы»). Но при формулировании данных положений и текстов соблюдаются общие особенности статей о присягах.

Заключительные положения

Несмотря на имеющиеся структурные и содержательные отличия, статьи о присягах, включаемые в базовые законы, представляют собой видовые трансформации общего текстотипа. Чем больше в таких статьях воспроизводится шаблонных средств (прежде всего, при формулировании заголовков, вводно-установительных, разъяснительных, информативно-регулирующих предписаний), тем в большей степени они иллюстрируют унифицированность и иные признаки законодательного стиля.

В то же время, использование клише и выразительных средств, традиционно применяемых при создании не законодательных текстов, в том числе сочетание элементов текстов разных типов (волеизъявления, воздействия, убеждения), привносит в статью о присяге и соответственно в базовый закон, содержащий данную статью, черты иных (не законодательных) стилей, их функционально-прагматическую специфику.

Литература

- Бринев К. И. Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики / Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 179-187.
- Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории: учебное пособие / Н. Д. Голев. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2021. 214 с.
- Ефремов В. А. Понятный язык и его параметризация // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе : Сб. научн. трудов IX Междун. научн.-методич. конф., Санкт-Петербург, 19-20 октября 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный ун-т, 2023. С. 33-37.
- Иванова Е. А. Присяга следователя – правовая и нравственная основа службы в Следственном комитете Российской Федерации / Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 144-147.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%8F%D0%B3%D0%B0&mode=all>. Дата обращения: 06.04.2024.
- Орлова А. В. Лексико-семантическое поле «клятва» и способы его репрезентации в русском языке XI – XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Орлова Антонина Вячеславовна. Москва, 2022. 22 с.
- Почкаев Р. Ю., Тарасов Н. В. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Том 27. № 3. С. 595-608.
- Русакова Н. Г. Присяга при приобретении гражданства Российской Федерации иностранцами / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 205-207.
- Санников С. В. Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти / Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2017. № 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171>. Дата обращения: 06.04.2024.
- Словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24101>. Дата обращения: 06.04.2024.
- Трубникова Ю. В., Доронина С. В. Проблемы формирования навыков владения деловой речью в аспекте развития профессиональной языковой личности / Лингвориторическая парадигма. 2020. № 25-1. С. 110-112.
- Хижняк С. П. Пути и алгоритмы упорядочения законодательной терминологии / Юрист-Правовед. 2022. № 3(102). С. 133-137.

- Хитарова Е. Г. Присяга как дискурсивная формула в английском и русском языках / Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2017. № 16. С. 22-24.
- Чаплинский Ф. Ф. Присяга в конституционно-правовом статусе публичных и непубличных субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Чаплинский Федор Федорович. Белгород, 2019. 23 с.
- Чернышова Т. В. Прикладные аспекты официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов / Филология и человек. 2016. № 2. С. 177-191.
- Щенникова Л. В. Присяга как этический гимн нотариальной деятельности / Нотариальный вестник. 2020. № 12. С. 46-55.

References

- Brinev, K.I. (2010). Linguistic theories and linguistic expert research: the problem of the relationship between legal and theoretical linguistics / Siberian Philological Journal, 1, 179-187. (in Russian).
- Golev, N. D. (2021). Jurislinguistics. Introductory essay on the theory: textbook / N. D. Golev. Kemerovo: Kemerovo State. univ. (in Russian).
- Efremov, V. A. (2023) Clear language and its parameterization / Current problems of humanitarian knowledge in a technical university: Collection of scientific papers of the IX International Scientific and Methodological Conference, St. Petersburg, October 19-20, St. Petersburg: St. Petersburg Mining University, 33-37. (in Russian).
- Ivanova, E. A. (2020) The investigator's oath is the legal and moral basis of service in the Investigative Committee of the Russian Federation / Law and State: Theory and Practice, 1 (181), 144-147. (in Russian).
- Kuznetsov, S. A. Large explanatory dictionary of the Russian language. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%8F%D0%B3%D0%B0&mode=all>. (in Russian).
- Orlova, A. V. (2022) Lexico-semantic field "oath" and methods of its representation in the Russian language of the 11th – 17th centuries: abstract. dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01 / Orlova Antonina Vyacheslavovna. Moscow. (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu., Tarasov, N. V. (2023) The oath of citizenship in Russian history and the oath of citizenship in modern Russia: traditions and innovations / Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal sciences, Vol. 27, 3, 595-608. (in Russian).
- Rusakova, N. G. (2017) Oath when acquiring citizenship of the Russian Federation by foreigners / Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4 (40), 205-207. (in Russian).
- Sannikov, S. V. (2017) Oath and oath as performative acts of "microphysics" of power / Universum: philology and art history, 10 (44), URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171>. (in Russian).
- Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24101>. (in Russian).
- Trubnikova, Yu.V., Doronina, S.V. (2020). Problems of the formation of business speech skills in the aspect of the development of a professional language personality / Linguistic and rhetorical paradigm, 25-1, 110-112. (in Russian).
- Khizhnyak, S. P. (2022) Ways and algorithms for streamlining legislative terminology / Lawyer-Legalist, 3 (102), 133-137. (in Russian).
- Khitarova, E. G. (2017) Oath as a discursive formula in English and Russian languages / Collections of conferences of the Scientific Research Center Sociosphere, 16, 22-24. (in Russian).
- Chaplinsky, F. F. (2019) Oath in the constitutional and legal status of public and non-public subjects: abstract. dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.02 / Chaplinsky Fedor Fedorovich. Belgorod. (in Russian).
- Chernyshova, T. V. (2016) Applied aspects of official business communication: principles for assessing business texts / Philology and people, 2, 177-191. (in Russian).
- Shchennikova, L. V. (2020) The oath as an ethical hymn of notarial activity / Notarial Bulletin, 12, 46-55. (in Russian).

Citation:

- Батюшкина М. В. Законодательные статьи о присягах (клятвах) // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 11-15.
- Batyushkina M. V. (2024) Legislative Articles on Juration (Oaths). Legal Linguistics, 32, 11-15.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Методы текстологического анализа дореволюционного уголовно-исполнительного законодательства в политико-правовом наследии Н.М. Ядринцева

А. В. Головинов¹, Ю. В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет*

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Алтайский государственный педагогический университет*

ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

Настоящая работа имеет цель историко-правовой герменевтической реконструкции методик и приемов текстологического анализа уголовно-исполнительного законодательства Российской Империи в политико-правовом идейном наследии основоположника идеологии сибирского областничества – Н. М. Ядринцева.

В материале делается акцент на том, что в литературно-публицистическом творчестве писателя можно обнаружить широкую палитру политико-правовой оценки узаконений в сфере назначения и исполнения уголовного наказания.

Авторы отмечают, что, будучи истинным патриотом своей малой родины, Н. М. Ядринцев всю свою жизнь радел за отмену ссылки в отчий край, неизбежно превращающей регион в неблагополучное и непристойное место. Потому, чтобы всецело разобраться в гранях уголовно-исполнительной политики Российской Империи в «Восточной окраине», просветитель глубоко рефлексировал над правовой стороной карательного вопроса.

В целом показано, что историческая школа права в гносеологии норм и предписаний всегда была направлена на генезис текста правового акта. Такой методологический прием широко применял в своей политико-правовой доктрине сибирский областник. Данный фокус познания юридической реальности позволял определить бытование пробелов в текстах нормативных документов дореволюционной России.

В статье представлен вывод о том, что просветителем применялись приемы историко-правового подхода, историко-текстологического анализа нормативной базы, социологический инструментарий, статистический метод и парадигмы сравнительно-правовой плоскости познания текстов уголовно-исполнительного законодательства имперской России.

Ключевые слова: текстологический анализ норм права, сибирское областничество, Н. М. Ядринцев, Российская Империя, историческая школа права, сравнительно-правовой метод, социология права, пенитенциаристика.

Methods of Textual Analysis of Pre-revolutionary Correctional Legislation in the Political and Legal Heritage of N.M. Yadrintsev

A. V. Golovinov¹, Yu. V. Golovinova²

¹*Altai State University*

61 Lenin str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Altai State Pedagogical University*

55 Molodyozhnaya str., 656035, Barnaul, Russia. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

This work is aimed at historical and legal hermeneutic reconstruction of methods and techniques of textual analysis of the correctional legislation of the Russian Empire in the political and legal ideological heritage of the founder of the ideology of Siberian regionalism - N.M. Yadrintsev. The material focuses on the fact that in the literary and journalistic works of the writer one can find a wide palette of political and legal assessment of legislation with regard to imposition and execution of criminal punishment.

The authors note that as a true patriot of his lesser motherland N.M. Yadrintsev spent his entire life working for the abolition of exile to that land, which inevitably turned the region into an underprivileged and improper place. Therefore, in order to fully understand the facets of the correctional policy in the "Eastern Outskirts" of the Russian Empire the educator considered in depth the legal side of the punitive justice.

In general, it is shown that the historical school of law in the epistemology of norms and regulations has always been aimed at the genesis of the text of a legal act. This methodological technique was widely used by the Siberian regionalist in his political and legal doctrine. This particular knowledge of legal reality made it possible to determine the existence of breaches in the texts of regulatory documents of pre-revolutionary Russia.

The article presents the conclusion that the educator used the techniques of the historical-legal approach, historical-textual analysis of the regulatory framework, sociological tools, statistical methods and paradigms of comparative analysis of the texts of the penal legislation in Imperial Russia.

Key words: textual analysis of legal norms, Siberian regionalism, N. M. Yadrintsev, Russian Empire, historical school of law, comparative legal method, sociology of law, penitentiary studies.

История уголовно-исполнительной (пенитенциарной) политики отечественного государства раскрывается и проецируется в текстах нормативно-правовых актов определенной эпохи. Однако лишь формальная оценка не годится для полноценного понимания письменных выражений, смысла, значения и содержания определенных узаконений. Дело в том, что при таком подходе не будет полного и разностороннего разбора соотношения буквы закона с правоприменительной практикой. В этом смысле обращение к доктрине права в дореволюционной России видится перспективным направлением.

В период так называемой эмансипации второй половины XIX века общественные силы сосредоточились в группе писателей и публицистов, совсем равнодушных к русскому закону и его применению. Реформы благоприятствовали вовлечению широких масс интеллектуалов, а не только профессиональных юристов, в рефлексию о соотношении текстового выражения закона и применения его на реальной практике. Ярким представителем эпохи «шестидесятников» в данном контексте может выступать сибирский публицист – Н. М. Ядринцев. К сожалению, в юридической литературе редко апеллируют к идейному политико-правовому наследию «достойного сына Сибири». Имея за плечами опыт уголовного преследования, а затем арестанта и ссыльнопоселенца, лидер движения областников познал все тяготы уголовно-исполнительной машина царизма. В принципе можно полагать, что обращение к правовому регулированию пенитенциарной и уголовной политики в современной ему России в определенной степени обусловлено данным витальным обстоятельством. Вместе с тем штрафная колонизация, строительство системы исправительных учреждений и бесконечная уголовная и политическая ссылка на поселение и каторжные работы были верными спутниками сибирского региона. Формировался некий стереотип о том, что Сибирь – это исключительно территория падших людей, злодеев, преступников, место тюремных замков и острогов. Будучи истинным патриотом своей малой родины, Н. М. Ядринцев всю свою жизнь радел за отмену ссылки в отчий край, неизбежно превращающей регион в неблагополучное и непристойное место. Потому, чтобы всецело разобраться в гранях уголовно-исполнительной политики Российской Империи в «Восточной окраине», просветитель глубоко рефлексировал над правовой стороной карательного вопроса.

Обращаясь к степени разработанности обозначенной темы исследования, можно отметить, общие вопросы политических, социально-философских и правовых воззрений основоположников движения сибирского областничества представлены в ряде работ современных авторов. В трудах таких современных исследователей, как В. А. Должиков [Должиков 2018], Л. М. Дамешек [Дамешек 1981], В. П. Зиновьев [Зиновьев 2022], А. А. Иванов [Иванов, 2022], Е. Г. Новикова [Новикова 2020], В. А. Гордиенко, Н. В. Жилиякова [Гордиенко, Жилиякова 2020], А. П. Христолюбова [Христолюбова 2021], Е. В. Масяйкина [Масяйкина, 2022], И. Г. Чередниченко [Чередниченко 2004], М. В. Шиловский [Шиловский 2021], И. В. Демин [Демин 2013] и др. рассматриваются различные аспекты программы областничества Н. М. Ядринцева и его единомышленников.

Итак, в литературно-публицистическом творчестве писателя можно обнаружить широкую палитру политико-правовой оценки узаконений в сфере назначения и исполнения уголовного наказания.

Познавая правовые основы пенитенциарной политики царизма, Н. М. Ядринцев проводил аналитику тестов узаконений в этой сфере, применяя историко-правовой подход. Историческая школа права в гносеологии норм и предписаний всегда была направлена на генезис правового акта. Такой методологический прием широко применял в своей политико-правовой доктрине сибирский областник. Данный фокус познания юридической реальности позволял определить бытование пробелов в текстах нормативных документов. «В историческом ходе нашего законодательства, – писал Н. М. Ядринцев, – мы не находим положений по поводу наказаний малолетних и несовершеннолетних преступников ни в Русской Правде, ни в судебных грамотах, ни в Судебнике, ни в Уложениях Алексея Михайловича; причина, по всей вероятности, в том, что преступления малолетних до Петра Великого были подсудны, после родительской власти, имевшей широкие размеры, суду духовенства, руководствовавшегося церковными уставами и кормчей книгой» [Ядринцев 1874: 76].

Сибирский мыслитель также замечал, что в текстах законодательных актов Петра Великого не было общего постановления относительно наказуемости малолетних. Н. М. Ядринцев смело предположил, что едва ли привлекались вообще к суду дети моложе 7 лет, так как, по учению церкви, малолетние не обязываются даже

исповедью, как не осознающие своих грехов. Вот что отмечал просветитель: «Гуманный указ Елизаветы Петровны 23 августа 1742 г. в первый раз устанавливает для уголовного совершеннолетия 17 летний возраст и лица ниже этого возраста не могли быть подвергаемы ни пыткам, ни наказанию» [Ядринцев 1874: 77].

Историко-правовая аналитика норм уголовного и уголовно-исполнительного права, проводимая известным сибиряком, касалась и ссылки как уголовного воздействия. Вот что находим в творчестве Н. М. Ядринцева: «Несмотря на обширное значение, какое имела ссылка в России XVII столетия, составляя одно из видных наказаний в нашем Кодексе, мы, однако, не встречаем о ней никаких исторических исследований, точно также как и определенного мнения о ней русских юристов, так как наши криминалисты, до последнего времени, руководствовались мнениями западных ученых, в роде Гольцендорфа, и на них основывали свои заключения о русской ссылке» [Ядринцев 1870: 208].

Опять историко-текстологический анализ позволил мыслителю прийти к убедительному выводу о том, что необходимые законоположения принимаются гораздо позже, чем необходимо. Он замечал, что ссыльная система действовала полностью на не урегулированной основе, а значит, какое-то время могла сохраняться правовая неопределенность. Просветитель заключал, что ссылка в России вошла в правовое поле, начиная с Уложения Алексея Михайловича, но на практике она существовала гораздо ранее. «О ссылке в Сибирь, - констатировал мыслитель - упоминается в первый раз в Уложении 1648 г.; ей велено карать тяглых московских и городских людей за самовольную приписку к разным лицам и учреждениям. Эта мера была вызвана стремлением тяглых и податных людей, чтобы избежать уплаты налогов» [Ядринцев 1870: 209].

Кроме исторических очерков, позволяющих достаточно эффективно раскрывать эволюцию буквы закона в уголовном и уголовно-исполнительном праве, Н. М. Ядринцев использовал и социологический метод. В целом просветитель придавал определенное значение общественным факторам и потребностям в применении актов или выявлении их оторванности от реального положения дел. Н. М. Ядринцев четко обозначал влияние социального фактора на законодательный процесс в применении уголовного возмездия. «Установившееся в царствование Петра правило наполнять армию ворами и бродягами, - отмечал просветитель, - сильно вредило нравственности военного сословия и сделало побег совершенно нормальным социальным явлением. В виду этого, правительство указом 1821 года повелело всех маловажных преступников и бродяг, замещаемых прежде на работы по крепостям, обращать вперед в Сибирь <...> На другой же год, после этого указа, цифра ссыльных поднялась с 3 на 6 тысяч» [Ядринцев 1870: 227]. Цитируемый фрагмент иллюстрирует социальную обусловленность в изменении текстов нормативных актов. Однако сибирский публицист обратил внимание, что социальный фактор может иметь и некоторые негативные последствия правой трансформации.

Социологический инструментальный познания бытия права тесно связан со статическими методами. В этом отношении идеолог сибирского демократического регионализма часто использовал статистику при анализе последствий неблагоприятного действия уголовно-исполнительной политики царизма. Понимая, что цифры - вещь точная и упрямая, публицист наглядно вскрыл то расхождение, которое возникало между текстом законоположения и былью жизненных практик. Так, масштабы существующей проблемы роста ссыльных преступников мыслитель представлял в виде конкретных чисел. «Уже с начала XIX столетия, - замечал провинциальный философ, - мы видим необыкновенное увеличение числа ссыльных. В то время, когда с 1807 по 1812 год оно равнялось 2,035 человек в год, в 1817 году цифра эта поднимается до 3,138, в 1823 году вдруг до 6,667, а с 1824 по 1828 год средним числом по 11,116 ежегодно. Таким образом, ссылка в течение 12 лет упятерилась» [Ядринцев 1872: 525].

Пытаясь постичь самую суть проблемы, Н. М. Ядринцев регулярно делал аналитические обзоры зарубежного опыта уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Таким образом, просветитель руководствовался сравнительно-историческим приемом анализа нормативных актов и правовой доктрины. В итоге просветитель пришел к такому умозаключению: «Хотя ссылкой пользовались многие европейские народы, начиная с древних греков и кончая испанцами, португальцами, голландцами, французами, но опыты большей части этих наций не заслуживают особенного внимания потому, что прерывались в самом начале, и потому что кончались крайне жалкими результатами; в применении этого наказания более видное и достойное место принадлежит Англии» [Ядринцев 1872: 651].

В итоге Н. М. Ядринцев констатировал, что, сравнивая опыты правового регулирования русской ссылки с иностранной, вполне ясно, что она во многом отличалась от английского сценария. Служа колонизационным целям, при этом она была во многом неравномерна для преступника как наказание.

Итак, подводя итоги нашего исследования, можно сделать определенные выводы. Во-первых, Н. М. Ядринцев не был профессиональным юристом, но на уровне глубокой политико-правовой рефлексии постигал содержание текстов уголовно-исполнительного законодательства в Российской Империи. Во-вторых, мы можем установить методологические приемы и сценарии анализа содержания нормативно-правовых актов в сфере уголовного наказания и государственной пенитенциарной политики. Так, просветителем применялись приемы историко-правового подхода, историко-текстологического анализа нормативной базы, социологический инструментальный, статистический метод и парадигмы сравнительно-правовой плоскости познания текстов уголовно-исполнительного законодательства дореволюционной России.

Литература

- Гордиенко В. А., Жилиякова Н. В. Публицистика А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь», 1917 г. / Вопросы журналистики. – 2020. – № 8. – С. 101-116. – DOI 10.17223/26188422/8/7.
- Должиков В. А. Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением / Народы и религии Евразии. – 2018. – №15(2). – С. 78-85.
- Дамешек Л. М. Н. М. Ядринцев о взаимном влиянии русского и коренных народов Сибири / Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока: Тезисы докл. Регион. науч. конф. (Иркутск, 14–16 мая 1981 г.). – Иркутск, 1981. – С. 76–81
- Демин И. В. Либеральные детерминанты социально-философских взглядов Н. М. Ядринцева / Очерки зарождения философской мысли в Сибири и на Алтае : Сборник научных статей / Под редакцией В. Ю. Инговатова и И. В. Демина. – Барнаул, 2013. – С. 24-105.
- Зиновьев В. П., Филонов И. Д. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885 - 1905 гг. / Вестник Томского государственного университета. – 2022. – 484. – С. 121-126.
- Иванов А. А. Историкографическое осмысление проблем политической и уголовной ссылки в Сибири / Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX - начало XX века). Иркутск, – 2022. – С. 134-210.
- Масяйкина Е., Владимирова С. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» / Юрислингвистика. – 2022. – № 26(37). – С. 90-95. – DOI: 10.14258/leglin(2022)2615
- Новикова Е. Г. Ф. М. Достоевский и сибирское областничество. статья вторая / Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – №67. – С 22-26.
- Христолюбова Т. П. Идеи сибирского областничества в художественной жизни дореволюционного Томска / Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 560-566. – DOI 10.30853/mns210114
- Чередниченко И. Г. Сибирские областники о роли местной прессы в развитии регионального самосознания / Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск. – 2004. – С. 44-48.
- Шиловский М. В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870-1880-е гг. // Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2021. – С. 22-26
- Ядринцев Н. М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений / Дело. – 1870. – № 10. – отд. 1. – С. 122-234
- Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872.
- Ядринцев Н. М. Колонии для малолетних преступников / Дело. – 1874. – № 7–8. – С. 76.

References

- Gordienko, V. A., Zhilyakova, N. V. (2020). Journalism of A. V. Adrianov and G. N. Potanin in the newspaper "Siberian Life", 1917. Questions of Journalism. No. 8.101-116. DOI 10.17223/26188422/8/7 (in Russian).
- Dolzhiikov, V. A. (2018). N. M. Yadrinsev about the ethno-cultural interaction of the Old Believer peasants of the Russian Altai with the aboriginal population. Peoples and religions of Eurasia. No. 15 (2). 78-85 (in Russian).
- Dameshek, L. M. (1981). N. M. Yadrinsev on the mutual influence of the Russian and the indigenous peoples of Siberia. Problems of socio-economic and political development of the countries of the East: Abstracts of reports. Region. scientific conf. (Irkutsk, May 14–16, 1981). Irkutsk. 76–81 (in Russian).
- Demin, I. V. (2013). Liberal determinants of the social and philosophical views of N. M. Yadrinsev. Essays on the origin of philosophical thought in Siberia and Altai: Collection of scientific articles / Edited by V. Yu. Ingovатов and I. V. Demin. Barnaul, 24-105 (in Russian).
- Zinoviev, V. P., Filonov I. D. (2022). "Sibirsky Vestnik" and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885 - 1905. Bulletin of Tomsk State University. 484. 121-126 (in Russian).
- Ivanov, A. A. (2022). Historiographical understanding of the problems of political and criminal exile in Siberia. Essays on historiography and source studies of the history of Siberia during the era of the empire (XIX - early XX centuries). Irkutsk, 134-210 (in Russian).
- Masyaykina, E., Vladimirova, S. (2022). The ideology of regionalism in the mirror of Russian culture: based on the lexical and linguistic practices of Georgy Grebenschchikov's story "The Khanate of Batyrbek". Jurislinguistics. No. 26(37). 90-95. DOI 10.14258/leglin(2022)2615 (in Russian).
- Novikova, E. G. (2020). F. M. Dostoevsky and Siberian regionalism. article two Bulletin of Tomsk State University. Philology, 67, 22-26 (in Russian).
- Khristolubova, T. P. (2021). Ideas of Siberian regionalism in the artistic life of pre-revolutionary Tomsk. Manuscript. No.3. 560-566. DOI 10.30853/mns210114 (in Russian).
- Cherednichenko, I. G. (2004). Siberian regionalists on the role of the local press in the development of regional identity. Siberia: a view from the outside and from the inside. Spiritual dimension of space. Irkutsk, 44-48 (in Russian).
- Shilovsky, M. V. (2021). Publicistic comprehension of N. M. Yadrinsev prospects for the development of Siberia in the 1870-1880s. Yadrinsev readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk, 22-26 (in Russian).

Yadrintsev, N. M. (1870). Historical essays on Russian exile in connection with the development of crimes. Delo. No. 10. dep. 1. 122-234 (in Russian).

Yadrintsev, N. M. (1872). Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of various punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community. St. Petersburg (in Russian).

Yadrintsev, N. M. (1874). Colonies for juvenile delinquents. Case. No. 7-8. 72-88.

Citation:

Головинов А. В., Головинова Ю. В. Методы текстологического анализа дореволюционного уголовно-исполнительного законодательства в политико-правовом наследии Н. М. Ядринцева // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 16-20.

Golovinov A. V., Golovinova Yu. V. (2024) Methods of Textual Analysis of Pre-revolutionary Correctional Legislation in the Political and Legal Heritage of N.M. Yadrintsev. Legal Linguistics, 32, 16-20.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проект главы УК РФ «Общие определения. Толкование терминов»

С. В. Землюков

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: zemlukow@mail.ru*

Статья посвящена важному для понимания и правильного применения уголовного закона разделу УК РФ «Общие определения и термины». Язык закона и юридическая терминология имеют немаловажное значение для повышения эффективности применения закона и выполнения им функции предупреждения совершения преступлений. Предварительная системная работа по изучению понятий и терминов УК РФ и их толкование и применение на практике позволила разработать специальный раздел, положения которого помогут при разработке и принятии новых уголовно-правовых норм, при применении уголовного закона на практике, при понимании закона широким кругом лиц.

Ключевые слова: уголовный закон, юридическая техника, толкование и применение.

Draft Chapter "General Definitions. Interpretation of terms" in the Criminal Code of the Russian Federation

S. V. Zemlyukov

*Altai State University
61 Lenina St, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: zemlukow@mail.ru*

The article discusses the section of the Criminal Code of the Russian Federation "General Definitions and Terms" that is important for understanding and applying criminal law. The language of law and legal terminology are of no small importance for increasing the effectiveness of law enforcement and performing the function of crime deterrence. Preliminary systematic work on the study of the concepts and terms of the Criminal Code of the Russian Federation and their interpretation and putting in practice will allow us to develop a special section of provisions that may help in the development and study of new norms of criminal law, in the enforcement of criminal law, in intendment of law by general public.

Key words: criminal law, legal technique, interpretation and application.

Терминология закона имеет исключительно важное значение для правильного и единообразного понимания и реализации воли законодателя. Особенно важна терминологическая точность и определенность, упорядочение терминов для уголовного законодательства. С целью соблюдения принципов терминологической точности, определенности и однозначности все чаще при разработке законов в них включаются главы или разделы о терминах, понятиях и определениях и их толковании. Все чаще в федеральных законах специалисты встречают статьи, в которых дается определение основным понятиям, которые используются в данном законе. В свое время, по поручению руководителя Комиссии по разработке проекта УК РФ при Министерстве юстиции СССР, а затем МЮ РФ, автором этой статьи был подготовлен проект главы УК «Общие определения. Толкования терминов». Последующие комиссии по подготовке проекта УК, в том числе и заключительная, при ГД РФ, не восприняли идею о статье или главе с толкованием терминов, используемых в УК РФ. При этом многие предложения автора, касающиеся описания последствий преступлений, были учтены в УК РФ 1996 года. Тем не менее полагаем, что эта тема является актуальной, требует дальнейшего обсуждения и реализации. В проекте главы «Общие определения. Толкование терминов» приведены характеристики различных видов преступного вреда – понятие, градация по степени тяжести, способы описания.

Эта глава может закреплять и целый ряд других понятий, относящихся к субъекту, субъективной стороне и т. д.

Многие виды преступного вреда в этой главе согласованы по способу описания и размеру. Это будет способствовать непротиворечивости и внутренней согласованности уголовного закона.

Проект главы «Общие определения. Толкование терминов»

За исключением случаев, когда значение терминов прямо указано в нормах настоящего УК, следующие термины имеют указанное ниже значение.

1. Понятия и термины, описывающие вред жизни и здоровью человека.

1.1. Смерть человека – полное прекращение функций головного мозга, работы сердца и самопроизвольного дыхания; отсутствие сознания. Смерть человека описывается в следующих терминах – умышленное убийство, неосторожное убийство (вариант – неосторожное лишение жизни), убийство двух или более лиц, гибель людей.

1.2. Для описания вреда здоровью в кодексе используются понятия «вред здоровью», «расстройство здоровья», «телесное повреждение», «массовый вред здоровью».

«Вред здоровью» – телесное повреждение, увечье, хроническое, инфекционное и др. заболевание, отравление, состояние бессознательности, расстройство психики и другое повреждение здоровья человека.

«Расстройство здоровья» – любое заболевание, отравление, расстройство психики и другое ухудшение физического состояния человека, не связанное с нарушением анатомической целостности тканей или органов тела.

«Телесное повреждение» – нарушение анатомической целостности или физиологических функций органов и тканей, возникшие в результате воздействия факторов внешней среды.

Все формы вреда здоровью имеют три степени тяжести: легкое (значительное), менее тяжкое, тяжкое. Они определяются в соответствии с Правилами судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью.

«Массовый вред здоровью» – массовое заболевание, отравление, эпидемии и т. д.

1.3. «Физическое насилие» – это применение физической силы с целью принуждения, удержания или воспрепятствования, осуществляемое каким-либо способом в отношении личности. Физическое насилие подразделяется по степени тяжести на не опасное для здоровья, опасное для здоровья, опасное для жизни.

«Физическое насилие, не опасное для здоровья» – применение силы, которое в этот момент создало реальную угрозу нанесения побоев либо иного воздействия на телесную неприкосновенность человека или которое повлекло реальное нарушение телесной неприкосновенности человека в виде побоев, или применение силы, которое повлекло ограничение свободы.

«Физическое насилие, опасное для здоровья» – применение силы, которое в этот момент создавало реальную угрозу причинения телесных повреждений любой тяжести или которое реально повлекло легкое, менее тяжкое, либо тяжкое телесное повреждение.

«Физическое насилие, опасное для жизни» – применение силы, которое в этот момент создавало реальную угрозу лишения жизни или которое повлекло тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни в момент причинения, либо смерть потерпевшего.

«Массовое насилие» – применение силы, выразившееся в убийствах, причинении телесных повреждений, пытках, истязаниях, захвате заложников, лишении свободы, выселении людей из мест проживания.

В тех нормах, где насилие не подразделяется по степени тяжести, оно включает только реальную угрозу причинения вреда жизни или здоровью. При фактическом причинении телесных повреждений либо смерти, последнее подлежит квалификации и наказанию по совокупности.

Если применение физического насилия повлекло неосторожное расстройство здоровья либо смерть, последнее подлежит квалификации и наказанию по совокупности.

Преступление считается совершенным с применением насилия и в тех случаях, когда виновный обманным способом привел потерпевшего в беспомощное состояние.

1.4. «Побои» – нанесение многократных ударов по телу человека, не повлекшее расстройство здоровья.

2. Понятия и термины, описывающие преступное обогащение и имущественный ущерб.

2.1. «Преступное обогащение» – это любое противозаконное извлечение (присвоение, завладение, удержание и т. п.) любой имущественной выгоды, льгот или привилегий для себя или третьих лиц в соответствии с желанием или согласием последних.

Преступное обогащение описывается в законе следующими терминами: «обогащение», «нажива», «незаконный доход» («прибыль»), либо путем указания на размер деяния: «кража в крупных размерах». По размеру преступное обогащение подразделяется на мелкое, значительное, крупное и особо крупное.

«Мелкий размер» составляет денежную оценку обогащения в сумме, которая не превышает минимальный размер оплаты труда. Для большинства корыстных преступлений этот размер наживы необходимо перевести в разряд административных проступков.

«Значительный размер» составляет денежную оценку обогащения в сумме, которая не превышает пятидесятикратный минимальный размер оплаты труда.

«Крупный размер» включает денежную оценку обогащения в сумме, которая пятидесятикратно превышает установленный минимальный размер оплаты труда.

«Особо крупный размер» включает оценку обогащения в сумме, которая стократно превышает установленный минимальный размер оплаты труда.

Размер обогащения определяется в денежной оценке на момент его получения. При этом учитываются существующие цены, расценки или тарифы на услуги, а при их отсутствии необходимо заключение эксперта. В качестве дополнительного критерия может учитываться размер полученной выгоды в натуре (количество, вес, объем).

Назрела необходимость создания «методики определения размера имущественного ущерба и обогащения, причиненных преступлением». Теоретически и практически это выполнимая задача.

2.2. «Имущественный ущерб» – причиненный любым способом движимому или недвижимому имуществу любой реально осязаемый или неосязаемый ущерб, который хотя бы в какой-то степени приводит к утрате его ценности или создает помехи его использованию или обладанию по назначению. Имущественный ущерб может быть причинен путем уничтожения, повреждения, порчи, изнашивания, ухудшения, утраты чужого имущества, либо связан с причинением иных имущественных расходов потерпевшему. При утрате имущества определяется стоимость утраченного имущества за вычетом износа. При повреждении имущества определяется сумма уценки или расходы по устранению повреждения. К расходам потерпевшего относятся фактические расходы, возникшие как последствия преступного деяния.

Имущественный ущерб подразделяется по размеру на крупный и особо крупный.

«Крупный имущественный ущерб» – это ущерб на сумму, превышающую пятидесятикратный минимальный размер оплаты труда.

«Особо крупный имущественный ущерб» – это ущерб на сумму, в сто раз превышающую установленный минимальный размер оплаты труда на момент причинения.

3. «Незаконная деятельность» – разновидность преступного деяния, опасность которого состоит в создании, изготовлении, хранении, перемещении, сбыте, продаже, потреблении запрещенных к обращению предметов, продуктов, результатов, способных причинить вред государственным, общественным или личным интересам.

Размер незаконной деятельности как показатель степени ее опасности определяется в зависимости от стоимости, количества, степени опасности (вредности) предметов, продуктов или результатов деятельности.

В уголовном законе выделяется крупный и особо крупный размер незаконной деятельности.

«Крупный размер» включает стоимость предметов, продуктов или результатов деятельности либо сумму сделки, которая пятидесятикратно превышает минимальный размер оплаты труда.

«Особо крупный размер деятельности» составляет стоимость предметов, продуктов и результатов либо сумму сделки, которая стократно превышает минимальный размер оплаты труда.

4. «Экологический вред» – вредное изменение окружающей природной среды, наступившее в результате загрязнения или иного вредного воздействия хозяйственной, управленческой или иной деятельности, угрожающее жизни и здоровью людей, либо создавшее неблагоприятные экологические условия для жизни населения.

«Существенный экологический вред» – вредное изменение окружающей природной среды, создавшее реальную опасность жизни людей, либо выразившееся в устойчивом и трудно устранимом загрязнении, порче, повреждении, истощении, разрушении отдельных объектов природной среды, либо в причинении тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью людей.

«Тяжкий экологический вред» – вредное изменение окружающей природной среды, выразившееся в устойчивых отрицательных невосполнимых изменениях отдельных объектов природной среды либо их уничтожении (массовая гибель растительного и животного мира, уничтожение природного слоя почвы на больших площадях и т. д.), либо загрязнение, повреждение или уничтожение особо охраняемых территорий и объектов, либо массовый вред здоровью людей, либо смерть человека.

«Экологическая катастрофа» – крупномасштабное и долговременное вредное изменение природной среды, носящее устойчивый характер, несовместимое с нормальной жизнедеятельностью человека, либо повлекшее гибель людей или массовый тяжкий вред здоровью.

Степень вредного изменения окружающей природной среды определяется на основании установления превышения предельно допустимых нормативов вредного воздействия на окружающую среду в кратном размере.

5. «Морально-психологический вред» – отрицательное эмоциональное переживание (горе, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, вина и т. д.), связанное с нарушением неприкосновенности личности в духовной сфере путем унижения ее чести и достоинства в личном либо общественном сознании, либо путем угроз.

«Тяжкий морально-психологический вред» – последствие унижения чести и достоинства человека, либо ограничения его свободы, либо угрозы, выразившееся в особых психических переживаниях или страданиях потерпевшего, нанесении вреда его работе, здоровью, общественному положению, семейной жизни либо материальному благополучию.

6. Некоторые преступления могут причинять различный по характеру вред (множественный вред). Для его описания используются оценочные понятия «значительный вред», «тяжкий вред».

«Значительный вред» – понятие, включающее различный по характеру преступный вред, достигший размера, минимально необходимого для признания деяния преступным: извлечение для себя или других лиц неправомерной имущественной или иной личной выгоды в значительном размере; умышленное причинение крупного имущественного ущерба; неосторожное причинение особо крупного ущерба; прекращение, приостановление либо создание иных серьезных помех в административно-хозяйственной, производственной, либо иной деятельности юридических лиц; подрыв авторитета органов власти, управления или общественных организаций, создание опасной социальной обстановки, могущей перерасти в массовый межнациональный или иной социальный конфликт либо массовое нарушение общественного порядка; воспрепятствование либо иное ограничение осуществлению каких-либо прав, полномочий, льгот или иное существенное ущемление прав и интересов граждан; сокрытие крупных

хищений и других тяжких преступлений, менее тяжкий вред здоровью.

«Тяжкий вред» – понятие, включающее различный по характеру преступный вред, выступающий особо отягчающим по отношению к значительному вреду: извлечение для себя или других лиц неправомерной имущественной или иной личной выгоды в особо крупном размере; сокрытие особо крупных хищений и других особо тяжких преступлений; умышленное причинение особо крупного имущественного ущерба; ущемление прав и интересов граждан, повлекшее тяжкий для потерпевшего нравственно-психологический вред; возникновение массового межнационального или социального конфликта, массовых беспорядков; крупные аварии, длительная остановка транспорта или производственного процесса, длительная дезорганизация работы предприятия, учреждений; причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью.

Citation:

Землюков С. В. Проект главы УК РФ «Общие определения. Толкование терминов» // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 21-24.

Zemlyukov S. V. (2024) Draft Chapter "General Definitions. Interpretation of terms" in the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 32, 21-24.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод»¹

А. Е. Канакова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kananna19@yandex.ru

В статье рассматривается теоретическая дискуссия по вопросу дефиниций, содержания и соотношения категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод», используемых в юридической науке. Автор выявляет причины, порождающие сложности при правовом регулировании прав и свобод в цифровом пространстве, анализирует имеющиеся нормативные и теоретические подходы к модели правового регулирования цифровой сферы. Итогом проведенного исследования является предложенная автором модель соотношения категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод», согласно которой цифровые права могут создаваться только в том случае, если возможность, порожденная технологическим прогрессом, не имеет уже существующих аналогов в правовой сфере. В случае если законодательство Российской Федерации уже содержит подходящую категорию, действующую в офлайн-пространстве, следует говорить исключительно о цифровизации данного правомочия, выражающейся в корректировке содержания или способов реализации. Вместе с этим автор рассматривает вопрос корректности использования характеристики «цифровые» по отношению к правам и свободам, так как некоторые авторы предлагают иное наименование указанной группы правомочий. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что категории «информационные права и свободы» и «цифровые права и свободы» нельзя признать тождественными, а термин «виртуальные права и свободы» является излишним.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые права и свободы, информационные права и свободы, виртуальные права и свободы, права и свободы.

Definitions and Correlation of the Categories "Digital Rights" and "Digitalization of Rights and Freedoms"

A. E. Kanakova

Altai State University

61 Lenin str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kananna19@yandex.ru

The article examines the theoretical discussion on the issue of definitions, content and correlation of the categories "digital rights" and "digitalization of rights and freedoms" used in legal science. The author identifies the reasons that give rise to difficulties in the legal regulation of rights and freedoms in the digital space, analyzes the available normative and theoretical approaches to the model of legal regulation of the digital sphere. The result of the conducted research is the author's proposed model of correlation between the categories of "digital rights" and "digitalization of rights and freedoms", according to which digital rights can be developed only if the opportunity generated by technological progress lacks existing analogues in the legal sphere. If the legislation of the Russian Federation already contains a suitable category operating offline, we should speak exclusively about the digitalization of this right, expressed in the adjustment of the content or methods of implementation. At the same time, the author considers the issue of the correctness of the use of the characteristic "digital" in relation to rights and freedoms, as some authors propose a different name for this group of rights. The analysis made it possible to conclude that the categories of "information rights and freedoms" and "digital rights and freedoms" cannot be recognized as identical, and the term "virtual rights and freedoms" is superfluous.

Key words: digitalization, digital rights and freedoms, information rights and freedoms, virtual rights and freedoms, rights and freedoms.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01133 «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

Несмотря на то, что правовое регулирование происходящих технологических трансформаций общества и государства привлекает внимание все большего количества ученых, неоспоримым является то, что единства подходов в данной сфере не наблюдается. Отсутствие однородности в отношении правового регулирования происходящих изменений вызвано рядом причин. Во-первых, развитие технологий происходит стремительно, отчего даже обычные пользователи соответствующих технологий не всегда успевают за изменениями и не сразу их осваивают, что предопределяет еще большее отставание законодателя от реального технологического уровня в силу отсутствия у него необходимых знаний и неповоротливости законодательного процесса. А так как законодатель не берет на себя центральную роль в определении модели правового регулирования, то их выработкой занимается научное сообщество, создающее множество сочетаемых и несочетаемых комбинаций.

Во-вторых, далеко не каждый правовед занимается вопросом разработки комплексного подхода регулирования цифровой составляющей правовых категорий, в большинстве случаев ученые концентрируют внимание на частных вопросах, связанных со сферой их научного или практического интереса, редко выходя за обозначенные пределы.

В-третьих, корректное объяснение любого вопроса начинается с правильно подобранной терминологии, так как ошибочное использование понятий и категорий может привести не только к невозможности донесения необходимой мысли, но и к созданию недостоверной базы для проведения дальнейших исследований. Непроизвольно указанная ситуация сформировалась в рамках исследований правового регулирования цифровой среды, так как в условиях отсутствия единой базовой терминологии ученые стали обосновывать собственное видение, расширяя профессиональный лексикон либо смежными, похожими словами, либо придумывая новые авторские термины.

Расхождение позиций можно обнаружить даже на этапе первичного анализа документов, имеющих отношение к указанному вопросу. Например, в подходе ООН, высказанном в резолюции в поддержку свободы слова в интернете, было подчеркнуто, что все права и свободы, которые человек имеет вне сети, должны также защищаться в онлайн-среде [В ООН...: URL]. Следовательно, можно сделать вывод, что ООН подразумевает расширение сферы применения и защиты прав, ранее установленных, а не предполагает создание новых категорий.

В то время как нормативный подход, реализованный в Российской Федерации, первоначально наталкивает на иное понимание выбранного пути развития правовой мысли. Так, Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) ст. 141.1, закрепляющую новую категорию «цифровые права», под которой понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Представленная новая категория подвергалась существенной критике в рамках научного сообщества.

Так, И. Л. Петрова и В. С. Манохин, затрагивая вопрос цифровых прав, установленных в гражданском законодательстве, акцентируют внимание на том, что введение данной категории является некорректным, так как до сих пор отсутствует четкое понимание и толкование категории «цифровое право», наполнение которого должно происходить путем анализа явлений, которые могут считаться частью цифрового права [Петрова, Манохин 2019: 168].

А. А. Арямов, Е. О. Руева и А. А. Чигак также критически оценили категории «цифровое право», «цифровой актив» и «унитарные цифровые права», отмечая тавтологии и алогизмы этих категорий (например, в контексте «цифрового права» объектом права является само право) [Арямов, Руева, Чигак 2020: 134].

Говоря о цифровых правах человека, Э. В. Талапина отмечает, что узурпированный цивилистами термин «цифровые права» представляет собой порочное удвоение сущности, поскольку они дублируют традиционные права. Таким образом, российское законодательство пошло вразрез с традиционным мировым пониманием цифровых прав, рассматриваемых с точки зрения публичного права, став фактически диссонатором континентальной правовой системы. Автор предлагает два выхода из сложившейся терминологической путаницы: либо употреблять категорию «цифровые права» в двух смыслах – частноправовом и публично-правовом, либо ввести новый термин для публично-правового обозначения цифровых прав, например двоичные (бинарные) права, которые не только показывают связь с цифровой передачей информации, но и через игру слов оттеняют двойственность прав человека – как в онлайн, так и в офлайн [Талапина 2019: 133-134].

С. И. Глушкова и Е. Д. Летунов отмечают, что введение категории «цифровые права» в гражданское законодательство создало терминологическую подмену, когда в понятие, которое в мировой практике используется в одном смысле, вложили совершенно иное содержание. На основе этого ими был сделан вывод, что данное специальное отраслевое правомочие не затрагивает вопрос сущности цифровых прав и их отличительных особенностей [Глушкова, Летунов 2021: 15].

М. А. Рожкова указала, что «цифровое право», учрежденное в ст. 141.1 ГК РФ, является специальным отраслевым понятием, оторванным от общей концепции «цифровых прав». Согласно тексту пояснительной записки к законопроекту, положенному в основу изменений гражданского законодательства, понятие «цифровое право» вводилось вместо термина «токен», а сама сущность «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под данным правом следует понимать совокупность электронных данных, которая удостоверяет права на объекты гражданских прав [Рожкова 2020: 4-8].

Р. Б. Головкин и О. С. Амосова, рассматривая дефиницию, введенную в гражданское законодательство, делают вывод о том, что она не выполняет своей основной задачи по определению сущности цифровых прав. В частности,

они усматривают необоснованное расширение цифровых прав, так как по смыслу нормы получается, что к цифровым правам можно отнести все обязательственные и иные права, определяемые правилами информационной системы. Вместе с этим авторами отмечается нарушение основного правила формулирования правовых или иных понятий, когда определение должно содержать только известные признаки, не требующие пояснений и не содержащие двусмысленности, а в ст. 141.1 ГК РФ цифровые права определяются через информационную систему, которая также не имеет однозначных трактовок. Авторами делается вывод, что цифровые права – это не самостоятельные меры возможного поведения субъектов правоотношений, а, скорее, форма выражения субъективных прав, отраженных в гражданском законодательстве и соответствующих информационных системах [Головкин, Амосова 2019: 164-166].

В. Е. Молостова провела основательный анализ становления цифровых прав в России. Рассмотрев изначальную и итоговую трактовку категории «цифровые права», изучив комментарии профильных комитетов Государственной Думы РФ, В. Е. Молостова приходит к выводу, что окончательная формулировка, используемая в ст. 141.1 ГК РФ, включает в себя вообще любое право, которое каким-либо образом оказалось зафиксированным в цифровом виде. Несмотря на это, В. Е. Молостова отмечает, что противоречия в понимании термина «цифровые права» пока остаются, и приводит в качестве примера истории появления в российской правовой реальности категорий «цифровые финансовые активы» (Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и «унитарные цифровые права» (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Вместе с этим автором отмечается, что используемые в ст. 141.1 ГК РФ словесные конструкции («названные в таком качестве в законе», «отвечающей установленным законом признакам») предопределяют ориентир на дальнейшее развитие термина «цифровые права». Подводя итог, В. Е. Молостова делает вывод о том, что цифровое законодательство в России носит несистемный характер, так как оно формировалось преимущественно для решения текущих, а не стратегических задач [Молостова 2022: 379-382].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на введение в российское законодательство категории, напрямую связанной с цифровым пространством, она не упростила, а усложнила ситуацию, усугубив и без того разнонаправленные дискуссии по указанному вопросу.

Однако даже если абстрагироваться от категории «цифровые права», закрепленной в гражданском законодательстве, и перенести фокус внимания на общетеоретическое понимание цифровых прав и свобод, то тезис об отсутствии единого подхода к статусу и наполнению данных категорий лишь подтверждается.

Первостепенно необходимо обозначить, что стихийно сложилось два подхода к оценке влияния технологического прогресса на правовую составляющую прав и свобод человека и гражданина. В рамках первой позиции технологические трансформации создают новые правовые категории, требующие обособленного правового регулирования, то есть предопределяющие появление цифровых прав и свобод. Вторая позиция заключается в том, что процесс цифровизации не порождает новые категории в правовой сфере, а лишь вносит изменения в существующие права и свободы, создавая новые способы и пространства реализации.

Например, В. Д. Зорькин обозначил, что «цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [«Право в цифровом мире»...]. Следовательно, не усматривает в цифровых правах чего-то принципиально нового.

В то время как А. Е. Тарасова и Я. В. Лысова выделяют категорию «цифровые права» как новую категорию прав, определяющих положение субъекта в цифровом киберпространстве. При этом они используют аналогичное наименование как для описания двух различных подходов восприятия цифровых прав (в качестве «цифровой оболочки» для всех существующих прав и свобод или новой специфической категории), так и для обоснования различного содержания этой категории в частноправовом (обязательственные и иные права, содержание и условия, определенные через информационные системы) и публично-правовом смысле (система прав человека, определяющая его положение в информационной среде, Интернете и позволяющая безопасно и комфортно пользоваться новыми технологиями) [Тарасова, Лысова 2023: 88-89]. Таким образом, представляется возможным сделать предположение о том, что категорию «цифровые права» авторы видят как некий правовой ономим, когда у одинаковых по звучанию и написанию слов разное лексическое значение (в нашем случае – разное юридическое содержание).

Ряд авторов, рассматривая цифровые права, акцентирует внимание на их перечне, что создает предпосылки к пониманию их позиции как направленной на выделение новых категорий. Так, А. А. Кузнецов и Э. О. Галдина к цифровым правам относят право людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, в сети Интернет [Кузнецов, Галдина 2022: 160]. Аналогичный подход был ранее обозначен А. А. Куликовой, с той лишь разницей, что цифровые права предварительно перед перечислением выше указанных возможностей означались как комплекс прав человека [Куликова 2019: 182].

Вместе с этим не только статус цифровых прав и свобод является предметом дискуссии, но и их наполнение. Например, В. В. Жемеров фактически связывает цифровые права исключительно с информацией, определяя их как особую разновидность субъективных прав, выраженных в возможности субъекта иметь доступ к информации, электронным устройствам и коммуникационным сетям и совершать различные действия с ними. В качестве

отличительных особенностей цифровых прав он указывает: существование исключительно в цифровом пространстве, возможность реализации только через использование цифровых технологий и отсутствие материального выражения, так как объектом данных прав является информация [Жемеров 2019: 1028-1029]. В то время как В. А. Карташкин приходит к выводу, что новые права более корректно называть информационно-цифровыми, так как они неразрывно связаны с информацией, являющейся конструктором реальности и одной из социальных ценностей [Карташкин 2022: 951].

Н. В. Варламова обозначает проблему наименования новых прав, отмечая, что в отечественной литературе их обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными, в то время как в англоязычной литературе используются категории, которые на русском языке звучат как цифровые права, интернет-права, право на коммуникацию, свобода соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей. При этом Н. В. Варламова проводит критическую оценку данных терминов, делая вывод о том, что ни один из данных терминов не является безупречным. Так, информационные права видятся как права, связанные с информацией, реализация которых не обязательно связана с онлайн-пространством. Характеристика прав как виртуальных создает неудачную ассоциацию, указывающую на их нереальный характер. Интернет-права или сетевые права обозначают привязку к сети Интернет, когда современные технологии не ограничиваются Интернетом. На взгляд Н. В. Варламовой, категория «цифровые права» является наиболее адекватной, но изменения, внесенные в гражданское законодательство, превратили эту категорию в узкоспециализированное отраслевое понятие [Варламова 2019: 12-13].

На основе проведенного анализа основных нормативных положений Российской Федерации, связанных с цифровыми возможностями в онлайн-пространстве, и теоретических воззрений на природу и содержание цифровых прав, представляется возможным предпринять попытку сформулировать комплексный подход к используемой терминологии.

Представляется правильным начать с определения общей концепции цифровых прав. Несмотря на то, что на данный момент сложилось две основные позиции по данному вопросу (признание либо цифровых прав и свобод в качестве новых категорий, либо технологий трансформирующей силой для уже существующих прав и свобод), более корректным видится одновременное сочетание указанных точек зрения. Фактически технологический прогресс разделил сферу правового регулирования прав и свобод человека и гражданина на две части, отнесение к которым зависит от того, существует ли у технологического явления офлайн-аналог или нет.

Например, часто в качестве нового цифрового права называют право на забвение. Несмотря на прижившееся в научной литературе наименование этой возможности, фактически введенные Федеральным законом от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» полномочия касаются базовой конституционной категории – права на неприкосновенность частной жизни, в рамках которой человек самостоятельно принимает решение о запрете распространения информации о самом себе. Таким образом, имея офлайн-аналог для данного права, говорить о существовании новой категории (обособленного права на забвение) не является целесообразным, так как это приведет исключительно к умножению сущностей. В данном случае нужно говорить не о создании новой категории, а о процессе, трансформирующем право на неприкосновенность частной жизни, которое получило новое наполнение за счет развития технологий.

Следовательно, при наличии офлайн-аналога необходимо вести речь не о цифровых правах, а о цифровизации прав и свобод, в то время как категорию «цифровые права» необходимо оставить для явлений, порожденных технологиями, но для которых невозможно найти офлайн-аналог. В таком случае исключается терминологическая путаница. Во-первых, для правовых трансформаций, вызванных цифровизацией прав и свобод, уже существующих в правовом поле, не нужно будет создавать новую категорию. Во-вторых, не будет практического смысла выделять частноправовое и публично-правовое понимание категории «цифровые права», так как цифровые права могут быть сформированы в рамках любой отрасли права. В-третьих, предложенный подход сочетается с возможностью существования цифровых прав, уже введенных в гражданское законодательство.

Однако, несмотря на указанную «возможность существования», полностью обойтись без нормативных изменений гражданского законодательства нельзя, так как на сегодня законодатель уже предпринял попытки создания конкретных видов цифровых прав (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права), но не учел, что они имеют офлайн-аналоги: ценные бумаги и обязательственные права соответственно. Следовательно, законодателю следует убрать привязку цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав от цифровых прав, фактически оставив категорию «цифровые права» пустой. Подобный подход, когда категория вводится «на перспективу», не является новым для российской правовой действительности. Так, в ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации указывается, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Категория «иные формы собственности» была введена с ориентиром на возможность появления новых, специфических форм собственности, которые нельзя будет отнести к какой-либо существующей форме собственности. Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации была принята более 30 лет назад, а дискуссии насчет иных форм собственности до сих пор ведутся, самой аргументированной остается позиция, согласно которой иных форм собственности до сих пор не существует.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в юридический лексикон необходимо ввести такие категории, как «цифровизация прав и свобод», под которой следует понимать вызванный технологическим прогрессом процесс трансформации прав и свобод человека и гражданина, создающий новые характеристики ранее установленных

правомочий (расширение, изменение их содержания и (или) добавление новых форм реализации соответствующих категорий), и «цифровые права», которые представляют собой порожденные технологическим развитием новые права субъекта права, не имеющие аналога в действующем законодательстве и обеспечивающие цифровое взаимодействие субъектов. Иными словами, цифровые права должны появляться только тогда, когда законодателю нечего цифровизировать.

Однако не всеми учеными используется термин «цифровизация», поэтому представляется правильным дополнительно проанализировать использованную терминологию и сопоставить категории между собой.

Первоначально в юридической сфере появилась категория «информация» и производный от нее процесс «информатизация». Термин «информация» произошел от латинского *informatio*, что переводится как «разъяснение, осведомление, понимание», следовательно, информация – это обработанные данные, которые приобретают определенное смысловое содержание. Таким образом, можно сделать вывод, что информатизация какой-либо сферы должна быть связана с обработкой первичных данных для получения содержания, приобретающего смысл в контексте или во взаимодействии определенных элементов. Очевидным является то, что более эффективная обработка данных, сведений или уже готовой информации будет происходить посредством использования современных технологий, однако, во-первых, наличие современных технологий не может считаться обязательной характеристикой данного процесса, и, во-вторых, обработка данных может происходить локально без необходимости подключения удаленного взаимодействия с иными субъектами или средствами. Соответственно, процесс информатизации предполагает работу со способами обработки данных и с их результатом как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве, а информационные права и свободы – это права и свободы, связанные с поиском, получением, обработкой, передачей и распространением информации (независимо от пространства совершения указанных процессов).

Появление термина «цифровизация» стало следствием перехода от аналоговых технологий (магнитофоны, радиоприемники, стационарные телефоны, проигрыватели виниловых пластинок и т. п.) к цифровым (Интернет, искусственный интеллект, дополненная реальность, 3D-печать, блокчейн, Big Data, криптовалюта и др.), под которыми понимают технологии, обеспечивающие работу с электронными данными (создание, хранение, обработка, распространение и т. п.) посредством использования компьютера и компьютерных сетей. Причем важной особенностью цифровых технологий является то, что используемая в их работе информация имеет числовую форму, на основе которой специальные программы преобразуют ее в изображения, звуки и т. д.

На основе сказанного выше можно сделать вывод о том, что цифровизация, цифровые права и свободы, цифровое пространство связаны с информацией, но устанавливать тождество между соотносимыми категориями (например, цифровизацией и информатизацией) некорректно, так как в данных сферах делается разный смысловой акцент. В информационной сфере фокус внимания находится на данных, сведениях и самой информации, допуская разные способы и пространства их обработки, в то время как для цифровой сферы сам факт обработки информации уходит на задний план (так как вся имеющаяся в этом пространстве информация имеет одинаковую природу – числовую), выдвигая на первый план использование специфических технологий – цифровых технологий. Таким образом, представляется правильным рассматривать цифровые и информационные права и свободы в качестве обособленных групп правомочий, которые могут иметь одинаковый предмет правоотношений.

Характеристика «виртуальный» аналогично применяется при описании пространства и возможностей поведения субъекта, но она также обладает основополагающими свойствами, определяющими ее смысловое содержание. С развитием технологий произошли и лингвистические изменения, которые привели к тому, что термин «виртуальный» стал использоваться для обозначения того, что не существует в действительности, но появляется благодаря функционированию определенных технологий. Как, например, отмечает Т. Я. Хабриева, виртуальные вещи обладают определенным парадоксом, а именно субстанциональной процессуальностью, когда эта вещь существует исключительно в процессе работы компьютерных программ, и процессы вычисления, телекоммуникации, человеческого мышления, сознания образуют ее субстанцию [Хабриева 2018: 95]. Именно эта характеристика определяет главную особенность всего виртуального – это то, что не может существовать в реальном мире. Например, в случае обнаружения виртуальных следов при расследовании преступления их перенос на технологическое устройство изменит статус соответствующей информации с «виртуальной» на «цифровую». То есть под виртуальным пространством можно понимать среду, в которой информационные процессы (возникновение, обработка, передача информации и т. п.) протекают непрерывно на основе функционирующих технологических процессов (программ, механизмов и др.). Разумеется, на этой основе можно построить и определения «виртуализации» и «виртуальных прав и свобод», но данные процессы представляются излишними и приводят лишь к умножению сущностей, увеличению количества запутывающих терминов, что негативно сказывается на правовом регулировании технологического прогресса.

Основываясь на сказанном выше, можно сделать вывод о том, что в правовом поле необходимо оставить такие пары категорий, как «информационные права и свободы» и «цифровые права и свободы», так и «информатизация» и «цифровизация», при этом четко разделяя их из-за различного правового наполнения.

Литература

- Арямов А. А., Руева Е. О., Чизак А. А. Цифровые права – новые горизонты или юридический тупик / Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 131-149.
- В ООН приняли резолюцию в поддержку свободы слова в интернете / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180705/1524045771.html>
- Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение права человека? / Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – №4. – С. 9-46.
- Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности / Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10. – № 5А. – С. 11-27.
- Головкин Р. Б., Амосова О. С. «Цифровые права» и «Цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2(51). – С. 163-166.
- Жемеров В. В. Цифровые права человека: теоретические и практические проблемы / Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 1026-1036.
- Карташкин В. А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – № 22 (4). – С. 949-962.
- Кузнецов А. А., Галдина Э. О. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-1 (66). – С. 160-162.
- Куликова А. А. Цифровые права в российской правовой системе: понятие, виды / Современный юрист. – 2019. – № 1(26). – С. 178-185.
- Молостова В. Е. Анализ понятия цифровых прав в России / Наукосфера. – 2022. – № 8(1). – С. 378- 383.
- Петрова И. Л., Манохин В. С. Цифровое право – новая отрасль российского права (вопросы номинации)? / Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 167-170.
- Право в цифровом мире. Выступление Валерия Зорькина на ПМЮФ / Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/>
- Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / Хозяйство и право (право цифровой экономики). – 2020. – № 10 (525). – С. 3-12.
- Талпина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 122-146.
- Тарасова А. Е., Лысова Я. В. Цифровые права как новое поколение прав человека в системе международного права в сфере прав человека / Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 87-95.
- Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85-102.

References

- Aryamov, A. A., Rueva, E. O., Chigak, A. A. (2020). Digital rights – new horizons or a legal impasse. Justice, 2, 1, 131-149 (in Russian).
- The UN adopted a resolution in support of freedom of speech on the Internet. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20180705/1524045771.html> (in Russian).
- Varlamova, N. V. (2019). Digital rights - a new generation of human rights? Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 14, 4, 9-46 (in Russian).
- Glushkova, S. I., Letunov, E. D. (2021). The development of human rights in the context of digitalization of society: current trends in digital reality. Theories and problems of political research, 10, 5A, 11-27 (in Russian).
- Golovkin, R. B., Amosova, O. S. (2019). "Digital rights" and "Digital law" in the mechanisms of digitalization of the economy and public administration. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2(51), 163-166 (in Russian).
- Zhemerov, V. V. (2019). Digital human rights: theoretical and practical problems. Issues of Russian justice, 3, 1026-1036 (in Russian).
- Kartashkin, V. A. (2022). Digital Human Rights: International legal and social dimensions. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology, 22 (4), 949-962 (in Russian).
- Kuznetsov, A. A., Galdina, E. O. (2022). Constitutional human rights and Freedoms in the Digital Age. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 3-1 (66), 160-162 (in Russian).
- Kulikova, A. A. (2019). Digital rights in the Russian legal system: concept, types. A modern lawyer, 1(26), 178-185 (in Russian).
- Molostova, V. E. (2022). Analysis of the concept of digital rights in Russia. Naukosphere, 8(1), 378-383 (in Russian).
- Petrova, I. L., Manokhin, V. S. (2019). Digital law – a new branch of Russian law (nomination issues)? Bulletin of the Vladimir Law Institute, 4(53), 167-170 (in Russian).
- Law in the digital world. Valery Zorkin's speech at the SPIEF. Association of Lawyers of Russia. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/> (in Russian).
- Rozhkova, M. A. (2020). Digital rights: public law concept and concept in Russian civil law. Economy and Law (Law of the digital economy), 10 (525), 3-12 (in Russian).
- Talapina, E. V. (2019). Evolution of human rights in the digital age. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 14, 3, 122-146 (in Russian).

Tarasova, A. E., Lysova, Ya. V. (2023). Digital rights as a new generation of human rights in the system of international law in the field of human rights. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University, 10, 1, 87-95 (in Russian).
Khabrieva, T. Ya. (2018). Law in the conditions of digital reality. Journal of Russian Law, 1, 85-102 (in Russian).

Citation:

Канакова А. Е. Дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод» // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 25-31.

Kanakova A. E. (2024) Definitions and Correlation of the Categories "Digital Rights" and "Digitalization of Rights and Freedoms". Legal Linguistics, 32, 25-31.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Определения термина «виктимологическая безопасность» в общей структуре криминологического знания

Е. В. Рогова¹, Е. С. Качурова²

¹*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации*

ул. Шевцова, 1, 664035, Иркутск, Россия. E-mail: rev-80@yandex.ru

²*Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия*
ул. Ивана Франко, 23А, 664074, Иркутск, Россия. E-mail: kachurova_ls@mail.ru

Статья посвящена определению понятия виктимологическая безопасность как одного из значимых понятий криминологической системы противодействия преступности. Выделяются подходы к изучению виктимологической безопасности, приведен исторический аспект формирования понятия, акцентируется внимание на необходимости исследования вопросов виктимологической безопасности, а также вопросы понимания термина как части формирования эффективной системы обеспечения безопасности в целом. В статье анализируются перспективы развития виктимологического направления в криминологической концепции, как резерва и необходимого элемента сохранения благоприятной криминологической среды. Рассмотрение резервных возможностей противодействия современным криминологическим угрозам с виктимологического ракурса может форсировать процесс формирования благоприятной виктимологической среды, где ответственное и небезразличное отношение граждан обеспечит тотальное снижение уровня виктимизации. Формирование виктимологической системы эволюционирует в зависимости от изменений всего периода становления современной России, отражая состояние ее экономики, политические тенденции, социокультурные тренды, идеологические, ценностные установки и стремление минимизировать криминологические угрозы. Само отношение к поведению и роли жертв в совершаемых преступлениях есть ни что иное как должный уровень правовой культуры современного общества, а нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающие полноценный правовой статус потерпевших – индикатор соблюдения конституционных принципов. Условием эффективности системы мер обеспечения виктимологической безопасности является ее способность адаптироваться к криминологическим изменениям, соответствие динамике современных тенденций преступности. В статье обосновывается необходимость комплексного всестороннего изучения термина виктимологической безопасности для формирования общей системы криминологических знаний.

Ключевые слова: виктимологическая безопасность, криминология, виктимизация, угрозы безопасности.

Definitions of the Term “Victimological Security” in the General Structure of Criminological Knowledge

E. V. Rogova¹, E. S. Kachurova²

¹*Irkutsk Law Institute (branch of) University of Public Prosecution Service of the Russian Federation*
1 Shevtsova str., 664035, Irkutsk, Russia. E-mail: rev-80@yandex.ru

²*East Siberian branch of the Russian State University of Justice*
23A Ivana Franko St., 664074, Irkutsk, Russia. E-mail: kachurova_ls@mail.ru

The article considers the definition of the concept of victimological security as one of the significant concepts of the criminological system of crime prevention. Approaches to the study of victimological security are highlighted, the historical aspect of the development of the concept is given, attention is focused on the need to study issues of victimological security, as well as issues of understanding the term as part of the development of an effective security system as a whole. The article analyzes the prospects for the development of the victimological branch in the criminological theory, as a reserve and a necessary element of maintaining a favorable criminological environment. Consideration of reserve opportunities to prevent

modern criminological threats from a victimological perspective will speed up creating a favorable victimological environment, where responsible and caring public attitude will ensure a total reduction in the level of victimization. The development of a victimological system has been evolving in dependence with changes throughout the period of shaping of modern Russia, reflecting the state of its economy, political trends, sociocultural trends, ideological, value attitudes and the urge to minimize criminological threats. The very attitude towards the behavior and role of victims in crimes committed is nothing more than the proper level of legal culture of modern society, and the norms of criminal legislation and criminal procedure legislation that ensure the full legal status of victims are an indicator of compliance with constitutional principles. A condition for the effectiveness of a system of measures to ensure victimological security is its ability to adapt to criminological changes and compliance with the dynamics of modern crime progression. The article substantiates the need for a comprehensive study of the term victimological security for the development of a general system of criminological knowledge.

Key words: victimological security, criminology, victimization, security threats.

Вопрос изучения и разработки общей системы обеспечения криминологической безопасности связан с необходимостью определения термина «виктимологическая безопасность», как ее особого резервного направления. В современных условиях активизации новых криминальных угроз, дополнение базовой системы предупреждения преступности мерами обеспечения виктимологической безопасности является обязательным элементом, способным минимизировать рост виктимизации населения. Таким образом изучение и дефиниция самого термина виктимологической безопасности является актуальным.

Необходимость определения термина виктимологической безопасности предполагает многоаспектный анализ проблематики, в связи с чем, предлагаем выделить основные направления исследований рассматриваемого вопроса.

Так, при разработке концепции виктимологической безопасности приоритет должен быть отдан реализации интересов жертв преступлений, включая жертв потенциальных и латентных, то есть предполагается ориентированность на защиту прав каждого, так как гарантия полной девиктимизации невозможна.

Важен и учет динамики криминологических вызовов и угроз, при этом с обозначенным кругом ответственных субъектов секьюритивной системы с определенным кругом полномочий.

Соответственно и подходы к изучению виктимологической безопасности имеют свою специфику, в зависимости от целей виктимологических исследований. Ослабление экономики и прочие общесоциальные факторы, детерминируют рост криминологических и как следствие – виктимологических угроз, способствуют дестабилизации современного российского общества.

Дефиниция представляет собой сложное по структуре и содержанию многофункциональное явление, которое имеет собственные характеристики и механизмы обеспечения. Таким образом, отсутствие единства научных мнений о дефиниции виктимологической безопасности обосновано и позволяет виктимологии развиваться.

Даже само ключевое понятие теории «безопасность» может иметь дуальный смысл. Так, в широком конституционном формате – это национальная безопасность многонационального народа – носителя суверенитета и источника власти в России [Конституция РФ 1993]. С другой стороны, безопасность рассматривается как личная категория, подразумевающая обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан, гарантии повышения качества жизни, развития человека, демократии, современной России, создании правового, социально ответственного государства, духовном возрождении страны.

Среди современных работ, посвященные актуальным вопросам виктимологической безопасности существует несколько групп исследований, затрагивающих вопрос определения изучаемого термина современном этапе.

Первая группа трудов освящает проблемы теоретико-методологической интерпретации концепции обеспечения национальной безопасности в целом, включая исследование криминологических угроз. Среди них есть работы, описывающие проблемы правового регулирования национальной безопасности в криминологическом ракурсе: труды С. С. Босколова [Босхолов 2019: 25-30], С. А. Воронцова [Воронцов 2016: 43], М. Ф. Гацко [Гацико 2014: 112] и др. Определяя ключевые понятия безопасности, авторы выделяют различные классификации угроз, что делает возможным определять критерии оценки эффективности общей системы безопасности РФ.

Ко второй группе относятся исследования, которые наиболее подробно раскрывают концепцию «виктимологической безопасности», ее понятие и содержание – Ю. А. Воронин, А.В. Майоров [Воронин, Майоров 2014: 44-45], К. В. Вишневецкий [Вишневецкий 2010: 208]. В указанных работах делается акцент на разработке инструментария для анализа проблем виктимологической безопасности, приведены обоснованные выводы о необходимости определения самого понятия в общей системе теории криминологического обеспечения безопасности.

Обоснованием специфики виктимологических характеристик различных видов преступлений занимаются А. Л. Репецкая [Репецкая 1994: 36], Т. В. Варчук [Варчук 2012: 112] и др. Каждый из исследователей подчеркивает разные атрибутивные элементы, характеризуя особенности виктимологической безопасности как сложный и многогранный субъект.

Важное значение при определении понятия виктимологической безопасности имеют выступления ведущих криминологов России, в публикациях и выступлениях которых обсуждаются проблемы и перспективы российской криминологической политики.

Итак, рассмотрим основы дефиниции понятия «виктимологической безопасности» в криминологическом ключе. Исторически само понятие и определение «безопасности» напрямую связано с понятием «государство». Так,

выдающийся французский мыслитель Мишель де Монтень в третьем томе «Опытов», глава 9 «О суетности» говорит, что «Лучшее государственное устройство для любого народа – это то, которое сохранило его как целое», сам ход истории заставляет людей искать общественное устройство, наиболее целесообразное в сложившихся обстоятельствах, «нужда обтесывает людей и сгоняет их вместе» [Монтень 2008: 138–139]. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, рассуждая на тему безопасности, отмечает, что это «...есть первое добро государственное; честь драгоценная для народов, благоденствующим...» [Карамзин 1993: 117]. То есть, первостепенное значение объединения людей в определенную упорядоченную систему и определение границ допустимого – обеспечение норм безопасности, которые призваны упростить и облегчить жизнь каждого и минимизировать актуальные угрозы.

Само же понятие «безопасность» упоминалось еще в глубокой древности, к примеру, в Ветхом завете – так, Ной по наказу Бога, сделал ковчег, в котором он вместе с семьей и животными (каждой твари по паре), спасся от потопа – обезопасил себя от стихийной гибели, при том сделал это сам, подтверждая выводы общей виктимологической теории о необходимости активной позиции каждого в предотвращении вредных последствий.

У древнего философа Демокрита безопасность определяется, как возможность человека приспособиться к конкретным условиям выживания, а объединяются люди по причине необходимости повысить личную защищенность. И с этими простыми выводами нельзя не согласиться. Именно социализация основа для обеспечения безопасности, понимание того, что соблюдение определенных законов и норм обеспечивают достаточный уровень секьюритизации.

По мнению другого античного философа-мыслителя Аристотеля, граждане стремятся к государственному общению, в связи с чем, основное значение в вопросах безопасности отведено законодательному урегулированию сфер жизнедеятельности. По сути, он сводит содержание понятия к вопросу о самосохранении, то есть – безопасность по Аристотелю – чувство естественное для индивида. Именно воспитание законопослушности граждан, их информированность, по мнению Аристотеля, будут способствовать созданию безопасного общества. [Аристотель 1983: 534–535].

Таким образом, сами подходы к определению безопасности и ее значения, и роли в государственном устройстве, разнятся в политических и правовых исторических теориях, что делает невозможным единообразно сформировать определение виктимологической безопасности, как вида общей безопасности в целом. Неспособность государства обеспечить эффективную модель системы безопасности, в соответствии с уровнем актуальных внутренних и внешних угроз, является негативным индикатором, что влечет за собой рост виктимологических угроз и вызывает стойкое нежелание граждан способствовать виктимологической превенции. Вот почему формирование самого понятия и внедрения его в общую криминологическую теорию – необходимое условие развития правового государства. Так, вопросы определения базовых инструментов самой виктимологической теории легли в основу научных трудов выдающихся советских ученых, которые уже в прошлом столетии доказали необходимость дополнения криминологических знаний резервным виктимологическим направлением. Среди главных отечественных виктимологов хочется выделить Л. В. Франка, Д. В. Ривмана, В. Я. Рыбальскую.

Таким образом, изучаемое нами понятие не является новым, а в архитектуре современного криминологического знания олицетворяет мотивированность самого общества в поддержании криминологической безопасности как таковой.

Современность вынужденно актуализирует проблемы личной безопасности человека, поскольку количество и масштабы различного рода виктимологических угроз, включая кибератаки мошенников, рост экстремизма и рецидивной преступности, увеличиваются. При этом виктимологически одобряемые характеристики граждан снижаются, на фоне общих девиаций, алкоголизма, наркомании и нежелании граждан брать на себя ответственность за личную и общественную безопасность. Пропаганда паразитического образа жизни среди молодежи, отсутствие у некоторых правильных идеологических ориентиров и установок влекут за собой рост виктимизации и проявление новых типов виктимности. Именно поэтому интерес исследователей к осмыслению проблем виктимологической безопасности продолжает сохраняться.

Виктимологическую безопасность можно обозначить как состояние защищенности человека от виктимологических угроз. Указанному состоянию защищенности способствует реализация виктимологических мер предупреждения преступности, необходимое криминологическое информирование и просвещение, внедрение навыков противодействия виктимогенным факторам.

Действующая система норм обеспечения виктимологической безопасности является основным элементом общекриминологической системы, указывает на современные задачи, связанные с формированием благоприятной обстановки, где каждый стремится предотвратить преступление. Меры обеспечения виктимологической безопасности позволяют осуществить ее видовую характеристику и провести классификацию видов национальной безопасности Российской Федерации.

Как следует из вышеизложенного, факторы, угрожающие обеспечению виктимологической безопасности, имеют тесную взаимосвязь с криминологическими интересами. При этом каждая из угроз виктимологической безопасности требует индивидуального подхода для ее противодействия, применения специальных средств и методов в рамках государственной деятельности по обеспечению безопасности.

Виктимологическая безопасность является неотъемлемой составляющей всей криминологической системы. Именно она определяет кондицию защищенности личности от криминальных угроз. При этом важно понимать недопустимость конфронтации личности с легитимными социальными государственными институтами, что

гарантирует баланс в государстве и противодействует подрыву законного политического строя.

Изучение современной криминологии предполагает рассмотрение всех аспектов системы обеспечения безопасности и учетом динамики ее угроз и прогнозов относительно новых видов детерминант, способных на эту систему влиять. Изменчивость и не статичность самих факторов, так или иначе влияющих на общую систему обеспечения безопасности в России, порождают научный и экспертный дискурс относительно как понятия, так и видовой классификации виктимологической безопасности.

Литература

- Аристотель*. Политика : собрание сочинений. В 4 т. Т. 4 / Аристотель ; Перевод с древнегреческого, под общей редакцией А. И. Доватура. – Москва : Мысль, 1983. – 830 с.
- Босхолов С. С.* Основы криминологической виктимологии: учебное пособие / С. С. Босхолов, Е. С. Качурова. – Иркутск: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – 78 с.
- Варчук Т. В.* Виктимологическое моделирование в теории детерминации преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskoe-modelirovanie-v-teorii-determinatsii-prestupnosti> (дата обращения: 18.02.2024).
- Вишневецкий К. В.* Место виктимологической теории в криминологии // Общество и право. 2010. №1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-viktimologicheskoy-teorii-v-kriminologii> (дата обращения: 18.02.2024).
- Воронин Ю. А., Майоров А. В.* Виктимная безопасность: терминологическая интерпретация // Всероссийский криминологический журнал. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnaya-bezopasnost-terminologicheskaya-interpretatsiya> (дата обращения: 18.02.2024).
- Воронцов С. А.* Национальная безопасность в оценках региональных экспертов / С. А. Воронцов, А. В. Понеделков. – Текст: электронный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2016. – № 2 (22). – С. 40–44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-v-otsenkah-regionalnyh-ekspertov> (дата обращения: 10.02.2024).
- Гацко М. Ф.* Основы национальной безопасности: учебное пособие / М. Ф. Гацко; ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ногинский филиал. – Ногинск : Ногинский филиал РАНХиГС, 2014. – 129 с. – URL: <https://clck.ru/ntqzj> (дата обращения: 29.01.2024).
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. В 12 т. Т. 2 / Н. М. Карамзин ; [подготовка текста, предисловие В. Б. Муравьева]. – Москва : Московский рабочий : Слог, 1993. – 584 с.
- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <https://clck.ru/CBCL8> (дата обращения: 10.02.2024).
- Монтень де М.* Опыты / М. де Монтень ; Перевод с французского А. С. Бобовича, Ф. А. Коган-Бернштейн, Н. Я. Рыковой. – Москва : Издательство АСТ ; ФТМ, 2008. – 984 с.
- Репецкая А. Л.* Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике / А. Л. Репецкая. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. – 151 с.

References

- Aristotle. Politics: collected works. In 4 vols. T. 4 / Aristotle; Translation from ancient Greek, under the general editorship of A. I. Dovatura. – Moscow: Mysl, 1983. – 830 p.
- Bosholov S.S. Fundamentals of criminological victimology: textbook / S.S. Bosholov, E.S. Kachurova. – Irkutsk: VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019. – 78 p.
- Varchuk T.V. Victimological modeling in the theory of crime determination // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskoe-modelirovanie-v-teorii-determinatsii-prestupnosti> (access date: 02/18/2024).
- Vishnevetsky K.V. The place of victimological theory in criminology // Society and Law. 2010. No. 1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-viktimologicheskoy-teorii-v-kriminologii> (access date: 02/18/2024).
- Voronin Yu. A., Mayorov A.V. Victim security: terminological interpretation // All-Russian Criminological Journal. 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnaya-bezopasnost-terminologicheskaya-interpretatsiya> (date of access: 02.18.2024).
- Vorontsov S. A. National security in the assessments of regional experts / S. A. Vorontsov, A. V. Ponedelkov. – Text: electronic // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2016. – No. 2 (22). – pp. 40–44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-v-otsenkah-regionalnyh-ekspertov> (date of access: 02/10/2024).
- Gatsko M. F. Fundamentals of national security: textbook / M. F. Gatsko; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation", Noginsk branch. – Noginsk: Noginsk branch of RANEPА, 2014. – 129 p. – URL: <https://clck.ru/ntqzj> (date of access: 01/29/2024).

Karamzin N. M. History of the Russian State. In 12 volumes. T. 2 / N. M. Karamzin; [text preparation, foreword by V. B. Muravyov]. – Moscow: Moscow worker: Slog, 1993. – 584 p.

Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ). Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system. URL: <https://clck.ru/CBCL8> (access date: 02/10/2024).

Montaigne de M. Experiments / M. de Montaigne; Translation from French by A. S. Bobovich, F. A. Kogan-Bernstein, N. Ya. Rykova. – Moscow: AST Publishing House; FTM, 2008. – 984 p.

Repetskaya A.L. Guilty behavior of the victim and the principle of justice in criminal policy / A.L. Repetskaya. - Irkutsk: Irkut Publishing House. University, 1994. - 151 p.

Citation:

Рогова Е. В., Качурова Е. С. Определения термина «виктимологическая безопасность» в общей структуре криминологического знания // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 32-36.

Rogova E. V., Kachurova E. S. (2024) Definitions of the Term "Victimological Security" in the General Structure of Criminological Knowledge. Legal Linguistics, 32, 32-36.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Вновь к вопросу о признаках несостоятельности (банкротства) граждан

Ю. В. Холоденко¹, М. В. Лицкас²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹holodenko@de-kons.ru,

²marklitskas@mail.ru

Статья посвящена исследованию признаков несостоятельности (банкротства) гражданина. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время в мире существует лишь два принципа (критерия), формирующих признаки банкротства, при которых физическое лицо (гражданин) может быть признано несостоятельным (банкротом), а именно принцип неоплатности и принцип неплатежеспособности. По состоянию на 2024 г. в российском праве существует две модели регулирования признаков банкротства граждан: для заявления самих граждан и для заявлений их кредиторов (уполномоченного органа). В рамках первой модели оба принципа действуют диспозитивно и одновременно, не исключая действие друг друга, а для второй модели характерно наличие лишь принципа неплатежеспособности, однако его раскрытие происходит, в том числе, через один из критериев неоплатности (через признак превышения размера задолженности над размером имущества). Вышесказанное не может не порождать трудности и отсутствие единообразного подхода в судебно-арбитражной практике. На основе анализа норм зарубежного законодательства и специальной литературы авторы показывают ошибочность такого подхода и предлагают внести изменения в действующий Закон «О несостоятельности (банкротстве)», исключив неоплатность как частный случай неплатежеспособности для заявлений кредиторов и уполномоченного органа о признании гражданина несостоятельным (банкротом).

Ключевые слова: признаки банкротства, гражданин, несостоятельность (банкротство), неоплатность, неплатежеспособность, принципы (критерии) банкротства.

Back to the Issue of the Signs of Personal Insolvency (Bankruptcy)

Y. V. Kholodenko¹, M. V. Litskas²

Altai State University

68 Socialist Ave., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹holodenko@de-kons.ru, ²marklitskas@mail.ru

The article covers the study of signs of personal insolvency (bankruptcy). In the course of the study the authors have concluded that currently there are only two principles (criteria) in the world that set out the signs of bankruptcy, when an individual (citizen) can be deemed unable to pay their debts (bankrupt), namely the principle of non-payment and the principle of insolvency. As it stands in 2024, there are two patterns in the Russian law for regulating signs of personal bankruptcy: for applications from debtors themselves and for applications from their creditors (authorized body). Within the framework of the first pattern both principles act dispositively and simultaneously, without mutual elimination, and the second pattern is characterized only by the presence of the principle of insolvency, but its disclosure occurs, inter alia, through one of the criteria of non-payment (through a sign of your debt exceeding your assets). The foresaid cannot but give rise to difficulties and a lack of a uniform approach in judicial arbitration practice. Based on the analysis of the norms of foreign legislation and special literature the authors show the erroneousness of this approach and propose to amend the current Law "On Insolvency (Bankruptcy)", excluding non-payment as a special case of insolvency for applications from creditors and the authorized body to deem a person insolvent (bankrupt).

Key words: signs of bankruptcy, citizen, insolvency (bankruptcy), non-payment, indigency, principles (criteria) of bankruptcy.

Важность правильного толкования правоприменителем принципов (критериев) несостоятельности (банкротства) заключается в том, что регулируемые данными принципами признаки несостоятельности (банкротства) не только

выступают в качестве норм-дефиниций, имеющих материальный характер, но и самым непосредственным образом влияют на процессуальный статус должника, кредитора (кредиторов), уполномоченного органа и арбитражного суда (далее по тексту – суд). Если суд приходит к выводу о том, что признаки банкротства в отношении должника не соблюдены, он вынужден в силу процессуального закона с необходимостью оставить такое заявление без рассмотрения или прекратить производство по делу (п. 1 ст. 213.6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ, далее по тексту – Закон о банкротстве). В таком случае отдельный кредитор в статусе заявителя лишается своего субъективного права на защиту в рамках института несостоятельности (банкротства), хотя аналогичное право у других кредиторов, уполномоченного органа и у самого должника по-прежнему сохраняется. В этой связи представляется еще более важным изучение данного вопроса, поскольку в рамках существующей судебной практики наблюдается различное толкование норм ст. 213.3 Закона о банкротстве в совокупности с нормами ст. 213.5 и ст. 213.6 Закона о банкротстве.

Следует также отметить, что исторически в мировой правовой практике существуют два принципа, устанавливающих критерии несостоятельности (банкротства): принцип неоплатности и принцип неплатежеспособности [Кондратьева 2014: 576].

Принцип неоплатности раскрывается через соотношение активов (имущества) и пассивов (различных обязательств) субъекта права: если пассивов меньше, чем активов, то субъект права *презюмируется* несостоятельным, поскольку в данной ситуации его имущества меньше, чем требований кредиторов к нему, и, следовательно, он ставит кредиторов в неравное положение, принуждая некоторых из них нести определенные потери в имущественной области, чего право допустить не может, создавая институт несостоятельности (банкротства).

Принцип неплатежеспособности напрямую с имуществом не связан, поскольку исходит из того, что должник в силу разных причин не исполняет обязательство перед кредитором (кредиторами), хотя у него и может быть имущество, достаточное для удовлетворения требований даже всех кредиторов. К примеру, можно смоделировать ситуацию, когда у должника нет средств возратить задолженность кредитору (к примеру, заимодавцу по кредитному договору – банку), но у него есть залоговое имущество, стоимость которого позволяет сделать это. При этом должник может столкнуться с трудностями в поиске покупателей на ту цену, которая устраивает его. В данной ситуации принцип неоплатности не работает: имущество у должника имеется (пусть и в неликвидной форме), но должник не исполняет обязательство в течение определенного срока.

В соответствии с п. 2 ст. 213.3 Закона о банкротстве, заявление о признании гражданина банкротом принимается арбитражным судом при условии, что *требования к гражданину составляют не менее чем пятьсот тысяч рублей и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены, если иное не предусмотрено Законом о банкротстве*. Под «иным» (порядком, прим. авторов) в данном случае следует понимать специальные условия для признания несостоятельным (банкротом) гражданина, который самостоятельно обращается с таким заявлением в отношении себя лично (ст. 213.4 Закона о банкротстве).

Согласно гипотезе нормы, содержащейся в п. 2 ст. 213.3 Закона о банкротстве, для принятия арбитражным судом заявления о признании гражданина несостоятельным (банкротом) необходимо два условия: *1) требования к гражданину составляют не менее чем пятьсот тысяч рублей и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены, и 2) указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены*. Исходя из буквального толкования данной нормы, можно сделать очевидный вывод о том, что речь идет только о *неисполнении* должником-гражданином денежного обязательства, по которому кредитор имеет соответствующее требование, обладающее признаками принудительности (такая «принудительность» раскрывается в контексте нормы п. 1 ст. 213.5 Закона о банкротстве, устанавливающей, что заявление о признании гражданина банкротом может быть подано конкурсным кредитором или уполномоченным органом лишь при наличии решения суда, которое должно подтверждать требование именно данного кредитора по данному обязательству).

Однако, несмотря на вышеуказанную формулировку ст. 213.3 в совокупности со ст. 213.5 Закона о банкротстве, вывод о том, что российский законодатель установил именно и только принцип неплатежеспособности должника-гражданина, будет преждевременным, поскольку п. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве устанавливает легальную дефиницию такой неплатежеспособности. Под ней предлагается понимать *неспособность должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей*, которые презюмируются в одном из следующих случаев: 1) гражданин прекратил расчеты с кредиторами, то есть перестал исполнять денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил; 2) более чем десять процентов совокупного размера денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей, которые имеются у гражданина и срок исполнения которых наступил, не исполнены им в течение более чем одного месяца со дня, когда такие обязательства и (или) обязанность должны быть исполнены; 3) *размер задолженности гражданина превышает стоимость его имущества, в том числе права требования*; 4) имеется постановление об окончании исполнительного производства в связи с тем, что у гражданина отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание.

Внимание на себя обращает третий случай из перечня, предложенного законодателем, наличие которого презюмирует неплатежеспособность гражданина, а значит, и его несостоятельность: *размер задолженности гражданина превышает стоимость его имущества, в том числе права требования*. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках действующего закона единственным принципом (критерием) в определении признаков несостоятельности гражданина по заявлению его кредитора (уполномоченного органа) является

неплатежеспособность, однако в силу несовершенства юридической техники законодатель счел нужным раскрыть содержание неплатежеспособности, в частности, через один из признаков принципа неоплатности. При этом такая ошибка законодателя, по нашему мнению, сама по себе не может повлиять на признание гражданина несостоятельным (банкротом), если в наличии имеются иные перечисленные в п. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве критерии, о чем ясно и четко говорят следующие слова: «*при условии, что имеет место хотя бы одно из следующих обстоятельств...*».

При этом в отношении индивидуальных предпринимателей необходимо учитывать положения ст. 214 Закона о банкротстве, устанавливающей, что *основанием для признания индивидуального предпринимателя банкротом является его неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей*. В данном случае законодатель отказался от излишней детализации понятия «неплатежеспособность» и исключил один из признаков неоплатности в качестве одного из случаев презумпции неплатежеспособности, что согласуется с мнением Г. Ф. Шершеневича о том, что «*точность в исполнении обязательств имеет преимущественное значение в торговом быту, а потому только здесь прекращение платежей может быть допущено, как основание к открытию конкурсного производства*» [Шершеневич 2003: 182].

Отдельно отметим, что если гражданин подает заявление о признании себя несостоятельным (банкротом), то, по мнению законодателя, *он должен отвечать признаку неплатежеспособности и (или) признаку недостаточности имущества* (п. 2 ст. 213.4 Закона о банкротстве). В данном случае исследователю и правоприменителю приходится иметь дело с двумя критериями несостоятельности (банкротства) гражданина одновременно. Мотивы законодателя в такой ситуации предельно ясны, поскольку гражданину, в силу диспозитивности данной нормы, дается два варианта обоснования своей несостоятельности (банкротства) перед судом: или неплатежеспособность, или недостаточность имущества, или и то и другое вместе. Полагаем, что такая диспозитивность регулирования, раскрываемая через конструкцию «и (или)», призвана помочь гражданину и суду в ситуациях, когда доказать только неплатежеспособность или, наоборот, только недостаточность имущества достаточно трудно.

Таким образом, в рамках действующего Закона существует две модели правового регулирования в отношении принципов и признаков банкротства: *для заявлений граждан и для заявлений их кредиторов (уполномоченного органа)*. В рамках первой модели оба принципа (неплатежеспособности и неоплатности) используются в тексте закона вместе, а во втором случае неплатежеспособность раскрывается через один из признаков неоплатности (превышение размера задолженности над совокупной стоимостью имущества).

Сложность вышеуказанной конструкции, созданной законодателем, не могла не привести к проблемам и отсутствию единообразия в судебной практике. Хотя большинство судов при рассмотрении заявления кредитора о признании гражданина несостоятельным (банкротом) исходят из неплатежеспособности, существуют примеры судебной практики, когда правоприменителем использовался только принцип неоплатности. Таковым является, к примеру, Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 08.11.2019 г. по делу № А33-21343/2018.

В рамках данного судебного акта суд, неверно истолковав и ошибочно сославшись на один из Обзоров судебной практики Верховного суда, сделал вывод о том, что кредитор (банк) может получить удовлетворение в рамках исполнительного производства, несмотря на наличие у должника имущества (земельных участков и права требования дебиторской задолженности), стоимость которого достаточна для исполнения обязательства перед банком. При этом суд не принял во внимание то, что недостаточность имущества в рамках действующего законодательства является лишь одним из случаев, презюмирующих неплатежеспособность, а значит, и несостоятельность гражданина. То обстоятельство, что у должника имелось имущество, способное быть реализованным (в общей сложности 26 земельных участков, а также дебиторская задолженность, то есть право требования, имеющее имущественный характер), на наш взгляд, с очевидностью не свидетельствует о том, что должник мог получить в ближайшее время доходы от реализации указанного имущества и исполнить денежные обязательства перед кредиторами.

Проблемной в судебной практике в такого рода случаях становится норма абз. 7 п. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве, из которой следует, что *если имеются достаточные основания полагать, что с учетом планируемых поступлений денежных средств, в том числе доходов от деятельности гражданина и погашения задолженности перед ним, гражданин в течение непродолжительного времени сможет исполнить в полном объеме денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил, гражданин не может быть признан неплатежеспособным*.

Однако, как нетрудно заметить, в данном случае речь идет о планируемых поступлениях самого гражданина (если толковать буквально – сам гражданин должен запланировать такие поступления, и ни суд, ни кредитор не вправе за него планировать данные мероприятия), в том числе о доходах от деятельности (вероятно, трудовой или иной профессиональной деятельности) или доходах от погашения задолженности перед таким гражданином. Ни о каком наличии или отсутствии имущества, которое может быть реализовано (продано), ни о его ликвидности (способности наиболее быстрым образом быть обращенным в денежную массу) в данной норме не содержится указаний. Примерами именно такого варианта прочтения данной нормы могут служить Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.11.2022 N Ф07-15183/2022 по делу N А56-14599/2022. Подобный подход также был поддержан Верховным судом в рамках дел № А40-51581/16 и № А07-2763/2017.

Интересно отметить, что хотя первый Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» и не предусматривал банкротство граждан вообще (ни индивидуальных предпринимателей, ни иных физических лиц), но, тем не менее, использовал именно принцип неоплатности, а не неплатежеспособности в отношении должников (предприятий), что подтверждается абз. 1 п. 1 ст. 1 указанного нормативного акта, в котором можно прочесть следующее: «под несостоятельностью (банкротством) предприятия понимается неспособность удовлетворить требования кредиторов по оплате товаров (работ, услуг), включая неспособность обеспечить обязательные платежи в бюджет и внебюджетные фонды, в связи с превышением обязательств должника над его имуществом или в связи с неудовлетворительной структурой баланса должника».

Указанный подход критиковался и отвергался в то время видными отечественными цивилистами. Например, В. В. Витрянский в рамках совместного российско-британского семинара по вопросам банкротства отмечал: «Понятие и признаки банкротства, которыми оперировал ранее действовавший Закон 1992 г., не отвечали современным представлениям об имущественном обороте и требованиям, предъявляемым к его участникам... Мало того что должник длительный срок (свыше трех месяцев) не платил по долгам, что он в принципе был неспособен заплатить, чтобы признать его банкротом, суд должен был проверить состав и стоимость его имущества, оценить структуру его баланса с точки зрения ликвидности его активов. И только в том случае, когда кредиторская задолженность превышала балансовую стоимость всех активов, такой должник мог быть признан банкротом. Данный подход допускал, что участниками имущественного оборота могут являться лица (организации и предприниматели), неспособные оплачивать получаемые ими товары, работы и услуги и в силу этого делающие неплатежеспособными своих контрагентов по договорам...» [Витрянский 2001: 50].

Следующий Закон о банкротстве, от 08.01.1998 № 6-ФЗ, который действовал до принятия нынешнего Закона о банкротстве, предусматривал дифференцированное регулирование признаков банкротства в отношении физических и юридических лиц.

Так, согласно данному закону, гражданин считался неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанности не исполнены им в течение трех месяцев с момента наступления даты их исполнения и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества, а юридическое лицо считалось неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанности не исполнены им в течение трех месяцев с момента наступления даты их исполнения (ст. 3 Федерального закона от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Здесь интересно отметить, что построение систем принципов неоплатности и неплатежеспособности в рамках законодательства о несостоятельности с исторической точки зрения всегда было неодинаковым в разных странах в зависимости от наличия или отсутствия деления несостоятельности (и в целом системы частного права) на торговую (коммерческую) и неторговую сферы, а также от воли законодателя, избравшего ту или иную модель регулирования критериев банкротства в силу особенностей социально-экономической системы.

К примеру, Е. Д. Суворов отмечает, что «по свидетельству Г. Ф. Шершеневича, в странах с разделением несостоятельности на торговую и неторговую (т. е. несостоятельность субъекта предпринимательской деятельности и иных субъектов) неплатежеспособность была основанием для признания банкротом лица, занимающегося торговой деятельностью, а неоплатность применялась к неторговой несостоятельности» [Суворов 2010]. Так, во французском законодательстве о несостоятельности основным критерием является неоплатность [Степанов 1999: 54]. А в рамках современного Германского Положения о несостоятельности (Закона о регулировании порядка производства по делам о несостоятельности) от 5 октября 1994 г. общим критерием для введения процедуры банкротства немецким законодателем избран принцип неплатежеспособности (Zahlungsunfähigkeit), и лишь в отношении юридических лиц дополнительно применяется принцип неоплатности в рамках критерия так называемой с е р х з а д о л ж е н н о с т и (Uberschuldung) [Папе 2002].

В этой связи авторы полагают, что немецкая модель правового регулирования признаков несостоятельности (банкротства) лучше отвечает задачам и целям законодательства о банкротстве, поскольку правильно учитывает различие в экономическом и правовом статусе граждан и организаций, а также несет меньше издержек с процессуальной точки зрения для всех участников дела о несостоятельности (банкротстве).

Так, если избрать неоплатность (недостаточность имущества) в качестве единственного критерия несостоятельности (банкротства) должника по заявлению кредитора, суду предстоит каждый раз при принятии такого заявления осуществлять долгую и трудную процедуру исследования имущественного баланса должника-гражданина, соотношения его активов (имущества) и пассивов (долгов), что подтверждается немногочисленной российской судебной арбитражной практикой, использующей данный принцип при разрешении дел.

Безусловно, при таком варианте правового регулирования суд, кредиторы и сам должник будут вынуждены заниматься детальным анализом хозяйственного положения каждого гражданина, что само по себе представляется непростой задачей в современных российских реалиях неофициальной занятости, утаивания налогов и имущества от государственных органов, всяческих попыток злоупотребления правом. Как правильно в этой связи отмечает С. А. Карелина, «применение критерия неоплатности на практике приводит к тому, что кредиторам для возбуждения производства по делу о несостоятельности самим приходится заниматься предоставлением доказательств превышения обязательств должника над его активами. Вместе с тем получение такой информации по различным

причинам может быть весьма затруднительным» [Карелина 2020]. Не стоит забывать и о том, что такой анализ явным образом не будет способствовать принципу процессуальной экономии, применяемому арбитражными судами в своей правоприменительной деятельности.

В связи с вышесказанным, авторы критически относятся к действующему в настоящее время в Российской Федерации юридико-техническому оформлению признаков банкротства, которое влечет разное понимание и прочтение норм правоприменителем в судебно-арбитражной практике по вопросу признания граждан несостоятельными (банкротами).

В качестве приемлемого выхода из данной ситуации авторы предлагают ориентироваться на зарубежный (прежде всего немецкий опыт) регулирования процедур банкротств граждан по заявлению их кредиторов (уполномоченного органа), в рамках которого единым критерием (принципом), устанавливающим признаки несостоятельности (банкротства) всех граждан, будет являться принцип неплатежеспособности, без объяснения его через неоплатность. При этом в отношении заявлений самих граждан о собственном банкротстве представляется нужным сохранить действующий гибкий порядок: неплатежеспособность и (или) неоплатность.

Литература

- Витрянский В. В. Понятие, признаки и критерии несостоятельности (банкротства): Материалы российско-британского семинара по вопросам банкротства / Вестник ВАС РФ. 2001. Приложение к N 3.
- Степанов В. В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 1999.
- Папе Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству / Пер. с нем. М., 2002.
- Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 2003.
- Суворов Е. Д. Неплатежеспособность как основание для признания индивидуального предпринимателя банкротом, обозначение исходной проблемы / Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / Под ред. В. В. Витрянского. М., 2010; СПС "КонсультантПлюс".
- Кондратьева К. С. Критерии несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей / Научные воззрения профессора Г. Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения): Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Казань, 1–2 марта 2013 г.). М., 2014.
- Определение Верховного суда РФ № 305-ЭС16-18498 от 16.01.2017 г. по делу № А40-51581/16. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/067479eb-5dd7-4982-80ce-77d291205efb/522f64f7-67dd-4ab9-baf8-13e31b2df2db/A40-51581-2016_20170116_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.
- Определение Верховного суда РФ № 309-ЭС17-17735 от 01.12.2017 г. по делу № А07-2763/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/03988bb1-160c-43f4-93d4-73b0c50aeec2/0a2c85b4-0d0f-4753-bdf0-541a70e0b1cf/A07-2763-2017_20171201_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.
- Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 08.11.2019 г. по делу № А33-21343/2018. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/53ecc799-f99d-4f7f-8058-a3eff76c9f74/3c5634d6-b4ee-4a49-a97b-5777be9947a5/A33-21343-2018_20191108_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.
- Постановление АС Северо-Западного округа от 14.11.2022 N Ф07-15183/2022 по делу N А56-14599/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a1ceb90f-b76e-483d-b0b8-2477e2c11b8e/6b1b968f-2026-46a3-94c4-66a0c3420e15/A56-14599-2022_20221114_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.
- Карелина С. А. Оптимальный критерий несостоятельности (банкротства): возможен ли он? / Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А. Б. Баранова, А. З. Бобылева, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М., 2020; СПС "КонсультантПлюс".

References

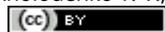
- Vitryansky, V. V. (2001). The concept, signs and criteria of insolvency (bankruptcy): Materials of the Russian-British seminar on bankruptcy / Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Appendix to No. 3.
- Stepanov, V. V. (1999). Insolvency (bankruptcy) in Russia, France, England, Germany. Moscow.
- Pape, G. (2002). The Institute of insolvency: general problems and peculiarities of legal regulation in Germany. Commentary on the current legislation / Translated from German. Moscow.
- Shershenevich, G. F. (2003). The course of commercial law. Vol. IV: The trade process. The competitive process. Moscow.
- Suvorov, E. D. (2010). Insolvency as a basis for declaring an individual entrepreneur bankrupt, designation of the initial problem / Insolvency (bankruptcy): A scientific and practical commentary on the novelties of legislation and the practice of its application / Edited by V. V. Vitryansky. Moscow; SPS "ConsultantPlus".

Kondratieva, K. S. (2014). Criteria of insolvency (bankruptcy) of individual entrepreneurs / In the book: Scientific views of Professor G.F. Shershenevich in modern conditions of convergence of private and public law (to the 150th anniversary of his birth): Collection of materials of the International scientific and practical conference (Kazan, March 1-2, 2013). Moscow. The determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES16-18498 dated 16.01.2017 in case No. A40-51581/16. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/067479eb-5dd7-4982-80ce-77d291205efb/522f64f7-67dd-4ab9-baf8-13e31b2df2db/A40-51581-2016_20170116_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (in Russian).
The determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES17-17735 dated 01.12.2017 in case No. A07-2763/2017. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/03988bb1-160c-43f4-93d4-73b0c50aeeec2/0a2c85b4-0d0f-4753-bdf0-541a70e0b1cf/A07-2763-2017_20171201_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (in Russian).
Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of 08.11.2019 on case No. A33-21343/2018. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/53ecc799-f99d-4f7f-8058-a3eff76c9f74/3c5634d6-b4ee-4a49-a97b-5777be9947a5/A33-21343-2018_20191108_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (in Russian).
Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 11/14/2022 N F07-15183/2022 in the case N A56-14599/2022. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a1ceb90f-b76e-483d-b0b8-2477e2c11b8e/6b1b968f-2026-46a3-94c4-66a0c3420e15/A56-14599-2022_20221114_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (in Russian).
Karelina, S. A. (2020). Optimal criterion of insolvency (bankruptcy): is it possible? / Institute of Insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph / A. B. Baranova, A. Z. Bobyleva, V. A. Vaypan, etc.; ed. by S. A. Karelin, I. V. Frolov. Moscow; SPS "ConsultantPlus".

Citation:

Холоденко Ю. В., Лицкас М. В. Вновь к вопросу о признаках несостоятельности (банкротства) граждан // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 37-42.

Kholodenko Y. V., Litskas M. V. (2024) Back to the Issue of the Signs of Personal Insolvency (Bankruptcy). *Legal Linguistics*, 32, 37-42.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Содержание категории и критерии определения «злоупотребление правом»: теоретико-прикладное исследование

К. А. Белоусова

*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
пр. Ленина, 46, 656038, Барнаул, Россия. E-mail: fest171@mail.ru*

В настоящей работе рассмотрены теоретические и прикладные вопросы установления содержания категории «злоупотребление правом». На первом этапе исследования автор анализирует сформировавшиеся в современной цивилистической науке подходы к определению содержания лексической конструкции «злоупотребление правом», выделяет общие и отличительные черты и предлагает собственный методологический подход к определению рассматриваемого термина. Анализ доктрины гражданского права позволяет сделать вывод о диаметрально противоположных подходах к определению оценочной категории «злоупотребление правом». Далее исследуется новейшая правоприменительная практика арбитражных судов, выделяются основные проблемы, возникающие в правоприменительной практике при квалификации сделок по критерию наличия признаков злоупотребления правом. Комплексный теоретико-прикладной анализ лежит в основе авторского подхода к определению критериев установления признаков злоупотребления правом, который может быть применим как при рассмотрении конкретных дел, так и при исследовании юридической конструкции «злоупотребление правом».

Ключевые слова: злоупотребление правом, лексическая конструкция, сделки «в обход закона», оценочные категории.

Category Content and Criteria for Determining “Abuse of Rights”: Theoretical and Applied Research

K. A. Belousova

*Polzunov Altai State Technical University
46 Lenina St., 656038, Barnaul, Russia. E-mail: fest171@mail.ru*

This paper examines theoretical and applied issues of establishing the content of the category “abuse of law”. At the first stage of the study, the author analyzes the approaches to determining the content of the lexical unit “abuse of law” that have been developed in modern civil science, identifies common and distinctive features and proposes her own methodological approach to defining the term in question. Analysis of the doctrine of civil law allows us to draw a conclusion about diametrically opposed approaches to defining the evaluation category “abuse of law”. Next, the latest law enforcement practice of arbitration courts is examined, and there are highlighted the main problems arising in law enforcement practice when qualifying transactions according to the criterion of the presence of elements of abuse of law. A comprehensive theoretical and applied analysis underlies the author’s approach to determining criteria for establishing signs of abuse of law, which can be applied both when considering specific cases and when studying the legal construct “abuse of law”.

Key words: abuse of law, lexical unit, transactions “bypassing the law”, evaluation categories.

В юридической теории злоупотребление правом рассматривается: как правовая категория, как реальное явление правовой действительности, как сложный многогранный правовой феномен [Бармина 2011: 109]. Само понятие «злоупотребление правом» по своему содержанию представляет юридическую конструкцию, под которой в доктрине понимают идеальную модель правового явления (правоотношения, юридического факта), определяющую связи элементов его состава, которая реализуется в нормах права и служит основанием для их применения к фактическим правоотношениям [Суханов 2022: 75]. Предваряя настоящее исследование и определяя содержание лексической конструкции «злоупотребление правом», определим также основные функции юридической конструкции как

методологической предпосылки определения правовой природы рассматриваемой категории. Представляется, что функции юридической конструкции могут быть определены следующим образом: описательная – посредством использования юридических конструкций происходит описание (переложение) реальных общественных отношений в правовую плоскость; оценочная функция основана на понимании юридической конструкции как идеальной модели, которая в силу своих имманентных свойств является универсальным критерием оценки регулируемых или предполагаемых к регулированию общественных отношений принципам современной правовой системы в целом и отдельным ее элементам в частности; познавательная функция проявляется в том, что посредством построения юридических конструкций возможно получить обобщенные углубленные знания как о содержании права, так и о его формальном выражении [Коренная 2023: 36].

В цивилистической науке под злоупотреблением правом предлагается понимать деяние управомоченного лица в форме действия или бездействия по реализации принадлежащего ему субъективного права, совершаемое в рамках предоставленных законом возможностей, результаты которого выходят за установленные пределы осуществления права по причине намерения управомоченного субъекта причинить вред и (или) объективного причинения вреда правам и законным интересам других лиц [Казбекова 2011: 74-76]. Злоупотребление правом представляет собой такую форму реализации субъективного права в противоречии с его назначением, при которой субъект, используя управомочивающие нормы, ущемляет интересы других лиц посредством совершения правонарушений или аморальных проступков, либо действия управомоченного лица в пределах субъективного права, которые направлены на получение несоразмерных преимуществ посредством нарушения законных интересов других субъектов. К таким действиям относится использование гражданских прав способом, который противоречит требованиям добросовестности, разумности. Большинство ученых, занимающихся исследованием проблемы злоупотребления правом, сходятся во мнении, что оно представляет собой правонарушение в целом или отдельные виды злоупотребления правом являются правонарушением. В наиболее популярных учебниках по гражданскому праву говорится о том, что злоупотребление правом, как оно определено в ст. 10 ГК РФ, – это гражданское правонарушение, которое может иметь характер деликта (внедоговорного нарушения), а также быть нарушением условий ранее заключенного договора или принятого одностороннего обязательства. Особенность таких правонарушений состоит в том, что они связаны с осуществлением принадлежащего лицу субъективного гражданского права, за рамки которого оно выходит.

С позиций конституционного правопонимания феномен злоупотребления правом сводится к двум основным формам: 1) неконституционного пользования правами и свободами человека и гражданина либо выполнения конституционных обязанностей; 2) властного неконституционного противодействия надлежащему (конституционному) правопользованию [Крусс 2011: 13-20].

Уголовно-правовое значение злоупотребления определяется содержанием трех групп уголовно-правовых норм, в которых злоупотребление является составообразующим признаком: 1) хищение (мошенничество и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием); 2) преступления в сфере экономической деятельности (ст. 185 и ст. 200.4 УК РФ); 3) служебные и должностные злоупотребления полномочиями. Применительно к первой группе злоупотреблений для настоящего исследования значимым является объем и соотношение категорий «обман» и «злоупотребление доверием». В научной литературе по данному вопросу сформировались две основные позиции. Сторонники первой считают оправданным законодательное разграничение обмана и злоупотребления доверием на два самостоятельных способа выполнения объективной стороны. Другая группа ученых исходит из того, что злоупотребление доверием представляет собой одну из форм (способов) обмана, так называемый «обман доверием» [Шхагапсоев 2009: 100]. Согласимся со второй группой авторов, так как, по нашему мнению, злоупотребление доверием представляет собой обман в добросовестности лица, на которую потерпевший рассчитывал в силу объективных и субъективных причин.

Во второй группе преступлений злоупотребление проявляется в нарушении определенных, перечисленных в диспозиции деяний (ст. 185 УК РФ), либо в общем нарушении законодательных норм о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ). В первом случае оно отягощено причинением крупного ущерба, во втором дополнительно указано на совершение специальным субъектом, действующим из корыстной и иной личной заинтересованности. Аналогичный подход в содержании уголовно-правовых запретов в гл. 22 УК РФ мы видим в целом ряде других составов преступлений, однако указания на злоупотребление как на содержание запрещенного уголовным законом действия в них нет. Такие деяния именуются воспрепятствованием (ст. 169 УК РФ), неправомерными действиями (ст. 195 УК РФ), нарушением законодательства (ст. 200.3 УК РФ), незаконным осуществлением деятельности (ст. 171.4 УК РФ) и т. д. Однако название, на наш взгляд, не меняет содержания уголовно-правового запрета, что можно именовать концептуальным содержанием преступлений в сфере экономической деятельности или проявлением характера общественной опасности.

Служебные и должностные злоупотребления характеризуются использованием специальным субъектом (лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой и иной организации или должностным лицом) своих полномочий вопреки интересам службы. Обязательным условием является его субъективное отношение к деянию (корыстная или иная личная заинтересованность), а также существенность нарушения прав и законных интересов общества и государства.

Изучение межотраслевого правового значения злоупотребления как самостоятельной правовой категории позволяет выделить ее базовые признаки:

- злоупотребление правом – активная форма поведения, выражающаяся в реализации субъективного права [Грибанов 2001: 411]. Злоупотребление правом характеризуется тем, что лицо выходит за пределы предоставленного ему законом права, однако закон является основанием его возникновения. В этой связи способом злоупотребления правом во всяком случае будут являться действия «вопреки закону». В настоящем случае речь идет о праве на свободу осуществления экономической деятельности как общего, так и частных прав, целью которых является обеспечение реализации общего права. Субъективные права реализуются в противотечении с аксиологическим и общеправовым значением [Ахмедов 2016: 73-77];

- по содержанию такие действия противоречат целям, ради которых право на свободное осуществление экономической деятельности предоставлено;

- в результате совершения действий в форме злоупотребления правом нарушаются права и законные интересы личности, общества, государства, в том числе создаются препятствия для реализации права. Противоправная реализация права в этом случае причиняет вред [Казбекова 2014: 58-61];

- субъективное отношение лица к такому нарушению может быть различным: оно может желать и действовать исключительно в целях причинения такого вреда, а может иметь личную заинтересованность в получении неосновательных выгод, то есть таких преимуществ, которые находятся в прямой причинно-следственной связи с допущенным злоупотреблением. Указанное позволяет согласиться с авторами, выделяющими злостность в широком значении в качестве признака злоупотребления правом [Бармина 2011: 109].

Принципы правового регулирования, а также конкретные гражданско-правовые способы предупреждения и борьбы с действиями, имеющими признаки злоупотребления правом, следует рассматривать в нескольких самостоятельных аспектах, однако в основе юридической конструкции «злоупотребление правом» во всяком случае лежит абсолютно негативная оценка подобных действий и следующие за такой оценкой последствия в виде ограничения либо устранения возможности правовой защиты.

Злоупотребление правом, являясь оценочной категорией, требует отграничения от смежного понятия – предъявление незаконных требований или осуществление незаконных действий. В юридической литературе высказано суждение, что злоупотребление правом во всяком случае предполагает наличие права у лица, при предъявлении незаконных требований у лица какое-либо субъективное право отсутствует во всяком случае (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц»; Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 27 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии»; Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»). Представляется, что подобный подход можно признать верным лишь отчасти. Отсутствие права является лишь одним из возможных оснований незаконных требований. Однако они могут быть основаны и на имеющемся у лица праве, в том числе основанном на сделке. Сделка, как основание возникновения права, может быть недействительной по признакам оспоримости, и при условии отсутствия судебного решения о признании ее таковой порождает реальные права и обязанности для ее участников, помимо тех, которые связаны с ее недействительностью. Однако по содержанию подобная сделка для лиц, ее совершивших, противоречит закону, что исключает возможность применения положительных правовых регуляторов. В случае предъявления требований, основанных на подобной сделке, в действиях лица могут усматриваться признаки злоупотребления правом, а незаконным предъявлением требований указанные действия будут являться во всяком случае.

Также при определении правовой природы злоупотребления правом необходимо отметить, что злоупотребление правом – это всегда умышленные действия. Позицию о необходимости установить наличие умысла в таких случаях можно встретить и в судебной практике (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.06.2020). В судебной практике встречается позиция, согласно которой возможно злоупотребление правом, хотя и не имеющее такой цели, но объективно причиняющее вред другим лицам (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2019).

В судебно-арбитражной практике в настоящее время сформировались разнообразные подходы к определению способов злоупотребления правом. Как злоупотребление правом, в частности, оцениваются следующие действия:

1) включение в договор заведомо обременительного либо несправедливого по отношению к одной из сторон условия (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.04.2023);

2) отчуждение имущества, в том числе по цепочке сделок или через отказ от наследства гражданином, впоследствии признанным банкротом, с целью исключения правовой возможности обращения взыскания на имущество в рамках процедуры реализации (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.01.2023). При доказанном факте совершения должником в преддверии собственного банкротства действий, направленных на создание объекта, защищенного исполнительским иммунитетом, арбитражные суды оценивают поведение должника как злоупотребление правом, что позволяет применить к нему предусмотренные законом последствия такого злоупотребления, а именно – отказать в применении исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.08.2021);

3) действия, в результате которых другое лицо лишилось возможности реализовать свое право. Злоупотребление правом в этом случае может быть вызвано такими действиями лица, которые ставят другую сторону в положение, когда она не могла реализовать принадлежащие ей права полностью или частично (Постановление Арбитражного

суда Дальневосточного округа от 23.01.2020);

4) требование бенефициара о выплате по гарантии, в том случае, когда основное обязательство исполнено надлежащим образом (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29);

5) как злоупотребление правом рассматривается перенаем по договору аренды с целью избежать договорной ответственности или предоставить необоснованные преимущества новому арендатору (Постановление Президиума ВАС РФ от 01.10.2013);

6) реконструкция недвижимости без предварительного согласия другого собственника и без получения в обход установленного порядка разрешения на нее с целью легализовать объект исключительно через суд (Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 12.12.2023);

7) уклонение от получения исполнения от третьего лица, если на это нет разумных и законных экономических оснований (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.05.2017);

8) отказ застройщика, уведомленного cedentом об уступке, выплатить ему или цессионарию неустойку за нарушение срока передачи квартиры со ссылкой на то, что договор цессии не зарегистрирован (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018);

9) отказ от документального оформления фактически продленных правоотношений по договору и последующее уклонение от оплаты оказанных услуг (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.08.2022);

10) обращение собственника самовольной постройки с иском о признании недействительной ее ипотеки с целью снять обременение, но сохранить объект и запись в ЕГРН о нем (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.09.2017);

11) использование третейского разбирательства для создания искусственной задолженности (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.10.2023);

12) заключение обеспечительных сделок в целях неправомерного вывода активов (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.10.2020);

13) использование банком права на одностороннее изменение условий кредитного договора при реорганизации заемщика, если она объективно не ухудшает его имущественного положения и не препятствует получению банком субсидии (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2023);

14) действия банка по установке комиссии за перевод денежных средств на счета физлиц, существенно увеличенной по сравнению с комиссией за перевод юрлицам, если нет экономического обоснования (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.01.2024);

15) случай, когда кредитор-выгодоприобретатель уклонился от получения страхового возмещения по случаю смерти застрахованного заемщика, предъявив к его наследникам иск о взыскании задолженности после ликвидации страховщика (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2021).

Таким образом, юридическая конструкция злоупотребления правом применяется в различных по правовой природе гражданских правоотношениях (в сфере обязательств, в сфере банкротства, в сфере кредитования, банковских операций, в делах о защите права собственности и иного вещного права, злоупотребления в сфере судебного и третейского разбирательства и т. д.). Российский законодатель не предлагает обобщающего определения злоупотребления правом, что, по нашему мнению, не следует оценивать негативно. Будучи оценочной категорией, злоупотребление правом предполагает его установление в конкретной ситуации в зависимости от всех обстоятельств дела. Однако общим критерием, который может быть положен в основу рассматриваемой юридической конструкции, является невозможность или существенное затруднение в реализации субъективных прав иным участникам правоотношения, с которыми взаимодействует субъект, допустивший отклоняющееся правовое поведение.

Литература

Ахмедов З. А. Злоупотребление правом в обязательственных отношениях / Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Т. 18. № 2. С. 73-77.

Бармина О. Н. О злоупотреблении правом // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 109-112.

Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. Ю. К. Толстого и А. П. Сергеева. СПб., 1996; Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. Е. А. Суханова. М., 1998

Грибанов В. П. Г 82 Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. - М., 2001. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

Казбекова К. М. «Злоупотребление правом» и «Правонарушение»: соотношение понятий / Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 1. С. 74. С. 74-76.

Казбекова К. М. Понятие «Злоупотребления правом» в российском праве / Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. № 1. С. 43-45;

Феденко Е. В. Сущность и понятие злоупотребления правом / Юристъ-Правоведъ. 2014. № 5. С. 58-61.

- Коренная А. А. Признаки и функции юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности / Юрислингвистика. 2023. № 30(41). С. 36.
- Крусс В. Н. Конституционное правопонимание и злоупотребление правом / Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» 2011. № 8. С. 19. С. 13-20.
- Суханов И. А. О юридической конструкции / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-3. С. 75.
- Шагапсов З. Л. Проблемы квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием / Общество и право. – Краснодар, 2009, № 3 (25). – С. 100.

Источники

- Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебной арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц»
- Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 27 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии»
- Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 по делу № 18-КГ23-169-К4
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2021 N 59-КГ21-6-К9.
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.08.2021 № 307-ЭС21-8025 по делу № А56-7844/2017
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.05.2017 № 304-ЭС17-1258 по делу № А03-6689/2016
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 305-ЭС17-14583 по делу N А40-21062/2017
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.09.2017 № 305-ЭС17-5571 по делу N А40-46238/2016
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2023 № 302-ЭС23-11036 по делу № А19-8008/2021
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.01.2024 N 305-ЭС23-14641 по делу N А40-140405/2020
- Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.10.2020 № Ф01-13008/2020 по делу № А28-6220/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.04.2022 № Ф05-22508/2019 по делу № А40-94492/2019
- Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.06.2020 № Ф01-11198/2020 по делу № А11-15816/2017
- Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.01.2023 N Ф01-8246/2022 по делу № А28-14424/2017; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.06.2021 N Ф03-2794/2021 по делу № А73-2038/2020; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.08.2021 № Ф07-8325/2021 по делу № А56-110200/2017.
- Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23.01.2020 N №03-5773/2019 по делу № А73-8268/2019; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.05.2023 № Ф05-6705/2023 по делу № А40-124356/2021; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.03.2022 № Ф07-501/2022 по делу № А56-2827/2021; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2020 № 88-8927/2020, 2-3106/2019
- Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.04.2023 № Ф04-739/2023 по делу № А27-10112/2021;
- Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.08.2022 № Ф04-3181/2022 по делу № А75-19924/2021
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.10.2023 № Ф05-25041/2023 по делу № А40-28841/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.06.2021 № Ф05-11518/2021 по делу № А40-165948/2020; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.03.2023 № Ф08-606/2023 по делу № А63-18746/2021
- Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2019 № Ф06-48135/2019 по делу № А12-24959/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.06.2020 № Ф05-5898/2020 по делу № А41-75065/2017; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.02.2022 N Ф07-20460/2021 по делу № А56-111910/2019; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 № 88-4809/2021.

Постановление Президиума ВАС РФ от 01.10.2013 № 3914/13 по делу N A06-7751/2010; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.04.2022 № Ф05-3807/2022 по делу № А41-19591/2021; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2022 по делу № 88-11384/2022, 2-1523/2021.

References

- Akhmedov Z. A. Abuse of law in obligatory relations / Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2016. T. 18. No. 2. P. 73-77.
- Barmina O.N. On abuse of rights // Bulletin of the Vyatka State University. 2011. No. 4-1. pp. 109-112.
- Civil law. Part 1 / Ed. Yu.K. Tolstoy and A.P. Sergeeva. St. Petersburg, 1996; Civil law: Textbook. T. 1 / Ed. E.A. Sukhanov. M., 1998
- Gribanov V. P. G 82 Implementation and protection of civil rights. Ed. 2nd, stereotype. - M., 2001. Access mode: SPS "Consultant Plus".
- Kazbekova K. M. "Abuse of law" and "Offence": correlation of concepts / Problems of economics and legal practice. 2011. No. 1. P. 74. P. 74-76.
- Kazbekova K. M. The concept of "abuse of law" in Russian law / Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2010. No. 1. P. 43-45;
- Fedenko E. V. The essence and concept of abuse of law / Lawyer-Pravoved. 2014. No. 5. P. 58-61.
- Korennaya A. A. Signs and functions of legal construction in the formation of a theoretical model of criminal law protection of economic activity / Jurislinguistics. 2023. No. 30(41). P. 36.
- Kruss V. N. Constitutional legal understanding and abuse of law / Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Control. Law" 2011. No. 8. P. 19. P. 13-20.
- Sukhanov I. A. On legal construction / International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 3-3. P. 75.
- Shkhagapsoev Z. L. Problems of qualification of crimes against property committed by deception or abuse of trust / Society and Law. – Krasnodar, 2009, No. 3 (25). – P. 100.

Sources

- Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 16, 1998 No. 29 "Review of judicial and arbitration practice in resolving disputes in cases involving foreign persons"
- Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 15, 1998 No. 27 "Review of the practice of resolving disputes related to the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on a bank guarantee"
- Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 25, 2008 No. 127 "Review of the practice of application by arbitration courts of Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation"
- Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 12, 2023 in case No. 18-KG23-169-K4
- Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 9, 2021 N 59-KG21-6-K9.
- Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 30, 2021 No. 307-ES21-8025 in case No. A56-7844/2017
- Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 22, 2017 No. 304-ES17-1258 in case No. A03-6689/2016
- Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 28, 2018 No. 305-ES17-14583 in case No. A40-21062/2017
- Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 28, 2017 No. 305-ES17-5571 in case No. A40-46238/2016
- Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 9, 2023 No. 302-ES23-11036 in case No. A19-8008/2021
- Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 15, 2024 N 305-ES23-14641 in case N A40-140405/2020
- Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated October 09, 2020 No. F01-13008/2020 in case No. A28-6220/2016; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 04/06/2022 No. F05-22508/2019 in case No. A40-94492/2019
- Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated June 25, 2020 No. F01-11198/2020 in case No. A11-15816/2017
- Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated January 30, 2023 N F01-8246/2022 in case No. A28-14424/2017; Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated June 10, 2021 N F03-2794/2021 in case No. A73-2038/2020; Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated August 25, 2021 No. F07-8325/2021 in case No. A56-110200/2017.

Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated January 23, 2020 N No. 03-5773/2019 in case No. A73-8268/2019; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated May 12, 2023 No. F05-6705/2023 in case No. A40-124356/2021; Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated March 11, 2022 No. F07-501/2022 in case No. A56-2827/2021; Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated March 18, 2020 No. 88-8927/2020, 2-3106/2019

Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated April 26, 2023 No. F04-739/2023 in case No. A27-10112/2021;

Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated August 31, 2022 No. F04-3181/2022 in case No. A75-19924/2021

Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 12, 2023 No. F05-25041/2023 in case No. A40-28841/2023; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated June 1, 2021 No. F05-11518/2021 in case No. A40-165948/2020; Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated March 15, 2023 No. F08-606/2023 in case No. A63-18746/2021

Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated June 27, 2019 No. F06-48135/2019 in case No. A12-24959/2018; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated June 26, 2020 No. F05-5898/2020 in case No. A41-75065/2017; Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated February 14, 2022 N F07-20460/2021 in case No. A56-111910/2019; Determination of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04/08/2021 No. 88-4809/2021.

Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 1, 2013 No. 3914/13 in case No. A06-7751/2010; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated April 15, 2022 No. F05-3807/2022 in case No. A41-19591/2021; Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated May 24, 2022 in case No. 88-11384/2022, 2-1523/2021.

Citation:

Белюсова К. А. Содержание категории и критерии определения «злоупотребление правом»: теоретико-прикладное исследование // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 43-49.

Belousova K. A. (2024) Category Content and Criteria for Determining "Abuse of Rights": Theoretical and Applied Research. Legal Linguistics, 32, 43-49.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Поэтапное введение суда присяжных или суд присяжных – правовой эксперимент: соотношение терминов и понятий

Н. А. Дудко

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: dudkona@yandex.ru

Статья посвящена исследованию соотношения понятий и терминов применительно к становлению суда присяжных в Российской Федерации. Суд присяжных постепенно распространяется по территории Российской Федерации. Начиная с 1 ноября 1993 года суд присяжных последовательно охватывает отдельные субъекты Российской Федерации. В связи этим в научных исследованиях выделяются два способа применения суда присяжных. Во-первых, применение суда присяжных посредством его поэтапного введения. Во-вторых, применение суда присяжных посредством проведения правового эксперимента. Автор делает вывод, что суд присяжных в Российской Федерации вводится поэтапно, а не в качестве правового эксперимента. Не совпадает терминология: поэтапное введение суда присяжных и суд присяжных как правовой эксперимент. Понятие и условия поэтапного введения суда присяжных также не соответствуют понятию и условиям проведения правового эксперимента. Прежде всего, эти понятия отличаются хронологически. Правовой эксперимент предполагает точно установленные начальные и конечные даты его проведения. Для поэтапного введения суда присяжных законодательно установлены только начальные даты применения суда присяжных в конкретных субъектах РФ: 1 ноября 1993 года; 1 января 1994 года; 1 января 2003 года; 1 июля 2003 года; 1 января 2004 года; 1 января 2010 года; 1 января 2018 года; 1 января 2027 года. Кроме того, по окончании правового эксперимента делается вывод о целесообразности внесения в законодательство соответствующих норм. Нормы УПК РСФСР и УПК РФ, регламентирующие производство в суде с участием присяжных заседателей, постоянно действуют на всех этапах введения суда присяжных. Суд присяжных – не правовой эксперимент, а правовая реальность. Поэтапное введение суда присяжных в РФ успешно продолжается.

Ключевые слова: суд присяжных, введение суда присяжных, этапы, правовой эксперимент.

Gradual Introduction of a Jury Trial or Jury Trial-Legal Experiment: Correlation of Terms and Concepts

N. A. Dudko

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: dudkona@yandex.ru

The article considers the correlation of concepts and terms in relation to the establishment of jury in the Russian Federation. The jury trial has been gradually spreading across the territory of the Russian Federation. Since November 1, 1993, the jury has gradually penetrated certain constituent entities of the Russian Federation. In this regard, two methods of applying a jury trial are distinguished in scientific research. First, the use of a jury trial through its gradual introduction. Second, the use of a jury trial through a legal experiment. The author concludes that the jury trial in the Russian Federation is introduced gradually, and not as a legal experiment. The terminology is not the same: the gradual introduction of jury trials vs. jury trials as a legal experiment. The concept and conditions of the gradual introduction of the jury also do not correspond to the concept and conditions of the legal experiment. First of all, these concepts differ chronologically. The legal experiment presupposes precise beginning and ending dates to run. For the gradual introduction of a jury trial, only the initial dates for the use of a jury trial in specific constituent entities of the Russian Federation are legally established: November 1, 1993; January 1, 1994; January 1, 2003; July 1, 2003; January 1, 2004; January 1, 2010; January 1, 2018; January 1, 2027. In addition, at the end of the legal experiment, it is concluded that it is advisable to introduce relevant norms into the legislation. The rules of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulate the proceedings in court with the participation of jurors, are constantly in force at all stages of the introduction of a jury trial.

Jury trials are not a legal experiment, but a legal reality. The gradual introduction of a jury trial in the Russian Federation is successfully proceeding.

Key words: jury trial, introduction of jury trial, stages, legal experiment.

Суд с участием присяжных заседателей как форма судебного производства по уголовным делам начал функционировать в Российской Федерации с 1 ноября 1993 года [Постановление Верховного Совета РФ 1993], но не одновременно на всей территории РФ. Суд с участием присяжных заседателей последовательно распространялся по субъектам РФ с учетом законодательно установленной даты для каждого субъекта Российской Федерации: 1 ноября 1993 года; 1 января 1994 года; 1 января 2003 года; 1 июля 2003 года; 1 января 2004 года; 1 января 2010 года; 1 января 2018 года.

В результате суд присяжных с 1 ноября 1993 года введен в 5 субъектах РФ: Ставропольский край, Ивановская область, Московская область, Рязанская область, Саратовская область [Постановление Верховного Совета РФ 1993]; с 1 января 1994 года – в 4 субъектах РФ: Алтайский край, Краснодарский край, Ульяновская область, Ростовская область [Постановление Верховного Совета РФ 1993]; с 1 января 2003 года – в 66 субъектах РФ [Федеральный закон РФ 2002]; с 1 июля 2003 года – в 14 субъектах РФ [Федеральный закон РФ 2002]; с 1 января 2004 года – в 5 субъектах РФ [Федеральный закон РФ 2002]; с 1 января 2010 года – в Чеченской Республике [Федеральный закон РФ 2006]; с 1 января 2018 года – в 2 субъектах РФ: Республика Крым, г. Севастополь [Федеральный закон РФ 2014]. Очередная планируемая дата введения суда присяжных – с 1 января 2027 года в 4 новых субъектах РФ: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская область, Запорожская область [Федеральный закон РФ 2023].

Таким образом, особенностью российского суда с участием присяжных заседателей является его поэтапное введение, то есть последовательное и постепенное распространение по территории Российской Федерации.

Поэтапная тактика проведения судебной реформы была определена «Концепцией судебной реформы в РСФСР» [Концепция судебной реформы 1992: 32]. Тактика «этапности» в проведении судебной реформы предусматривалась в связи с тем, что были «действительно неизбежны некоторые трудности реформы и более или менее продолжительный период "привыкания" к новым правоотношениям» [Концепция судебной реформы 1992: 31].

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих порядок становления и развития суда с участием присяжных заседателей, подтверждает вывод о том, что учреждение и распространение суда с участием присяжных заседателей проводилось именно поэтапно, а не в качестве правового эксперимента. Такой вывод имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Однако не все исследователи характеризуют суд присяжных через его поэтапное введение. Нередко в научных публикациях речь идет о суде присяжных как о правовом эксперименте, что не соответствует действующему законодательству и теоретическим положениям о проведении правовых экспериментов.

Концепция судебной реформы предусматривала не только поэтапное проведение судебной реформы, но и возможность экспериментирования. Концепция судебной реформы предусматривала возможность введения в действие некоторых новых норм «...на отдельных территориях в порядке эксперимента» [Концепция судебной реформы 1992: 102-103].

«В Концепцию судебной реформы сознательно закладываются идеи постепенности и предварительного социального экспериментирования, с тем, чтобы избежать губительных последствий воспроизведенных в гигантских масштабах ошибок, допущенных при проектировании преобразований» [Концепция судебной реформы 1992: 102].

Поэтому проекты документов по подготовке к судебной реформе содержали положения о проведении «эксперимента по предварительной отработке на практике принципиально новых положений процессуального и судостроительного законодательства» [Распоряжение Президента РФ 1992]. Однако в дальнейшем «в процессе подготовки введения суда присяжных от использования термина «эксперимент» отказались; правильнее говорить о поэтапной реализации Концепции судебной реформы» [Пашин 1994: 12].

Решение отказаться от проведения правового эксперимента по введению суда присяжных и вводить суд присяжных поэтапно было закреплено в «Программе мероприятий по поэтапному введению суда присяжных и других принципиально новых положений процессуального и судостроительного законодательства» [Программа 1994].

Соответственно во всех последующих нормативных документах применительно к введению (созданию) суда присяжных использовался только термин «поэтапность». В обобщениях судебной практики и в большинстве научных исследований вопросов организации и деятельности суда присяжных с 1993 года также преимущественно идет речь о поэтапном введении суда присяжных.

Суд присяжных учрежден через закрепление в Конституции РСФСР [Конституция РСФСР 1978], что придало ему конституционно-правовую значимость. Конституционные положения не могут иметь экспериментальный характер. Конституционные положения – это программа деятельности и развития государства. Конституционные нормы не всегда немедленно реализуются, но всегда их действие рассчитано на длительный период времени. Поэтому закрепление 1 ноября 1991 года в ст. 166 ч. 1 Конституции РСФСР 1978 года возможности рассмотрения дел в суде первой инстанции с участием присяжных заседателей и права гражданина на коллегиальное рассмотрение его дела в суде с участием присяжных заседателей обозначило перспективу и программу развития судебной системы РФ [Конституция РСФСР 1978]

Законом РФ от 16 июля 1993 год [Закон РФ 1993] суд с участием присяжных заседателей вводился во исполнение ст. 166 Конституции РСФСР и вводился не как уголовно-процессуальный эксперимент, а как правовая реальность. Конституция РФ 12 декабря 1993 года [Конституция РФ 1993] закрепила и дополнила положения о суде с участием присяжных заседателей, который уже действовал в РФ с 1 ноября 1993 года. В Конституции РФ положения о суде присяжных закреплены в статьях 20, 32, 47, 123 [Конституция РФ 1993].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 февраля 1999 г. № 3-П признал не противоречащим Конституции Российской Федерации Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 г. о поэтапном введении суда присяжных первоначально лишь на территории девяти субъектов РФ, а не на всей территории РФ: «Принимая такое решение, законодатель, основываясь на положениях действовавшей в то время Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России и учитывая обстоятельства организационного, материального и технического характера, по существу, исходил из поэтапности введения суда присяжных в ходе судебной реформы...» [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации 1999].

Для разграничения понятий «экспериментальное» и «поэтапное» введение (создание) суда присяжных необходимо обратиться к научным исследованиям вопросов о понятии, признаках и условиях правового эксперимента.

Проблемы правового эксперимента исследовались в 60-80-е гг. XX века на общетеоретическом уровне и применительно к отдельным отраслям права, в том числе и уголовно-процессуального права. В 60-80-е гг. XX века «...проблематика правового эксперимента стала объектом пристального научного внимания. В отечественной науке появился целый ряд исследований, в том числе фундаментального характера. По сути, в этот период была сформирована теория правового эксперимента» [Ельцов 2009: 4].

К началу 2000-х годов исследования вопросов правового эксперимента активизировались. Они проводились на уровне диссертационных, монографических исследований и научных публикаций. Комплексное исследование проблем теории и практики правового эксперимента было проведено в диссертациях С. В. Мотина [Мотин 1999], В. Н. Ельцова [Ельцов 2009], И. В. Фатьянова [Фатьянов 2015], И. Б. Чагина [Чагин 2022].

Теоретические подходы научных исследований к понятию, признакам, стадиям, условиям организации и проведения правового эксперимента позволяют сделать вывод, что условия проведения правового эксперимента и условия поэтапного введения суда присяжных не совпадают [Дудко 2013: 24-28].

Прежде всего, проведение правового эксперимента хронологически отличается от поэтапного введения суда присяжных. Суд присяжных создан как постоянный, а не временный уголовно-процессуальный институт. Для суда присяжных законодательно установлена только начальная дата применения уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде с участием присяжных заседателей, и эти нормы применяются с обозначенной даты постоянно, без ограничения во времени. Поэтапное введение суда присяжных – это деятельность без ограничения конечными сроками, которая продолжается на протяжении 30 лет, и в 2027 году наступит следующий этап – введение суда присяжных в новых субъектах РФ.

Кроме того, правовой эксперимент завершается подведением итогов и решением о целесообразности или нецелесообразности включения в законодательство соответствующих норм для их постоянного, а не временного и экспериментального применения. И. Б. Чагин отмечает, что полученные в результате эксперимента выводы «должны позволить дать ответ, как минимум на три следующих вопроса: 1. Достиг ли нормативно-правовой акт экспериментального характера цели, ради которой он принимался? 2. Имеются ли негативные последствия для охраняемых законом ценностей от принятия нормативного правового акта экспериментального характера? 3. Целесообразен ли переход к постоянному правовому регулированию по результатам проведенного правотворческого эксперимента?» [Чагин 2022: 166].

Подведение итогов применения в уголовном судопроизводстве суда с участием присяжных заседателей не планировалось и, соответственно, итоги поэтапного введения суда с участием присяжных заседателей не подводились и не оформлялись специальным решением государственных органов. Законодательно принималось только решение о начале очередного этапа, решение о дате введения суда с участием присяжных заседателей в конкретном субъекте РФ, а с 1 июля 2018 года также во всех районных судах РФ [Федеральный закон РФ 2016].

В отношении суда присяжных не предполагается решение вопроса о целесообразности применения этого уголовно-процессуального института. На основе обобщения судебной практики возможно только внесение изменений в законодательство с целью совершенствования производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, введение суда присяжных в РФ проводится не экспериментально, а поэтапно. Поэтапное и экспериментальное введение суда присяжных отличаются терминологически, а также условиями и порядком проведения. Поэтапное введение суда присяжных – это не просто изменение терминологии, это изменение логики и тактики судебной реформы и введения суда присяжных.

Литература

Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в России: монография. Барнаул, 2013.

Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: дисс. ...канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

- Закон Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» / Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1313.
- Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года (ред. от 01.11.1991 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussrfsr/1978/red_1978/5478729/chapter/d7ffb4639f0c20e367ec78183f636369/?ysclid=lw33g4qlyp162625139
- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (в редакции на 04.10.2022 г.). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.
- Концепция судебной реформы в Российской Федерации/ Составитель С. А. Пашин. Москва, 1992.
- Мотин С. В. Использование экспериментального метода в социально-правовой сфере (Историко-теоретические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999.
- Пашин С. Проблемы статуса судей и возрождения суда присяжных в контексте российской судебной реформы / Нормативные материалы о судьях и суде присяжных. Москва, 1994.
- Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» / Ведомости Съезда Народных Депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1314.
- Постановление Конституционного Суда РФ №3-п от 2 февраля 1999 года «По делу о проверке конституционности положений ст. 41 и ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР, п. 1 и 2 Постановления Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» / Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 6. – Ст. 867.
- Программа мероприятий по поэтапному введению суда присяжных и других принципиально новых положений процессуального и судостроительного законодательства / Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 13. – Ст. 1054.
- Распоряжение Президента РФ от 22 сентября 1992 года № 530-рп «О мерах по завершению первого этапа судебной реформы» / Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 13. – Ст. 1054.
- Федеральный закон РФ № 181-ФЗ от 27 декабря 2002 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие УПК РФ» / Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 5137
- Федеральный Закон РФ № 241-ФЗ от 27 декабря 2006 года «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О введении в действие УПК РФ» / Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 – Ч. 1. – Ст. 4.
- Федеральный закон РФ № 91-ФЗ от 05 мая 2014 года (ред. от 23.06.2016 г.) «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» / Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2296.
- Федеральный закон РФ № 395-ФЗ от 31 июля 2023 года «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» / Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 32 (Часть I). – Ст. 6127.
- Фатьянов И. В. Правотворческий эксперимент в России как метод правового регулирования: дис. канд. юрид. наук. Омск, 2015.
- Чагин И. Б. Правотворческий эксперимент и оценка его результативности (теоретико-правовое исследование): дис. канд. юрид. наук. Иркутск, 2022.

References

- Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (1978) of April 12 (as amended on 01.11.1991). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478729/chapter/d7ffb4639f0c20e367ec78183f636369/?ysclid=lw33g4qlyp162625139 (in Russian).
- Constitution of the Russian Federation (1993): adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 (as amended in 04.10.2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (in Russian).
- Chagin, I. B. (2022). Law-making experiment and assessment of its effectiveness (theoretical and legal research): dis.... cand. jurid. sciences. Irkutsk (in Russian).
- Dudko, N. A. (2013). Phased introduction of jury trial in Russia: monograph. Barnaul (in Russian).
- Federal Law of the Russian Federation (2002). No. 181-FZ dated December 27 "On Amendments to the Federal Law" On the Implementation of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"/Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 52. PART 1. Art. 5137(in Russian).

- Federal Law of the Russian Federation (2006). No. 241-FZ dated December 27 "On Amendments to Article 8 of the Federal Law" On the Introduction of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" /Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. NO. 1. PART 1. Art. 4 (in Russian).
- Federal Law of the Russian Federation (2014). No. 91-FZ dated May 05 (as amended on 23.06.2016) "On the Application of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the Territories of the Republic of Crimea and the City of Federal Significance of Sevastopol" /Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 19. St. 2296 (in Russian).
- Federal Law of the Russian Federation (2023). No. 395-FZ of July 31 "On the Application of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the Territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya Region and Kherson Region" /Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 32. PART 1. Art. 6127 (in Russian).
- Fatyanov, I. V. (2015). Law-making experiment in Russia as a method of legal regulation: dis. candidate of juridical sciences. Omsk (in Russian).
- Motin, S. V. (1999). Use of the experimental method in the social and legal sphere (Historical and theoretical aspects): dis... cand. jurid. sciences. Moscow (in Russian).
- Order of the President of the Russian Federation (1992) of September 22 No. 530-rp "On measures to complete the first stage of judicial reform" /Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1992. № 13. Art. 1054 (in Russian).
- Pashin, S. (1994). Problems of the Status of Judges and the Revival of the Jury in the Context of the Russian Judicial Reform / Normative Materials on Judges and the Jury. Moscow (in Russian).
- Program of activities for the phased introduction of the jury and other fundamentally new provisions of procedural and judicial legislation (1992). Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1992. № 13. Art. 1054 (in Russian).
- Resolution of the Supreme Soviet of the Russian Federation (1993) of July 16 "On the procedure for enacting the Law of the Russian Federation" On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR "On the Judicial System of the RSFSR," the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and the Code of Administrative Offenses of the RSFSR" /Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. № 33. Art. 1314 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation (1999) No. 3-p of February 2 "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 41 and Part 3 of Article 42 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, Paragraphs 1 and 2 of the Decree of the Supreme Council of the Russian Federation of July 16, 1993 "On the procedure for enacting the Law of the Russian Federation" On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR "On the Judicial System of the RSFSR," The Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Administrative Offenses of the RSFSR "in connection with the request of the Moscow City Court and complaints of a number of citizens" /Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 6. Art. 867 (in Russian).
- The Law of the Russian Federation (1993) of July 16 "On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR" On the Judicial System of the RSFSR, "the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and the Code of Administrative Offenses of the RSFSR" /Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. № 33. Art. 1313 (in Russian).
- The concept of judicial reform in the Russian Federation (1992) / Compiled by S. A. Pashin. Moskva (in Russian).
- Yeltsov, V. N. (2009). Legal experiment in modern Russia: problems of efficiency: dis. candidate of juridical sciences. Tambov (in Russian).

Citation:

Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных или суд присяжных – правовой эксперимент: соотношение терминов и понятий // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 50-54.

Dudko N. A. (2024) Gradual Introduction of a Jury Trial or Jury Trial-Legal Experiment: Correlation of Terms and Concepts. Legal Linguistics, 32, 50-54.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К вопросу о семантической тождественности терминов «общее право» и «обычное право» применительно к правовой системе Великобритании

Т. В. Макаренко

Ростовский государственный экономический университет

Б. Садовая, 69, 344002, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: tatiana_v_makarenko@mail.ru

Исследование посвящено вопросу использования терминов «общее право», «обычное право» и «прецедентное право» в отечественной теории права, объему указанных понятий и их соотношению. Рассматриваются аспекты их применимости к правовым реалиям иностранных государств, в частности, Великобритании. С использованием инструментария юридической компаративистики и лингвистики в ходе работы выявляются лакуны и ограничения использования указанной терминологии как в российской теории права, так и в теории права Великобритании, а также воспринявших английское право стран. В подтверждение промежуточных выводов приведены ссылки на труды и трактаты различных периодов британской истории, автором разработана периодика введения терминов в широкое употребление, оформленная в виде схем. Сделаны выводы о семантической тождественности терминов «общее право» и «обычное право» применительно к правовой системе Великобритании, что доказывается, помимо полного лексического соответствия терминов в современном английском языке, всем генезисом системы британского права. Понятие «общее право» семантически раскрывается как общепризнанное право, т. е. общепризнанный закон, что лишает его глубинного смыслового противопоставления с кодифицированным законом. Кодификация законодательства же рассматривается, наряду с другими процессами, как закономерные этапы эволюции правовой системы. В связи с тем, что правовые обычаи различных местностей Великобритании слились в синкретичный сплав общепризнанного права страны, и, будучи дополненными судебной практикой на основе принципа римского права *stare decisis*, получили итоговое оформление в общем праве Великобритании, каким оно известно сейчас, термины «правовой обычай» и «обычное право» применительно к правовой системе этой страны можно рассматривать с определенной долей условности и в ретроспекции. На сегодняшний день можно утверждать, что термин «обычное право» тождественен термину «общее право» применительно к правовой системе Великобритании и является его важным этапом и содержательным смысловым элементом.

Ключевые слова: общее право, обычное право, юридический прецедент.

On Semantic Identity of Terms "Common Law" and "Customary Law" in respect to Legal System of Great Britain

T. V. Makarenko

Rostov State University of Economics

69 Bolshaya Sadovaya St., 344002, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: tatiana_v_makarenko@mail.ru

The study considers the use of the terms "common law", "customary law" and "case law" in the domestic theory of law, the scope of these concepts and their congruity. Aspects of their applicability to the legal realities of foreign countries, in particular, the United Kingdom, are considered. Using the tools of legal comparative studies and linguistics in the course of the work, the gaps and limitations of the use of this terminology are revealed both in the Russian theory of law and in the theory of law of Great Britain, as well as countries that have adopted the English law. In support of the intermediate conclusions, references to works and treatises of various periods of British history are provided, the author has developed a period frame for the introduction of terms into widespread use, designed in the form of diagrams. Conclusions are drawn about the semantic identity of the terms "common law" and "customary law" in relation to the legal system of Great Britain, which is proved, in addition to the complete lexical correspondence of the terms in modern English, by the entire genesis of the British law system. The concept of "common law" is semantically revealed as a generally recognized law, i.e. a generally recognized law, which deprives it of a deep semantic contrast with a codified law. The codification of legislation is considered, along with other processes, as natural stages in the evolution of the legal system. Due to the fact that the legal customs of

various territories of Great Britain merged into a syncretic fusion of the generally recognized law of the country, and, being supplemented by judicial practice based on the principle of Roman law *stare decisis*, they have received a final formalization in the common law of Great Britain, as it is currently known, the terms "common law" and "customary law" in relation to the legal system of this country can be viewed with certain provisions and retrospectively. Currently it can be argued that the term "customary law" is identical to the term "common law" in relation to the legal system of the United Kingdom and it serves as its important stage and meaningful semantic element.

Key words: common law, customary law, legal precedent.

В своих трудах по юриспруденции в отношении терминологии мы высказывали позицию, солидарную с мнением профессора Б. М. Гонгало [Гонгало 2015: 42-46]: зачастую спор о точной дефиниции терминов представляет собой не более, чем «игру в слова». Ученый говорит о том, что вследствие отсутствия разграничения между терминами и понятиями (сущностью) научная новизна исследования обнаруживается в том, что «какое-либо явление правильнее обозначать таким-то другим термином, а не тем, который обычно используется». Наше исследование относится как раз к данной категории, но отлично от «игры в слова» тем, что мы анализируем смыслы, которые за ними стоят.

В рамках данной работы мы не будем «множить сущности», а рассмотрим правомерность употребления заимствованных иноязычных терминов в отечественной теории права.

По выражению Д. А. Керимова, когда речь идет о точности законодательного текста, юриспруденция становится едва ли не более точной наукой, чем математика [Керимов 1997: 42]. По нашему мнению, вопросы использования иноязычной по происхождению лексики в терминологическом аппарате юридической теории требуют не меньшего внимания как со стороны юристов, так и со стороны переводчиков, а также – при необходимости – пересмотра.

Мы убеждены в том, что, когда дело касается базовых и фундаментальных понятий, периодически проверять терминологический массив любой науки с бритвой Оккама в руках необходимо. Подобно тому, как право каждого специалиста – иметь свою точку зрения на теоретические азы выбранной профессии, право каждого лингвиста-переводчика – указывать научному сообществу на возможные терминологические казусы, возникшие при формировании терминологического аппарата науки при участии переводчиков. Наш опыт перевода научных текстов и изучения юридической науки позволяет нам провести настоящее исследование и представить его результаты как юридическому, так и лингвистическому сообществам.

Известно, что развитие науки на современном этапе цивилизации обусловлено коммуникацией специалистов разных стран, чему, к счастью, способствуют технические достижения прогресса. На более ранних этапах развития национального юридического дискурса, когда, по сути, закладывался тот костяк терминологического массива, которым мы оперируем и поныне, технологии перевода фактически сводились к профессионализму и опытности переводчиков. Заметим особо, что перевод научных текстов представляет для переводчика повышенную сложность, т. к. каждый термин должен быть переведен, во-первых, максимально точно передавая смысл, заложенный автором, во-вторых, логически и понятно для специалистов, для которых выполняется перевод. Д. В. Володина и Ю. С. Юрьева [Володина, Юрьева 2019: 188] со ссылкой на Х. Сагера указывают (1990), что основная сложность для переводчика заключается в самой идентификации терминов. С последним мы, сами имея опыт перевода научных и узкоспециальных текстов, однозначно согласимся. Таким образом, для выполнения качественного перевода научного текста необходимы два условия: высокий уровень владения переводчиком языками, которыми он оперирует в процессе перевода (в теории перевода – «исходный язык» и «переводящий язык»), и углубленный уровень знаний в сфере науки, для целей которой перевод осуществляется. Достаточно очевидно, что соблюдение обоих условий одновременно встречается не так-то часто, поэтому при использовании специалистами переведенной терминологии на практике возникают сложности. Зачастую затруднения в использовании терминов, особенно на теоретическом уровне, слишком сложно решить, потому что профессионалы могут не владеть иностранными языками либо не располагать временем, чтобы проводить полноценные лингвистические исследования. К тому же, как было уже отмечено нами ранее, из-за различия национальных правовых систем требуется преодолевать лакунарность терминологического аппарата. В подобном случае переводчику, не подобравшему нужный термин, нужно не подпасть под искушение использовать дословный перевод вместо того, чтобы продолжить поиск и осуществить подбор существующего лексического соответствия. Следует помнить, что даже выполненные на высочайшем по степени точности уровне переводы различаются между собой. Это относится не только к сфере художественного перевода, но и научного. Однако если специфика художественного перевода может составлять – и зачастую составляет – предмет гордости переводчика, фактически превращая переводимый оригинальный текст в его новое детище, то с научным переводом все иначе. Во избежание неточностей перевода научных текстов специалисты из сфер науки, для которых осуществляется перевод, должны работать в тесном взаимодействии с переводчиками. Основным выводом, к которому мы можем прийти, является положение о том, что специалист, каким бы высоким уровнем профессионализма в своей сфере он не обладал, без дополнительного знания иностранного языка никогда не может оставаться непогрешимо уверенным в том, что он транслирует истину, а не закрепленные в традиции научного дискурса переводческие ошибки предыдущих поколений. Цене переводческих ошибок для истории можно было бы посвятить отдельное монографическое исследование, однако в рамках данной статьи мы сосредоточимся на взаимном отношении таких понятий, как «прецедентное право», «общее право», «обычное право», «юридический прецедент», «правовой обычай», и «право справедливости» в юридической науке.

Итак, для соблюдения принципа редукционизма проверим смысловое наполнение вышеозначенных понятий. Первым делом обратимся к «Большому юридическому словарю» (2010).

«Прецедентное право – правовая система, в которой основным источником права признается судебный прецедент, т. е. решение, вынесенное по какому-либо делу, обязательно для всех судов равной и низшей инстанции при рассмотрении ими аналогичных дел. Эта система дает возможность суду выполнять правотворческие функции не только в случае отсутствия соответствующего закона, но и при наличии недостаточно четкой нормы. П.п. характерно для Великобритании (точнее, для Англии, поскольку в Шотландии действует особое право), США и других стран, воспринявших английское право. В рамках П.п. сложились две ветви: общее право и право справедливости». При этом определения «общего права» и «права справедливости» в словаре не дано.

Б. Н. Земцов (2011) [Земцов 2011: 67] начинает определение общего права указанием на его генезис – на тот факт, что оно сформировалось из английских местных правовых обычаев, которые были отобраны судьями. Так как мы имеем дело с правовой системой, сформировавшейся в Англии, разумным представляется обратиться в первую очередь к современным англоязычным источникам. Откроем актуальное издание Британской энциклопедии – старейшей и регулярно обновляемой универсальной англоязычной энциклопедии, Британники.

«Общее право (common law), также называемое англо-американским правом, представляет собой свод правовых обычаев (customary law), основанных на решениях судов и задокументированных в решениях судов в документальном виде, принимаемых судами общей юрисдикции Англии начиная со Средних веков». Далее в определении в широком смысле общее право противопоставляется континентальному, а в узком смысле – праву справедливости (упоминавшемуся в определении из «Большого юридического словаря» и названному его «ветвью»), а также статутному праву (нормативно-правовые акты в странах Англо-саксонской правовой системы), о котором подробнее будет сказано ниже.

Как видим, бросающимся в глаза отличием оригинальной, классической дефиниции общего права в англоязычном юридическом дискурсе от того, которое принято в отечественной теории государства и права, является прямое указание на природу общего права как эволюции правового обычая (customary law), с которого, собственно, и начинается определение Британской энциклопедии. В российской же теории упор делается на прецедентную основу общего права, которая, однако же, возникла, опять-таки, в результате эволюции обычаев и традиций, которые были отобраны английскими судами для отправления правосудия и так вошли в систему общего права, сформировав его «корпус». Остановимся на генезисе общего права подробнее. Для этого обратимся к фактам, приводимым систематизатором английского общего права XIII в., королевским судьей Генри де Брактоном в трактате «О законах и традициях Англии» (*De legibus et consuetudinibus Angliae*). В трактате, составленном в период приблизительно с 1250 по 1256 гг. [George E. Woodbine 1915], сообщается, что в Англии уже в это время допускается использовать как писаное, так и неписаное право [Bracton, Henri De, circa 1250]. По выражению Shiyi Guo, исследователя трактата Брактона, в некоторых регионах Англии их собственные традиции и обычаи могли «заменить» формировавшееся общее и статутное право либо же пользоваться равной с ними силой: «England uses both *jus scriptum* and *unwritten law*, both having the weight of authority, alongside with local customs that vary from place to place». [Guo Shiyi 2021]. Доктор юридических наук, профессор истории государства и права В. Г. Графский, основываясь на положениях, приведенных в труде Генри де Брактона, говорит о том, что особенность Англии заключается в официальном дозволении использования обычая и неписаного права. Со слов Брактона В. Г. Графский выводит определение английского обычая как того, что используется в качестве закона в английских селениях, городских общинах, деревнях и бургах [Графский 2003: 290]. Система же прецедентов сложилась в общем праве Англии не ранее, чем к XVIII в. [Lobingier, Sumner C. 1946: 961], т. е. на пять веков позже, чем оно было сформировано под влиянием отобранных правовых традиций и обычаев, которые имели силу «закона», о котором говорят Брактон и Графский.

С. Лобинжье, анализируя трактат Брактона, отмечает, что британский королевский судья упоминает не менее пятисот судебных решений, в то время как другие авторы – значительно меньше, и при этом практика использования судебных решений как примеров хоть и существует, но не имеет обязательного характера, при этом между судьями встречается большое количество разногласий в сходных случаях [Lobingier, Sumner C. 1946: 960].

Лобинжье в своей монографии именуется прецедент латинским термином *Stare decisis*, однако это отражает, скорее, обязывающую силу прецедента. Здесь следует сделать оговорку. Как нам известно, судебный прецедент известен еще с древнейших времен, однако в доктрине Римского права под ним изначально понималось не решение различными лицами аналогичных дел по примеру одного. В Древнем Риме прецедент – это принцип *Stare decisis*, «придерживаться решенного», «стоять на своем». Принцип этот был обязательным для претора – помощника консула по гражданским делам. Как и другие магистраты (должностные лица), претор избирался сроком на 1 год, и в течение этого срока исполнения своих полномочий его собственное решение по определенному делу оставалось обязательным для него же как образец для рассмотрения последующих аналогичных дел. Однако с течением времени в Древнем Риме судебные решения преторов оформились в преторское право, а англосаксонская прецедентная система сформировалась к XVIII в., когда прецедент как судебное решение приобрел обязывающую силу, *stare decisis*, т. е. возобладал над разрозненными правовыми традициями и обычаями [Lobingier, Sumner C. 1946: 960].

Таким образом, в юридическом дискурсе стран Великобритании общее право представляется эволюцией правового обычая (который в отечественном дискурсе всегда отождествляется с обычным правом); таким образом, единственное противопоставление, которое было возможно между общим и обычным правом в британском юридическом дискурсе (и только в прошлом) – это конкуренция локальных, местных обычаев (которым и отдавали

дань уважения) с более распространенными на территории Англии. Последнее, однако, на данный момент не применимо по замечанию из определения правового обычая, взятого из современной Британской энциклопедии.

В дефиниции напрямую указано, что отобранные правовые обычаи и традиции (в отечественной переводческой практике правовой обычай переводится как *customary law*; в британском юридическом дискурсе понятия *custom (in law)*, т. е. «правовая традиция», и «правовой обычай», т. е. *customary law* используются взаимозаменяемо) и составили корпус английского общего права. Что касается английских правовых обычаев, которые остались за рамками общего права, т. е. по каким-либо причинам не были в него интегрированы, то их существование признается действительным при одновременном соблюдении ряда условий: 1) правовой обычай (традиция) применяется мирным путем и непрерывно «с незапамятных времен», что на практике означает «столько, сколько себя помнят местные жители»; 2) применение традиции (обычая) обоснованно, точно определено и обязательно; 3) традиция (обычай) предназначены для применения на определенной местности. В связи с культурным единообразием современности правовые обычаи и традиции, хотя и сохраняют допустимость существования, на практике потеряли свою силу как альтернатива общему праву.

На основании вышеизложенных фактов генезис общего права можно представить в виде следующей схемы, на которой представлены характерные для этой правовой системы источники (формы права) в историческом аспекте их формирования (рис. 1.):

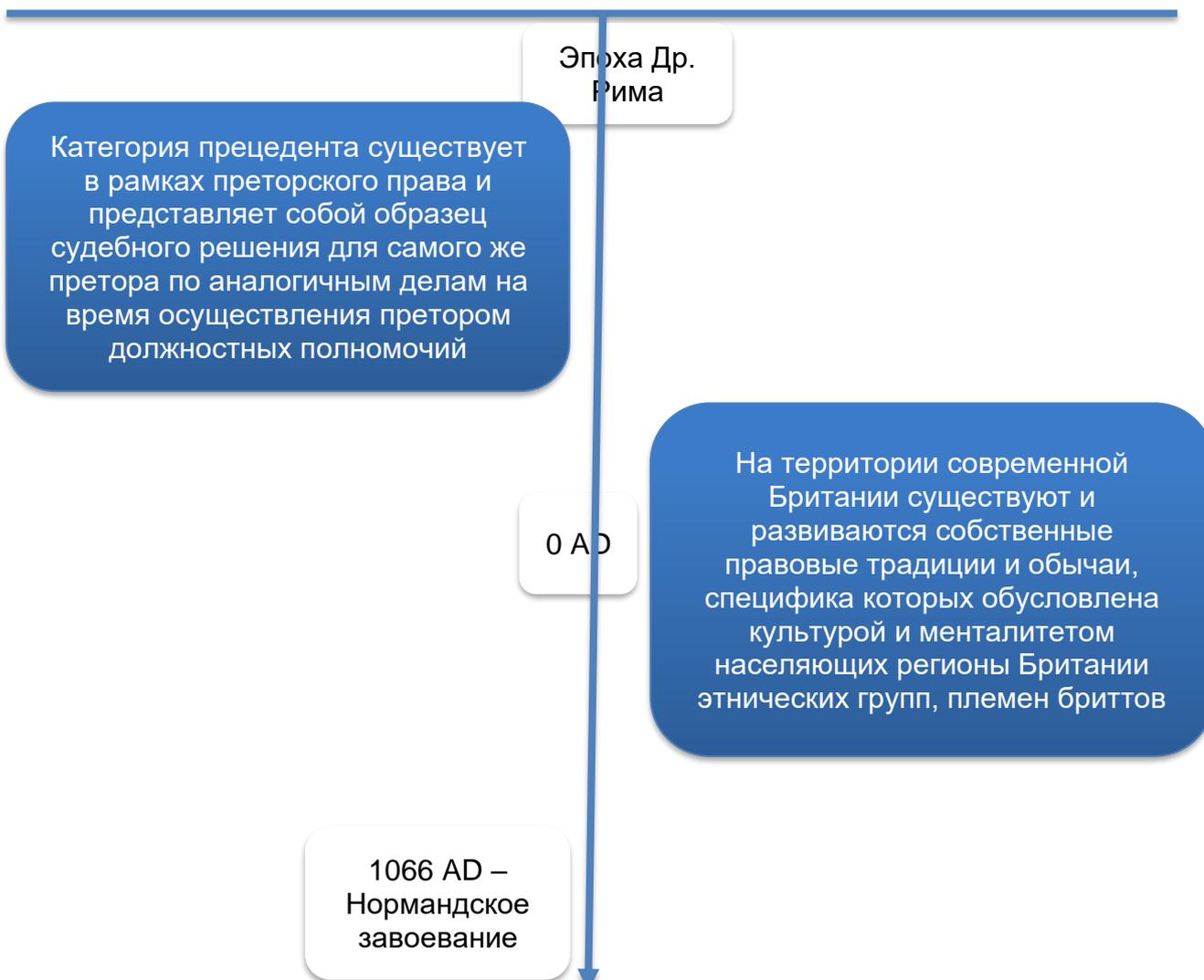
Общее право

Основные источники общего права (формы общего права):

Юридический прецедент

Правовой обычай

Генезис основных источников общего права (форм общего права):



Средние века примерно до XII в. – до появления английских трактатов по праву

Правовой обычай как форма права юридически обосновывается и закрепляется в правовой системе Англии, адаптированный к феодальной системе Нормандских завоевателей.

Этап, описываемый В. Н. Земцовым (2011) – королевские судьи вершат правосудие, разъезжая по стране, опираясь как на местные традиции, так и на королевские указы о судопроизводстве; появление суда присяжных.

Появление первых английских трактатов по праву, содержащих описание судебных решений, при этом еще не наделенных силой принципа *stare decises* (трактат Генри де Брактона *De legibus et consuetudinibus Angliae*, etc.)

Судьи обращаются к опыту вынесенных НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИЙ судебных решений, однако, по выражению С. Лобинжье, «не чувствуют себя ими связанными» [Lobingier 1946], т. е. это, как можно заключить, следование тем примерам, которые судья, руководствуясь профессиональным суждением, сочтет разумными и обоснованными.

Законодательная сила английского закона начинает обеспечиваться силой короны, «традиции королевства» начинают именоваться «правом страны» или «общепризнанным законом», *LEX COMMUNIS*, английским общим правом. Таким его называли для того, чтобы подчеркнуть народный характер закона, когда еще не существовало парламента.

~XIII-XIV AD

Накопление массива ВЫНОСИМЫХ НА ОСНОВАНИИ ОБЩЕГО ПРАВА СТРАНЫ И МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ судебных решений, которые начинают использоваться в качестве образцовых при вынесении вердикта.

Право, основанное на правовых традициях и правовых обычаях страны –

«общее право» или «общепризнанное право», ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО И ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

Местные правовые обычаи учитывали как специфику, на сегодня фактически утратили самостоятельную силу в связи с процессами унификации культуры местностей как юрисдикций.

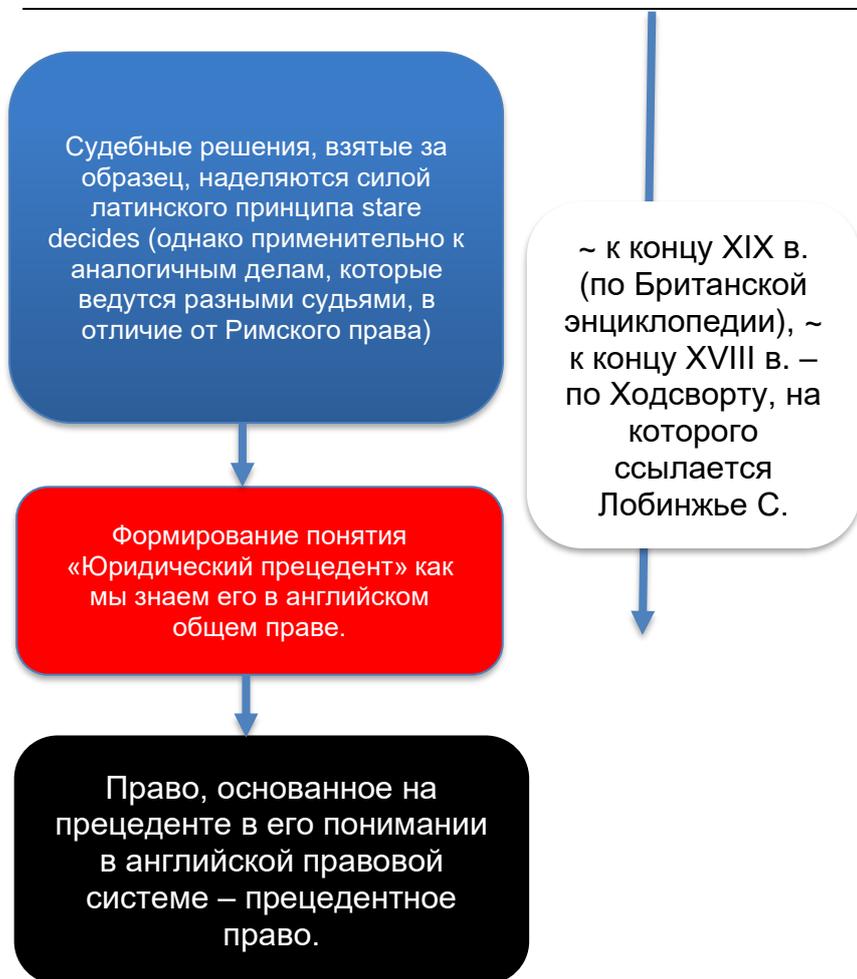


Рис. 1. Генезис английского общего права (исторический аспект).

Таким образом, категория юридического прецедента, какой она понимается в рамках общего права, оформилась не ранее, чем к XVIII в., причем на основе судебных решений, которые на протяжении веков выносились английскими (британскими) судьями на основании сначала местных правовых традиций и правовых обычаев городов, деревень, бургов, графств Англии, затем «закона страны» (английского общего права) и местных правовых обычаев и традиций, существование которых было оправдано условиями, перечисленными выше.

Право, основанное на местных правовых обычаях и традициях в истории Англии (Британии) – это обычное право или общее право, для него в британском юридическом дискурсе не предусмотрено различных терминов, это *common law*. Следовательно, в отношении Англии (Великобритании) категорию «правовой обычай» корректно рассматривать либо в сугубо историческом аспекте, либо в том, который указан в Британской энциклопедии, т. е. практически чисто формальном на современном этапе развития английской правовой системы.

Правовые обычаи и традиции Англии слились в синкретичный сплав «общего права Великобритании», или «обычного права Великобритании», которое затем, будучи дополнено обращением к судебной практике с ее последующим наделением принципа *stare decises*, приняло современный, завершённый вид. Учитывая, что прецеденты когда-то были отобраны из массива судебных решений, принятых на основании правовых традиций и обычаев, называть английское право «прецедентным» можно только с относительной долей условности. Вероятно, поэтому в британском современном дискурсе такого термина, как «прецедентное право», встретить вообще нельзя – английское (британское) право продолжает именоваться одним термином, подчеркивающим его историко-географическую сущность и культурный колорит – *common law*, общепризнанное право.

Подведем итоги. В современной российской юридической науке, в учебной литературе по теории права под «обычным правом» понимается англо-саксонское право – право Соединенного Королевства и стран, его воспринявших в ходе истории. В этой правовой системе, как мы установили, общее право является синкретичным сплавом обычного права и юридического прецедента, иными словами, массив обычного права Великобритании около XVIII в. получил законченное оформление в системе юридического прецедента (т. е. традиции де-факто не имеют юридической силы). Таким образом, в отношении стран, воспринявших англо-саксонское право, вопрос о разграничении понятий «общее право» и «обычное право» на сегодняшний день уже представляется некорректным, так как для них «общее право» – это закономерный и уже давно завершившийся результат эволюции «обычного», его оформления в упорядоченную, общепризнанную систему под влиянием римского права.

В отношении других стран, где сильны правовые обычаи в виде племенных традиций и проч., вопрос в принципе некорректен, потому что если они имеют т. н. правовые традиции, общие для всех, это с тем же успехом можно было бы назвать их общим правом, однако раз в российском юридическом дискурсе термин «общее право» получил закрепление именно за правовой системой англо-саксонского права, следует признать, что «общее право» и

«обычное право» конкретно для современной системы англо-саксонского права – это одно и то же. Генезис системы современного англосаксонского общего права представлен на рис. 2.



Рис. 2. Генезис системы современного англосаксонского общего права (разработан автором).

Для придания легитимности вышеуказанной лингвистической ошибке можно было бы ввести в дискурс термин «правовая семья» вместо «правовая система» и оперировать им, однако здравый смысл подсказывает нам, что современная учебная юридическая литература нуждается в обновлении, а для этого иногда надо реформировать и доктринальные основы любой науки, которая, как известно, никогда не стоит на месте.

По мнению автора, подобное пояснение, по меньшей мере в виде ремарки, обязательно для включения в современную учебную юридическую литературу, т. к. неизвестно как допущенная «юридическая элизия» вносит сумятицу в массив юридической лексики, который должен быть безупречно упорядочен как с юридической, так и с лингвистической точки зрения.

Литература

Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М., 2010.

Володина Д. В., Юрьева Ю. С. Трудности перевода текстов по специальности / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - №12-2. - С. 187-190.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-tekstov-po-spetsialnosti>.

Гонгало Б. М. Объективное и субъективное в правовой доктрине / Актуальные проблемы российского права. - 2015. - №4. - С. 42-46.

Графский В. Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. - 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 290.

Гущина Л. И., Епифанова Е. В., Ембулаева Н. Ю. Основы права: учебник. СПб., 2015. URL: <https://www.iprbookshop.ru/77116.html>.

Земцов Б. Н. Основы права: учебное пособие. М., 2011. URL: <https://www.iprbookshop.ru/11044.html>.

Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1997.

Право справедливости [Wikipedia]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Право_справедливости.

Bracton, Henri De. On the laws and customs of England. Cambridge, 1968.

Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliæ / edited by George E. Woodbine. Oxford, 1915.

Equity: 150 Years After the Judicature Reforms. URL: <https://www.law.ox.ac.uk/events/equity-150-years-after-judicature-reforms>.

Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/equity>.

Goldberg J., Smith H., Turner P. Are Equity and Law in Scotland Fused, Separate or Intertwined? / Equity and law: fusion and fission. New York, 2019.

URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/equity-and-law/are-equity-and-law-in-scotland-fused-separate-or-intertwined/72D20786520877BFD65717FE5695053F>.

Guo Shiyi. On Henry de Bracton's on the Laws and Customs of England. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 615. Proceedings of the 2021 4th International Conference on Humanities Education and Social Sciences (ICHESS 2021). Atlantis Press, 2021.

URL:

https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewiL4Jr_SAAxVIExAIHbzpAfUQFnoECBAQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.atlantis-press.com%2Farticle%2F125967272.pdf&usg=AOvVaw1R82oq-jOzTJLZrqPpPrCN&opi=89978449.

Hansard - Официальный отчет о заседаниях Британского парламента. Supreme Court Of Judicature Act (1873) Amendment.

URL: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1875-06-10/debates/02fae23f-f927-40e4-ad7a-c37396a02526/SupremeCourtOfJudicatureAct\(1873\)Amendment\(No2\)Bill](https://hansard.parliament.uk/Commons/1875-06-10/debates/02fae23f-f927-40e4-ad7a-c37396a02526/SupremeCourtOfJudicatureAct(1873)Amendment(No2)Bill).

Lobingier, Sumner C. Precedent in Past and Present Legal Systems / Michigan Law Review. 1946. Vol. 44. Iss. 6.

Sager, Juan C. Practical Course in Terminology Processing. Amsterdam, 1990.

The worst errors in the history of translation. URL: <https://www.at-languagesolutions.com/en/los-peores-errores-traduccion-la-historia>.

UK Parliament. URL: <https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/laworder/court/overview/judicatureacts>.

UOLLB. URL: <https://uollb.com/blog/english-common-law/common-law-and-equity>.

References

Borisov, A. B. (2010). A large legal dictionary (in Russian).

Volodina, D. V., Yurieva, Y. S. (2019). Difficulties in translating texts in the specialty / International Journal of Humanities and Natural Sciences, 12-2, 187-190. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-tekstov-po-spetsialnosti> (in Russian).

Gongalo, B. M. (2015). Objective and subjective in legal doctrine / Actual problems of Russian law, 4, 42-46.

Grafsky, V. G. (2007). Universal history of law and the state: Textbook for institutions of higher education. - 2nd ed., reprint. and additional, 290. Moscow (in Russian).

Gushchina, L. I., Epifanova, E. V., Embulaeva, N. Y. (2015). Fundamentals of law: textbook. St. Petersburg. Available from: <https://www.iprbookshop.ru/77116.html> (in Russian).

Zemtsov, B. N. (2011). Fundamentals of law: a textbook. Moscow. Available from: <https://www.iprbookshop.ru/11044.html> (in Russian).

Kerimov, D. A. (1997). Legislative technique. Moscow (in Russian).

Equity (in law) [Wikipedia]. Available from:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Право_справедливости (in Russian).

Bracton, Henri De (1968). De Legibus et Consuetudinibus Angliae. On the laws and customs of England. Translated, with revisions and notes, by Samuel E. Thorne. Cambridge, Published in association with the Selden Society [by] the Belknap Press of Harvard University Press.

Bracton (1915-1944). De legibus et consuetudinibus Angliæ / edited by George E. Woodbine. Bracton, Henry de -1268. ; George E Woodbine (George Edward), 1876-1953.; Yale University. John E. Parsons Foundation.; Yale University. Department of History. New Haven: Yale university press London: H. Milford, Oxford university press.

Equity: 150 Years After the Judicature Reforms. Available from: <https://www.law.ox.ac.uk/events/equity-150-years-after-judicature-reforms>.

Encyclopædia Britannica. Available from: <https://www.britannica.com/topic/equity>.

Goldberg, J., Smith, H., Turner, P. (2019). Are Equity and Law in Scotland Fused, Separate or Intertwined? Equity and law: fusion and fission. New York, p. 184. Available from: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/equity-and-law/are-equity-and-law-in-scotland-fused-separate-or-intertwined/72D20786520877BFD65717FE5695053F>.

Guo Shiyi (2021). On Henry de Bracton's on the Laws and Customs of England. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 615. Proceedings of the 2021 4th International Conference on Humanities Education and Social Sciences (ICHESS 2021). Atlantis Press. Available from:

https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiL4jr_-SAAxVIExAIHbzpAfUQFnoECBAQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.atlantis-press.com%2Farticle%2F125967272.pdf&usg=AOvVaw1R82oq-jOzTJLZrqPpPrCN&opi=89978449.

Hansard - Official report on the meetings of the British Parliament. Supreme Court Of Judicature Act (1873) Amendment. Available from: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1875-06-10/debates/02fae23f-f927-40e4-ad7a-c37396a02526/SupremeCourtOfJudicatureAct\(1873\)Amendment\(No2\)Bill](https://hansard.parliament.uk/Commons/1875-06-10/debates/02fae23f-f927-40e4-ad7a-c37396a02526/SupremeCourtOfJudicatureAct(1873)Amendment(No2)Bill).

Lobingier, Sumner C. (1946). Precedent in Past and Present Legal Systems. Michigan Law Review Volume 44 Issue 6.

Sager, Juan C. (1990). Practical Course in Terminology Processing. - John Benjamins Publishing Company, Amsterdam.

The worst errors in the history of translation. Available from: <https://www.at-languagesolutions.com/en/los-peores-errores-traduccion-la-historia>.

UK Parliament. Available from: <https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/laworder/court/overview/judicatureacts>.

UOLLB. Available from: <https://uollb.com/blog/english-common-law/common-law-and-equity>.

Citation:

Макаренко Т. В. К вопросу о семантической тождественности терминов «общее право» и «обычное право» применительно к правовой системе Великобритании // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 55-63.

Makarenko T. V. (2024) On Semantic Identity of Terms "Common Law" and "Customary Law" in respect to Legal System of Great Britain. Legal Linguistics, 32, 55-63.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Определение категории «лицо, впервые совершившее преступление» для целей освобождения от уголовной ответственности: методологический аспект

А. Г. Максимов

*Главное управление МВД РФ по Алтайскому краю
пр. Ленина, 74, 656015, Барнаул, Россия. E-mail: maksimov.ag1982@gmail.com*

В статье рассмотрена сложная лингвистическая конструкция «лицо, впервые совершившее преступление». В действующем уголовном законе, несмотря на частое употребление данной категории, легальное ее определение отсутствует. Высшая судебная инстанция в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» предлагает крайне широкое понимание первичности совершения преступления как условия освобождения от уголовной ответственности. Автор исследует положения доктрины уголовного права об определении лица, впервые совершившего преступления, в том числе в части анализа вышеуказанного судебного толкования, выделяет концептуальные научные подходы к установлению содержания рассматриваемой категории, выявляет криминологические проблемы, возникающие при расширительном толковании термина «лицо, впервые совершившее преступление», а также проводит сопоставительный анализ соответствия нормативного и судебного понимания исследуемой лингвистической конструкции уголовно-правовым принципам. По результатам проведенного исследования автор приходит к следующим выводам: сформировавшееся в судебной практике понимание лица, впервые совершившего преступления, не соответствует задачам уголовного закона, закрепленным в ст. 2 УК РФ, в первую очередь задаче предупреждения совершения новых преступлений (общая и частная превенция), а также принципам законности, справедливости и равенства. В целях устранения выявленных пробелов уголовного закона автор предлагает нормативно закрепить понятие «лицо, впервые совершившее преступление» в тексте уголовного закона и внести соответствующие изменения в указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ. При определении содержания категории «лицо, впервые совершившее преступление» автор предлагает использовать юридическую конструкцию отрицательного факта с указанием исключений, то есть лиц, которые не могут признаваться впервые совершившими преступление.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, терминология уголовного права, юридическая техника, лицо, впервые совершившее преступление.

Definition of the Category "First Offender" for the Purpose of Exemption from Criminal Liability: Methodological Aspect

A. G. Maksimov

*Chief Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Altai Krai
74 Lenin St., 656015, Barnaul, Russia. E-mail: maksimov.ag1982@gmail.com*

The article considers the complex linguistic construction of "a first offender". Despite the frequent use of this category the current criminal law lacks its legal definition. The highest judicial authority in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/27/2013 No. 19 "On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability" offers an extremely broad understanding of the primacy of the commission of a crime as a condition for exemption from criminal liability. The author explores the provisions of the doctrine of criminal law on the definition of a first offender, including in terms of analyzing the above mentioned judicial interpretation, identifies conceptual scientific approaches to establishing the content of the category in question, identifies criminological problems arising from the broad interpretation of the term "first offender", and also conducts a comparative analysis of the compliance of normative and judicial understanding of the investigated linguistic structure of the criminal law principles. Based on the results of the study, the author comes to the following conclusions: the concept of the first offender, as well as the principles of legality, justice and equality, formed in judicial practice, does not correspond to the tasks of the

criminal law enshrined in Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, first of all, the tasks of deterring new crimes (general and individual prevention). In order to eliminate the identified gaps in the criminal law, the author proposes to normalize the concept of "first offender" in the text of the criminal law and make appropriate changes to the said Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. When determining the content of the category "first offender", the author suggests using the legal construction of a negative fact with an indication of exceptions, that is, persons who cannot be recognized as first offenders.

Key words: exemption from criminal liability, terminology of criminal law, legal technique, first offender.

В действующем российском уголовном законе упоминание о лице, впервые совершившем преступление, содержится как в Общей, так и в Особенной частях (ч. 1 ст. 53.1, ч. 1 ст. 56, п. а ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, чч. 1, 2 ст. 76.1, ст. 76.2, 80.1, ч. 6 ст. 88 УК РФ, примечания к ст. 127.1, 145.1, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 205.5, 208, 282.1, 282.2, 282.3, 337, 338). Содержание приведенных уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод, что наибольшее значение рассматриваемая дефиниция приобретает при решении вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности. Так, единственная норма, которая не устанавливает требования об отсутствии предшествующего криминального поведения в качестве обязательного условия для установления возможности применения института освобождения от уголовной ответственности – это ст. 78 УК РФ, в которой закреплены основания и условия освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. В иных случаях фиксация первичности совершенного преступления является обязательной как в связи с освобождением от ответственности по общим правилам, так и по основаниям, предусмотренным в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

Легального определения лица, впервые совершившего преступление, УК РФ не содержит. Законодательный пробел восполнил Верховный Суд РФ, разъяснив в п. 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее по тексту – Постановление Пленума № 19), что в ст. 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Далее Высшая Судебная инстанция РФ излагает правило о дифференциации в понимании категории «лицо, впервые совершившее преступление» в случае освобождения от уголовной ответственности по ст. 76.1 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба). Верховный Суд РФ разъясняет, что при освобождении от уголовной ответственности лиц по основаниям, предусмотренным ст. 76.1 УК РФ, необходимо также учитывать примечания к соответствующим статьям УК РФ. Исходя из этого, судам следует иметь в виду, что для целей статьи 76.1 УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается.

Таким образом, Верховный Суд РФ не ограничивается классическим пониманием совершения преступления, понятие которого приводится в ч. 1 ст. 14 УК РФ (преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания), а расширяет понятие лица, впервые совершившего преступления, путем указания не на факт совершения предшествующего преступления, а на наличие или отсутствие правовых последствий его совершения. Подобный подход правоприменителя подвергся вполне обоснованной критике в доктрине уголовного права. В юридической литературе справедливо отмечается, что результатом подобного толкования категории «лицо, впервые совершившее преступление», является создание крайне противоречивой ситуации, когда таким лицом признается и то, которое многократно совершало деяния, отнесенные законодателем к преступлениям, и то, которое ранее неоднократно было осуждено [Николаев 2016: 34]. Однако в науке представлены и иные мнения относительно корректности и обоснованности расширительного толкования изучаемой категории в практике Верховного Суда РФ. Анализ доктрины уголовного права позволяет выделить следующие основные концепции категории «лицо, впервые совершившее преступление», сформировавшиеся в уголовно-правовой науке:

1) сторонники ограничительного понимания исследуемой категории аргументируют позицию о том, что впервые совершившим преступление необходимо считать только то лицо, к которому за ранее совершенные преступления не применялось ни наказание, ни какие-либо иные меры уголовно-правового характера, в том числе не имело место

освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В данном случае речь идет о лице, не имеющем преступного опыта, полученного ранее и получившего соответствующую оценку со стороны государства [Ларина 2014: 87]. Подобный подход мы именуем фактическим, когда в основе формирования дефиниции лежит не юридическая оценка предшествующих действий лица, а его фактические действия, выразившиеся в совершении уголовно-наказуемого деяния;

2) сторонники широкого подхода к определению лица, впервые совершившего преступление, исходят из необходимости разграничения общего лексического значения словосочетания и его юридического понимания и подчеркивают, что в уголовном законе речь идет не о фактическом, а юридическом содержании этого термина [Благов 2011: 83]. Назовем указанный подход к определению содержания лица, впервые совершившего преступление, правовым, где в основу определения соответствующего льготного статуса положены правовые ограничения или юридические последствия совершения преступления, если точнее – отсутствие таковых ограничений или последствий;

3) дифференцированный подход к определению лица, впервые совершившего преступление, предполагает установление такого лица в зависимости от основания освобождения от уголовной ответственности и выражается в компромиссных предложениях о корректировке позиции Верховного Суда РФ в части, касающейся совокупности преступлений [Шнитенков 2009: 22], истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности [Кузнецова 2001: 48].

Предложено в юридической литературе и вовсе отказаться от использования термина «лицо, впервые совершившее преступление», заменив его на иные понятия. В частности, высказаны предложения об установлении в уголовном законе прямого запрета на освобождение от ответственности лиц, имеющих судимость за те или иные преступления, либо установить на законодательном уровне жесткое ограничение кратности (предельно допустимого количества раз) освобождения от ответственности, либо указать, что положения тех или иных статей уголовного закона, устанавливающих возможность освобождения, не распространяются на лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений отдельных категорий или видов (каких именно категорий и видов – это вопрос, требующий дополнительного обсуждения) в течение срока давности привлечения к уголовной ответственности после освобождения от ответственности ранее [Овсянников 2023: 114].

Итак, сформовавшаяся в правоприменительной практике проблема определения категории «лицо, впервые совершившее преступление», разрешенная в разъяснениях Высшей судебной инстанции РФ, породила объективные вопросы в обоснованности столь широкого подхода к пониманию рассматриваемой юридической конструкции. Представляется, что в настоящее время необходимо теоретическое обоснование изменений в понимании изучаемой дефиниции. По нашему мнению, такое обоснование необходимо осуществить на основе следующих методологических критериев, позволяющих сформировать логически и фактически обоснованную уголовно-правовую категорию:

1) юридическое значение категории «лицо, впервые совершившее преступление» определяется в связи с условиями освобождения от уголовной ответственности, то есть первичность совершения преступления является условием такого освобождения [Анощенкова 2017: 115]. Для возникновения возможности освобождения лица от уголовной ответственности необходимо наличие обозначенных в законе оснований и условий. Вопрос о соотношении оснований и условий освобождения от уголовной ответственности относится в науке уголовного права к дискуссионным. Учитывая объективную ограниченность объема настоящего исследования, не будем углубляться в содержание данной дискуссии, укажем лишь, что мы согласны с учеными, аргументирующими позицию о том, что для большинства видов освобождения от уголовной ответственности основаниями выступают снижение или отпадение общественной опасности деяния и лица, его совершившего [Егоров 2002: 100], условия освобождения от уголовной ответственности, специфичные для каждого вида, являются необходимыми требованиями для освобождения, но сами по себе не порождают его [Кузьмина 2019: 87]. Таким образом, при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности на первоначальном этапе устанавливаются основания, предполагающие нивелирование общественной опасности, далее – условия, которые могут быть не тождественны друг другу и отличаться для различных групп преступлений. Для окончательного решения необходимо наличие как оснований, так и условий освобождения от уголовной ответственности. Подобный подход порождает важный для определения содержания исследуемой категории вывод: будучи условием (вторичной характеристикой) освобождения от уголовной ответственности, установление особенностей предшествующего противоправного поведения либо его отсутствия может быть дифференцировано в зависимости от вида совершенного преступления. При этом, учитывая имманентную связь оснований и условий освобождения от уголовной ответственности, представляется, что предыдущий преступный опыт коррелирует с фактом утраты лицом общественной опасности;

2) второй признак относится к языковым. Категория «лицо, впервые совершившее преступление» относится к лингвистическим конструкциям. В этой связи для установления его содержания необходимо определять значение каждого из составляющих его слов. Однако следует согласиться с тем, что в тексте закона обычное слово может приобретать некий новый оттенок значения, обусловленный тем, что слово после внесения его в нормативный акт становится неотъемлемым компонентом нормативного правового предписания как единого, цельного знака со специфическим юридическим смыслом его [Кострова 2015: 70]. Указанное предполагает необходимость комплексного юридико-лингвистического подхода к выявлению содержания рассматриваемой категории, с учетом как буквального понимания содержащихся в ней слов, так и их юридического значения. При определении конструкции «совершение преступления» необходимо учитывать, что виновному не во всех случаях удается в полном

объеме выполнить объективную сторону конкретного деяния или получить желаемый от совершения преступления результат. В теории и практике уголовного права в этой связи выделяются стадии совершения преступления. Стадии совершения преступления представляют собой различные самостоятельные формы реализации общественно опасных деяний, которые отличаются друг от друга по моменту, когда преступление было пресечено или по разным причинам прекращено [Николаев 2015: 49]. Принимая во внимание фактическую этапность преступной деятельности лица и ее юридические последствия, представляется, что «совершение преступления» как лингвистическая конструкция обусловлена правовым содержанием, и установление ее содержания предполагает не только фиксацию факта совершения противоправного, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания деяния, но и юридические последствия такого деяния;

3) далее установлению подлежит криминологическая обоснованность содержания дефиниции, в первую очередь, возможность ее расширительного толкования. При рассмотрении данного признака мы устанавливаем два факта. Во-первых, предшествующие юридические процедуры, применяемые к лицу, а именно: если лицо ранее было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, то оно не может считаться совершившим преступление впервые, так как такое освобождение не аннулирует уголовно-правовые последствия совершения преступления и означает недостаточность ранее принятых мер для исправления лица [Келина 1974: 17]. Во-вторых, определяем каким образом возможность многократного освобождения от уголовной ответственности влияет на общую превенцию, которая обозначена в ст. 2 УК РФ в качестве одной из задач уголовного закона. При таком подходе, на наш взгляд, не обеспечивается выполнение профилактической задачи уголовного судопроизводства, поскольку он позволяет освобождать от ответственности лиц, склонных к совершению преступлений, что прямо нарушает принцип защиты личности от преступных посягательств, не способствует выполнению задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности [Стадниченко 2016: 37]. Изложенная нами позиция подтверждается проведенным автором анкетированием сотрудников правоохранительных органов, а также практикующих юристов. Так, по результатам проведенного опроса 83% опрошенных сотрудников правоохранительных органов высказались за исключение возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, ранее совершивших преступление и освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию (всего опрошено 127 человек). Среди адвокатов и частнопрактикующих юристов такая цифра ниже и составляет 67% опрошенных (всего опрошен 81 человек), однако во всяком случае составляет более половины респондентов;

4) далее рассмотрим вопрос так называемой множественности совершения преступлений, каждое из которых позволяет применить к лицу институт освобождения от уголовной ответственности. Высшая судебная инстанция при толковании рассматриваемого понятия одновременно допускает, в частности, применение судебного штрафа как одного из оснований освобождения от уголовной ответственности в отношении лица, совершившего несколько схожих преступлений, что позволяет применение множественного числа при определении соответствующей уголовно-правовой категории. В юридической литературе подобный подход правоприменителя справедливо критикуется. По мнению Т. В. Кленовой, такое разъяснение свидетельствует о том, что Пленум Верховного Суда РФ необоснованно отождествляет впервые совершенное преступление с впервые совершенными несколькими преступлениями. Ранее, до принятия Постановления Пленума № 19, суды исходили из иного понимания лица, впервые совершившего преступление. Например, в Обзоре судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием от 01.06.2005 г. Верховный Суд РФ указывал, что ст. 75 УК может быть применена только к лицу, совершившему одно преступление. То есть при условии совершения нескольких преступлений (не входящих в идеальную совокупность) этот институт применению не подлежал [Обзор судебной практики от 01.06.2005 г.]. Представляется, что при определении объема дефиниции «лицо, впервые совершившее преступление» необходимо исходить из его буквального понимания и исключить возможность применения института освобождения от уголовной ответственности при совершении нескольких преступлений, каждое из которых соответствует критериям освобождения.

Итак, анализ доктрины уголовного права позволяет сделать вывод о том, что расширительное толкование категории «лицо, впервые совершившее преступление» в судебной практике приводит к фактическому правотворчеству, которое осуществляет пусть и высшая, но все-таки судебная инстанция. Отсутствие нормативного определения нарушает принцип законности, который предполагает формальную определенность уголовного закона как его обязательное свойство и форму реализации принципов законности, равенства и справедливости [Коренная 2017:67].

При формировании уголовного закона об определении лица, впервые совершившего преступление, необходимо следовать юридической конструкции так называемого отрицательного факта, то есть действовать методом исключения, указав, на какую категорию лиц не может быть распространена искомая дефиниция. К лицам, в отношении которых не применимо такое условие освобождения от уголовной ответственности, как первичность совершения преступления, следует относить: ранее совершивших преступление независимо от категории и освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию; лиц, совершивших несколько преступлений, формально отвечающих критериям освобождения от уголовной ответственности, за каждое из которых лицо не было освобождено; лиц, которые ранее привлекались к уголовной ответственности и в отношении которых был вынесен обвинительный приговор, в том числе когда юридические последствия исчерпаны (судимость снята или погашена).

Таким образом, по результатам проведенного исследования мы приходим к следующим выводам:

- исключить из содержания категории «лицо, впервые совершившее преступление» лиц, которые, хотя и не имеют судимости, ранее были освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, либо лиц, в отношении которых был вынесен обвинительный приговор;
- указать на возможность освобождения от уголовной ответственности только в отношении лица, впервые совершившего одно преступление;
- дополнить уголовный закон такими условиями освобождения от ответственности, как отсутствие фактов неоднократного привлечения лица к уголовной ответственности и (или) фактов неоднократного прекращения в отношении его уголовных дел по не реабилитирующим основаниям в прошлом. Указанное предложение воплощено в соответствующий законопроект, предложенный Министерством внутренних дел РФ [Проект Федерального закона].

Литература

- Анощенко С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики / Журнал российского права. 2017. № 7. С. 114-118.
- Благов Е. В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера: лекции. М., 2011. С. 83.
- Егоров В. С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности : учеб. -методич. пособие. М., 2002. С. 100
- Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 17-18.
- Коренная А. А. Принципы уголовно-правовой охраны экономической деятельности как концептуальная основа реформирования уголовного закона / Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3(94). С. 67-71.
- Кострова М. Б. Термин «Лицо, впервые совершившее преступление», в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права / Lex Russica. 2015. № 8. С. 70-83.
- Кузнецова Н. В. Процессуальные проблемы применения уголовного закона о множественности преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2001. 48 с.
- Кузьмина О. Н. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 87-91.
- Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87-90.
- Николаев К. Д. Понятие, признаки, виды и значение стадий совершения умышленного преступления / Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 3. С. 49-51.
- Николаев П. М. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно / Законность. 2016. № 8. С. 34-36
- Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 01.06.2005 г. «Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием»
- Овсянников И. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности / Современное право. 2023. № 4. С. 114-117.
- Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 75 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части совершенствования института освобождения от уголовной ответственности)». (подготовлен МВД России). (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.01.2024г.)
- Стадниченко О. С. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие "лицо, впервые совершившее преступление" / Законность. 2016. N 8. С. 37-38.
- Шнитенков А. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности / Российская юстиция. 2009. № 4. С. 21-22.

References

- Anoshchenkova, S. V. The appointment of a judicial fine: issues of theory and practice / Journal of Russian Law. 2017. No. 7. pp. 114-118.
- Blagov, E. V. Punishment and other measures of a criminal legal nature: lectures. Moscow, 2011. p. 83.
- Egorov, V. S. Theoretical issues of exemption from criminal liability: textbook. - methodical. manual. Moscow, 2002. p. 100
- Kelina, S. G. Theoretical issues of exemption from criminal liability. M., 1974. pp. 17-18.
- Korennyaya, A. A. Principles of criminal law protection of economic activity as a conceptual basis for reforming the criminal law / Proceedings of the Altai State University. 2017. No. 3(94). pp. 67-71.
- Kostrova, M. B. The term "A person who committed a crime for the first time" in the context of the relationship between criminal and other branches of Russian law / Lex Russica. 2015. No. 8. pp. 70-83.
- Kuznetsova, N. V. Procedural problems of the application of the criminal law on the multiplicity of crimes: author's abstract. dis. ...Dr. Jurid. sciences'. Izhevsk, 2001. 48 p.
- Kuzmina, O. N. Grounds and conditions for exemption from criminal liability / Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 6. pp. 87-91.
- Larina, L. Yu. The concept of a person who committed a crime for the first time // Legal science. 2014. No. 1. pp. 87-90.

-
- Nikolaev, K. D. The concept, signs, types and significance of the stages of committing an intentional crime / Siberian Legal Review. 2015. No. 3. pp. 49-51.
- Nikolaev, P. M. The law allows the commission of certain criminal acts repeatedly and with impunity / Legality. 2016. No. 8. pp. 34-36
- Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/01/2005 "Review of judicial practice of termination of criminal cases by military courts in connection with reconciliation with the victim and active repentance"
- Ovsyannikov, I. V. Committing a crime for the first time as a condition for exemption from criminal liability / Modern law. 2023. No. 4. pp. 114-117.
- Draft Federal Law "On Amendments to Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of improving the institution of exemption from criminal liability)". (prepared by the Ministry of Internal Affairs of Russia). (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 01/19/2024)
- Stadnichenko, O. S. The preventive component of some grounds for exemption from criminal liability containing the concept of "a person who committed a crime for the first time" / Legality. 2016. N 8. pp. 37-38.
- Shnitenkov, A. V. Committing a crime for the first time as a condition for exemption from criminal liability / Russian Justice. 2009. No. 4. pp. 21-22.
-

Citation:

Максимов А. Г. Определение категории «лицо, впервые совершившее преступление» для целей освобождения от уголовной ответственности: методологический аспект // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 64-69.

Maksimov A. G. (2024) Definition of the Category "First Offender" for the Purpose of Exemption from Criminal Liability: Methodological Aspect. Legal Linguistics, 32, 64-69.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Историко-правовые и сравнительные аспекты толкования понятия экстремизм¹

М. А. Стародубцева¹, О. А. Блинова²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹starodubzewa@gmail.com, ²boa334@yandex.ru

В статье приводится исследование ретроспективы возникновения и формирования понимания экстремизма. Анализ этимологии термина «экстремизм» показывает его происхождение от латинского слова *extremus*, что в переводе на русский язык означает «крайний, чрезмерный», то есть выходящий за пределы установленных рамок и норм. Исходя из этимологии, экстремизм можно толковать как приверженность крайним взглядам, методам действия.

Уже в период Древнего мира и на протяжении основных этапов истории складывались ситуации, в которых определенные категории людей были готовы нарушить и нарушали существующие нормы для достижения своих целей и идеалов, применяя при этом запрещенные любым общественным регулятором меры. Фактически это феномен, названный впоследствии терроризмом. Этот термин часто употребляется наряду с термином «экстремизм» в публикациях по юриспруденции и политологии, являясь понятийно близким ему.

В политической, социологической, публицистической литературе понятия «террор», «терроризм» и «террористический акт» чаще всего предлагается использовать в качестве синонимов. Синонимизация в данном случае удобна в утилитарном отношении, но становится препятствием с точки зрения методологии. Исходя из этимологии, любой акт насилия может быть истолкован как терроризм лишь в том случае, когда он преследует цель устрашения. Но с точки зрения определения субъекта и объекта подобных преступлений синонимизация не учитывает конкретную ситуацию, в которой совершается указанное преступление. Следовательно, при рассмотрении истории экстремизма, как отмечает автор, необходимо проследить изменение трактовки термина «экстремизм» на разных этапах развития общества.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, идеология, историческое развитие, историко-правовой анализ.

Historical Legal and Comparative Aspects of Construing the Concept of Extremism

M. A. Starodubtseva¹, O. A. Blinova²

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹starodubzewa@gmail.com, ²boa334@yandex.ru

The article provides a study of the retrospective of the emergence and development of understanding of extremism. The author refers to the etymology of the very concept of «extremism». The term «extremism» originates from the Latin word «*extremus*», which in translation into Russian means «extreme, excessive», going beyond the established limits and norms. Based on etymology, extremism can be interpreted as a commitment to extreme views, methods of action.

As early as the Ancient World and throughout the main stages of history, situations have arisen in which certain categories of people were ready to violate and violated existing norms in order to achieve their goals and ideals, while applying measures prohibited by any public regulator. In fact, this is what was called terrorism much later. This term is often used together with the term «extremism» in publications on jurisprudence and political science, and sometimes the term «terror» is added to them. It is noted that all these phenomena have been known to mankind since antiquity.

In political, sociological, journalistic literature, the concepts of «terror», «terrorism» and «terrorist act» are most often proposed to be used as synonyms. Synonymization in this case is convenient in a utilitarian sense, but becomes an obstacle in terms of methodology. Based on etymology, any act of violence can be interpreted as terrorism only if it pursues the goal of intimidation. But from the point of determining the subject and object of such crimes, synonymization does not take into

¹ Исследование выполнено в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект «Организационно-правовые меры профилактики идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий в сфере образования».

account the specific situation in which the specified crime is committed. Hence, when considering the history of extremism, as the author notes, it is necessary to trace the change in the interpretation of the term «extremism» at different stages of the development of society.

Key words: extremism, terrorism, ideology, historical development, historical and legal analysis.

Исследование ретроспективы возникновения и формирования понимания экстремизма, думается, необходимо начать с этимологии самого понятия «экстремизм». Термин «экстремизм» берет свое начало от латинского слова *extremus*, что в переводе на русский язык означает «крайний, чрезмерный», выходящий за пределы установленных рамок и норм. Исходя из этимологии, экстремизм можно толковать как приверженность крайним взглядам, методам действия [1, с. 48].

Уже в период Древнего мира складывались ситуации, в которых определенные категории людей были готовы нарушить и нарушали существующие нормы для достижения своих целей и идеалов, применяя при этом запрещенные любым общественным регулятором меры. Фактически это то, что много позже назовут терроризмом. Этот термин часто употребляется вместе с термином «экстремизм» в публикациях по юриспруденции и политологии, причем иногда к ним добавляется термин «террор». Отмечается, что все указанные явления известны человечеству с древности. К примеру, А. А. Королёв в своей монографии пишет: «Наверное, террор в личном и общественном сознании людей существует испокон веков, еще со времен формирования архетипа «мы-они», «свой-чужой» [2]. Аналогичного мнения придерживаются Н. Н. Афанасьев и В. С. Шукшин, которые полагают, что террор «относится к разряду столь же древних явлений, как и само насилие» [3, с. 109].

В политической, социологической, публицистической литературе понятия «террор», «терроризм» и «террористический акт» чаще всего предлагается использовать в качестве синонимов. Синонимизация в данном случае удобна в утилитарном отношении, но становится препятствием с точки зрения методологии. С точки зрения определения субъекта и объекта подобных преступлений синонимизация не учитывает конкретную ситуацию, в которой совершается указанное преступление. Поэтому, как отмечает в своей монографии С. У. Дикаев, «представляется правильной точка зрения В. Замкового, М. Ильчикова, Д. А. Шестакова, относящих «террор» к политическим силам, находящимся во власти, опирающимся на властные структуры и репрессивный аппарат подавления (армию, МВД, спецслужбы и т. д.). [4, с. 25].

Обращаясь к истокам экстремизма, можно отметить, что точки зрения на момент его возникновения также значительно расходятся во времени, но практически везде экстремизм трактуется гораздо шире, чем террор и терроризм. Т. А. Корнилов, к примеру, говорит, что «экстремизм как социальное явление был известен истории еще в первобытно-общинном строе, на заре зарождения человеческого социума» [5, с. 23]. При этом он ссылается на труды В. Н. Томалинцева [6, с. 16].

Однако сложно признать ту или иную позицию полностью обоснованной. Если взять за основу толкование экстремизма как острой формы разрешения социальных противоречий, то появиться такая форма может лишь тогда, когда имеющиеся в обществе противоречия не смогут быть решены иными методами.

В первобытной общине (и, соответственно, в межобщинных отношениях того периода) экстремизм возникнуть не может. Это объясняется тем, что община основывалась на присваивающей экономике, опирающейся на обязательный единый труд всех членов общины и на общественное распределение результатов этого труда [7, с. 54].

С. А. Воронцов предполагает, что экстремизм появляется в той точке времени, когда распад общества на классы позволил «возвысить» одни категории граждан над другими, то есть в момент появления общественного неравенства [8, с. 66].

Более точно обоснованной следует признать точку зрения Ю. М. Антоняна [9, с. 246]: разобщенность общества есть признак уже экономики производящей, при которой формируется антагонизм интересов между слоями населения. Столкновение интересов меньшинства и большинства, борьба за доступ к значимым благам как раз и порождает экстремизм как явление.

Идеологическую подоплеку экстремизм получает в XIX веке. Немецкий радикал Карл Гейнцен длительное время добивался опровержения морального запрета на многократные убийства в политической борьбе [10].

Концепция Гейнца получила логическое развитие в трудах многих революционеров, в том числе и в теориях М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, которые являлись основоположниками доктрины «пропаганды действием» [11, с. 34].

Сам же термин «экстремизм» как таковой появился в 1838 году в философском словаре немецкого философа Вильгельма Трауготта Круга.

В юридической литературе впервые термин «экстремизм» употребил в первой четверти XX века французский юрист М. Лерой для обозначения фанатичной веры в политический идеал [12].

Таким образом, по итогам краткого анализа возникновения экстремизма как явления мы можем сказать, что это продукт столкновения интересов различных категорий граждан, возникающий в период значительных политических и социально-экономических потрясений, долгое время не имевший собственного термина.

Теперь стоит рассмотреть основные вехи развития экстремизма в российской истории.

Исходя из уже отмеченного нами толкования экстремизма как острой формы разрешения возникших противоречий, можно отметить, что одним из значимых его проявлений еще на Руси явилось начало междоусобной войны между князьями с целью захватить киевский трон в 1113 г., после смерти князя Владимира Святославовича [13, с. 155].

Дальнейшее развитие «экстремизма» привело к тому, что на законодательном уровне стали появляться нормы, направленные на противодействие данной деятельности в той или иной форме.

Например, в Псковской судной грамоте (1467 г.) фигурирует термин «перевет», который можно перевести как государственную измену в форме пособничества врагу [13, с. 117].

Ответственность за преступления экстремистской направленности находит свое отражение и в Судебнике 1497 г., в ст. 9.

В Судебнике 1550 г. усилилась ответственность за экстремистские преступления, в том числе появились новые составы, например убийство государственного служащего и др. [14, с. 98].

Смутное время повлекло массовые беспорядки по всей стране, анархию и беззаконие во многих сферах жизнедеятельности государства, узурпацию власти на местах, что позволяет расценивать данные действия как свержение ранее существовавшего строя [15, с. 27].

В новых нормативных актах проявилось еще большее ужесточение ответственности за проявление экстремизма, за преступления, посягающие на государственный интерес [16, с. 194].

Расцвета в плане массовости экстремизм достигает в XIX веке. По одной из имеющихся точек зрения, официальным началом экстремизма в России, исходя из его признаков, считается 1862 год, когда Петр Заичневский составил прокламацию «Молодая Россия» [17, с. 394].

Существует и другая точка зрения, согласно которой началом экстремизма в России следует считать 25 декабря 1825 года. Именно в этот день в Петербурге состоялась попытка государственного переворота, известная как восстание декабристов [18, с. 50]. Как раз этой точки зрения придерживается Г. И. Телегин, выделяющий четыре основных этапа в ретроспективе становления и развития российского экстремизма [18, с. 52]:

1. Дореволюционный этап (1825-1917 гг.).

В данный период экстремизм представляется уделом неудовлетворенного властью дворянства, которое, действуя террористическими методами, предпринимает попытки запугивания и устрашения власти. Нетрудно заметить, что на данном этапе экстремизм во многом синонимичен терроризму.

2. Советский этап (1917-1991 гг.).

В указанный период отмечается низкий уровень экстремистской активности и, вследствие этого, отсутствие в законодательстве уголовной ответственности за подобные деяния. Экстремистская деятельность укладывается в составы контрреволюционных преступлений и преступлений против порядка управления, а их исполнителями выступают контрреволюционные группировки и организации, состоявшие из рабоче-крестьянской молодежи;

3. Переходный этап (1991-2000 гг.).

Отмечается, что в этот период экстремизм достиг своего апогея, при продолжающемся отсутствии уголовной ответственности за данную деятельность и легального определения термина. Основной движущей силой экстремизма признавалась незанятая молодежь.

4. Современный этап (2000 г. - настоящее время). Для обозначенного периода характерно формальное закрепление в уголовном праве понятия экстремистской деятельности (экстремизма), закрепление уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности в Уголовном кодексе России. Также формально разработана стратегия противодействия терроризму и экстремизму, обладающая полным набором правовых норм, способствующих осуществлению эффективной борьбы с экстремизмом. Однако отмечается и появление новых форм экстремистской деятельности.

Итак, мы видим, что, несмотря на различные точки зрения на официальную дату начала экстремистских проявлений в России, само явление «экстремизм» известно российской истории с давних времен и уже тогда предпринимались попытки противодействия ему.

Проведенный историко-правовой анализ показывает, что наибольшее свое развитие экстремизм получает в нестабильные с политической и социально-экономической точки зрения периоды.

Литература

- Антонова Е. Ю. Субъект уголовной ответственности: историко-правовой аспект: монография. Хабаровск, 2007.
- Антонян Ю. М. Природа экстремизма / Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. научных трудов / под. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2008. С. 246.
- Афанасьев Н. Н., Шукшин В.С. Исторические корни терроризма. М., 2002.
- Васильев А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2013.
- Воронцов С. А. Понятие экстремизма и его существенные признаки / Философия права. 2007. № 4. С. 65-71.
- Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006.
- Корнилов Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма / Российский следователь. 2011. № 17. С. 23-26.
- Королёв А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность. М., 2008. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2008/monographs/Korolev_Terror&Terrorism.pdf (дата обращения: 13.11.2022).
- Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966.
- Погорельцев В. И. Зарождение и развитие экстремизма в мире и в России / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-i-razvitie-ekstremizma-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 13.11.2022).

- Политический экстремизм: основные тенденции и причины эскалации: информационно-аналитический вестник / под ред. А.П. Кошкина. Вып. 8. М., 2017.
- Соснов Н. Экстремизм: история и современность. URL: <http://maxpark.com/community/129/content/3452311>
- Телегин Г. И. Основные этапы формирования экстремизма как противоправного деяния в России / Юридический мир. 2003. № 1. С. 50-56.
- Томалинцев В. Н. Сущность экстремизма. Особенности его явных и скрытых форм / Феномен экстремизма. СПб, 2000. С. 16.
- Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2007.
- Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век-1917 год / сост. Томсинов В.А. М., 2000.
- Чернявская Т. А. Законодательные памятники России до 1917 г.: учеб.-метод. пособие. Ч. 1. Судебник 1550 г. Н. Новгород, 1995.
- Юшков С. В. История государства и права СССР. Часть 1 / С. В. Юшков. Москва, 1940. 596 с.

References

- Antonova, E. Yu. Subject of criminal liability: historical and legal aspect: monograph. Khabarovsk, 2007.
- Antonyan, Yu. M. The nature of extremism. Criminal law prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: Sat. scientific papers / under. ed. ON THE. Lopashenko. Saratov, 2008. P. 246.
- Afanasiev, N. N., Shukshin, V. S. Historical roots of terrorism. Moscow, 2002.
- Vasiliev, A. V. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2013.
- Vorontsov, S. A. The concept of extremism and its essential features. Philosophy of Law. 2007. No. 4. Pp. 65-71.
- Dikaev, S. U. Terror, terrorism and terrorist crimes. St. Petersburg, 2006.
- Kornilov, T. A. The emergence, development and concept of extremism. Russian investigator. 2011. No. 17. Pp. 23-26.
- Korolev, A. A. Terror and terrorism in the psychological and ideological dimension: history and modernity. Moscow, 2008. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2008/monographs/Korolev_Terror&Terrorism.pdf (accessed 11/13/2022).
- Kropotkin, P. A. Notes of a revolutionary. M., 1966.
- Pogoreltsev, V. I. The origin and development of extremism in the world and in Russia. International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-i-razvitie-ekstremizma-v-mire-i-v-rossii> (date of access: 11/13/2022).
- Political extremism: main trends and causes of escalation: information and analytical bulletin / ed. A.P. Koshkin. Issue. 8. Moscow, 2017.
- Sosnov, N. Extremism: history and modernity. URL: <http://maxpark.com/community/129/content/3452311>
- Telegin, G. I. The main stages of the formation of extremism as an illegal act in Russia. Legal world. 2003. No. 1. Pp. 50-56.
- Tomalintsev, V. N. essence of extremism. Peculiarities of its explicit and hidden forms / Phenomenon of extremism / ed. A.A. Kozlov. St. Petersburg, 2000. P. 16.
- Khlebushkin, A. G. Extremism: criminal-legal and criminal-political analysis: monograph / отв. ed. ON THE. Lopashenko. Saratov, 2007.
- Reader on the history of the domestic state and law. X century-1917 / comp. Tomsinov V.A. Moscow, 2000.
- Chernyavskaya, T. A. Legislative monuments of Russia until 1917: textbook-method. allowance. Part 1. Sudebnik 1550. Nizhny Novgorod, 1995.
- Yushkov S.V. History of state and law of the USSR. Part 1 / S. V. Yushkov. Moscow, 1940. 596 p.

Citation:

- Стародубцева М. А., Блинова О. А. Историко-правовые и сравнительные аспекты толкования понятия экстремизм // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 70-73.
- Starodubtseva M. A., Blinova O. A. (2024) Historical Legal and Comparative Aspects of Construing the Concept of Extremism. Legal Linguistics, 32, 70-73.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О содержании понятия «экологический туризм» в российском законодательстве

О. А. Трубникова¹, Н. И. Калашник²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹trubnikova_67@mail.ru, ²nat.kalashnik@gmail.com

В статье анализируются документы программного характера и нормативные правовые акты Российской Федерации, содержащие понятие «экологический туризм». Отмечается, что значимость экологического туризма отражается уже достаточно продолжительное время в различных актах. Указывается, что реализация положений Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года требует дальнейшего реформирования российского законодательства в части изменения подходов, направленных на развитие экологического туризма. Исследуя действующее законодательство, авторы приходят к выводу о наличии недостатков нормативных положений, препятствующих эффективному правовому воздействию на развитие экологического туризма. Авторы анализируют понятия экологического туризма, закрепленные в различных правовых актах, цели этого вида туризма и приходят к выводу об отсутствии четкого подхода к определению содержания рассматриваемого понятия. Для выявления специфики экологического туризма в статье также исследуются понятия «природный туризм», «сельский туризм», «культурно-познавательный туризм», предпринимается попытка разграничить эти виды туризма и экологический туризм через уточнение сходств и отличий. Рассматривая установленные в правовых актах виды экологических туров, авторы указывают на неэффективность предлагаемых классификаций. По мнению авторов, важность решения проблемы четкого определения понятия «экологический туризм» обусловлена и тем, что согласно действующему законодательству одной из задач особо охраняемых природных территорий (государственных природных заповедников и национальных парков) является организация и осуществление туризма. Учитывая экологическую значимость этих участков природы, решение указанной проблемы является актуальным и необходимым для эффективного регулирования отношений в сфере туристской и природоохранной деятельности.

Ключевые слова: экологический туризм, содержание, нормативные документы.

On the Content of the Concept of “Ecological Tourism” in Russian Legislation

O. A. Trubnikova¹, N. I. Kalashnik²

Altai State University

68 Socialisticheskij St., 656049, Russia. E-mail: ¹trubnikova_67@mail.ru, ²nat.kalashnik@gmail.com

The article analyzes policy documents and regulatory legal acts of the Russian Federation containing the concept of “ecological tourism”. It is noted that the importance of eco-tourism has been reflected for quite a long time in acts of various nature. It is indicated that the implementation of the provisions of the Tourism Development Strategy in the Russian Federation for the period until 2035 requires further reform of Russian legislation in terms of changing approaches aimed at developing eco-tourism. Studying the current legislation, the authors come to the conclusion that there are shortcomings in regulations that impede effective legal influence on the development of eco-tourism. The authors analyze the concepts of ecological tourism enshrined in various legal acts, the goals of this type of tourism and come to the conclusion that there is no clear approach to the definition of the concept in question. To identify the specifics of ecological tourism, the article also examines the concepts of “nature tourism”, “rural tourism”, “cultural and educational tourism”, and an attempt is made to distinguish between these types of tourism and ecological tourism by clarifying the similarities and differences. Considering the types of ecological tours established in legal acts, the authors point out the ineffectiveness of the proposed classifications. According to the authors, the importance of solving the problem of a clear definition of the concept of “ecological tourism” is also conditioned by the fact that, according to the current legislation, one of the tasks of specially protected natural areas (federal nature reserves and national parks) is the organization and implementation of tourism.

Considering the environmental significance of these areas of nature, the solution to this problem is relevant and necessary for the effective regulation of relations in the field of tourism and environmental activities.

Key words: eco-tourism, concept, statutory documents.

Значимость развития экологического туризма в разные годы отмечалась во многих актах программного характера. Среди них Распоряжение Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 1226-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Распоряжение 2013]; План мероприятий по продвижению туристского продукта Российской Федерации на мировом и внутреннем туристских рынках, реализуемых при поддержке Федерального агентства по туризму в 2017 году (утвержден Ростуризмом 25.01.2017) [План 2017]; Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2018 г. № 872-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» [Распоряжение 2018]; Постановление Совета Федерации ФС РФ от 30 мая 2018 г. № 188-СФ «О развитии внутреннего и въездного туризма как факторе экономического роста Российской Федерации» [Постановление 2018].

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 № 2129-р) [Распоряжение 2019] определила экологический туризм как один из видов туризма, для развития которых требуется формирование специальных мер государственной поддержки, снятие административных и социально-экономических ограничений развития (раздел 3). При этом в качестве принципа развития туризма обозначены минимизация негативного воздействия на окружающую среду, экологических и социокультурных рисков, необходимость обеспечения безопасности при планировании развития туризма (раздел 2). Реализация этого принципа предполагает как внесение изменений в отдельные нормативные правовые акты, так и принятие новых нормативных документов.

Так, в частности, в 2023 году Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Федеральный закон 2023] были внесены изменения в Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон об ООПТ) [Федеральный закон 1995]. Статья 7 закона, устанавливающая задачи государственных природных заповедников, была дополнена пунктом «ж) организация и осуществление туризма». Кроме того, в части регулирования правового режима национальных парков также были внесены изменения: был добавлен раздел III.1 «Рекреационная деятельность в национальных парках», которым более подробно в настоящее время урегулирована организация этого вида деятельности на такой особо охраняемой природной территории, как национальный парк. Необходимость внесения данного раздела в закон обусловлена, прежде всего, объективными обстоятельствами: поскольку одной из задач при создании национальных парков изначально являлась задача по организации туристской деятельности, и в функциональном зонировании территории национального парка предусматривалось выделение таких зон, как рекреационная зона и зона охраны объектов культурного наследия, зона хозяйственного назначения, в границах всех указанных зон допускается ведение рекреационной деятельности. Установление правового режима этих зон и уточнение его с точки зрения организации рекреационной деятельности является весьма актуальным. Под рекреационной деятельностью по смыслу данного закона понимается деятельность, связанная с выполнением работ, оказанием услуг в сфере туризма, физической культуры и спорта, организации отдыха и укреплении здоровья граждан (ст. 17.1 Закона об ООПТ).

Таким образом, в число задач государственных природных заповедников и национальных парков в настоящее время согласно Закону об ООПТ включена такая задача, как организация и осуществление туризма (ст. 7 и ст. 13). Причем при внесении изменений в закон были исключены положения о развитии познавательного туризма на территории заповедников, хотя в свое время термин «познавательный туризм» также породил множество вопросов в научных кругах, так как легального определения данного термина не содержалось ни в Законе об ООПТ, ни в Федеральном законе от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об основах туристской деятельности в РФ) [Федеральный закон 1996]. Сейчас в Законе об ООПТ не упоминается никаких специальных терминов, как то: «познавательный туризм», «экологический туризм» – хотя логично предположить, что, рассуждая об организации туристской деятельности на особо охраняемых территориях, следует вести речь, конечно, об экологическом туризме.

Как указано выше, понятие «экологический туризм» не содержится в Законе об основах туристской деятельности в РФ, которым регулируется туристская деятельность в целом, хотя указание на отдельные виды туризма (например, детский туризм, сельский туризм) там имеется (ст. 1 Закона). Однако в 2021 году был принят ГОСТ Р 56642-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 29 декабря 2021 г. № 1879-ст) [Приказ 2021], в котором определено, что под экологическим туризмом следует понимать «деятельность, направленную на организацию путешествий в различных формах природного туризма, ориентированную на изучение природы и культурных достопримечательностей, бережное отношение к природе и содействие в ее сохранении». Несколько иное понятие содержится в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: «деятельность по организации путешествий, включающая все формы природного туризма, при которых основной мотивацией туристов является наблюдение и приобщение к природе при стремлении к ее сохранению». Общими в этих определениях являются цели экологического туризма – получение знаний о природе и сохранение природы.

Проанализируем содержание понятия «экологический туризм», данное в указанном ГОСТе, которое устанавливает, что экологический туризм направлен на «организацию путешествий в различных формах природного туризма». Такая формулировка позволяет поставить вопрос: что такое «природный туризм»? В этой связи следует обратиться к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) [Федеральный закон 2002], где понятие природа определяется как «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов», далее в ст. 1 указанного закона последовательно раскрываются все составляющие этого понятия (компоненты природной среды, природные объекты, природно-антропогенные объекты). Поскольку основным признаком природной среды является наличие экологических связей между ее компонентами, к которым относятся земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле (ст. 1 Закона об охране окружающей среды), то под природным туризмом, полагаем, следует понимать временные выезды (путешествия) граждан на природу. Не вполне ясно, однако, что следует понимать под формами природного туризма, так как в стандарте представлена классификация экологических туров (комплекс туристских услуг, предоставляемых на экологическом маршруте, включающий посещение природных территорий) по различным основаниям. В частности, исходя из целей, путешествия на природе могут совершаться как с целью отдыха и приключений на природе (восстановительный и спортивный экотуризм), так и с целью получения новых знаний о природе (познавательный и образовательный экотуризм). К другим целям можно отнести цель бережного отношения к природе и содействие в ее сохранении (волонтерский экотуризм).

Если рассмотреть иное основание классификации, представленной в стандарте, по видам предоставления туристских услуг, то можно отметить, что перечень экологических туров по данному основанию открыт и предлагаются весьма разнообразные туры: с посещением особо охраняемых территорий, сельских местностей, скалолазание и прочее. Причем хаотичность перечисленных в п. 4.3 ГОСТа туров позволяет говорить о неэффективности такой классификации. В самом деле, почему, например, рекреационный тур не может быть организован на особо охраняемой территории, и чем отличается агротур от фототура, кроме наблюдения не за дикими, а за домашними животными? Так, например, Законом об ООПТ предусмотрено, что земельные участки, расположенные в границах населенных пунктов, могут включаться в состав национальных парков (ст. 12 Закона об ООПТ), а из этого следует, что агротуры и сельские туры (проживание на фермах, в сельских гостевых домах, сельских усадьбах) также могут быть организованы на землях особо охраняемых природных территорий.

В этой связи возникает вопрос о соотношении понятий «экологический туризм» и «сельский туризм». В отличие от понятия «экологический туризм», понятие «сельский туризм» установлено Законом об основах туристской деятельности в РФ: «туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек, в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг. Деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма осуществляется сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с требованиями, установленными Правительством Российской Федерации» (ст. 1 Закона). В Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года дано иное понятие: «сельский туризм – вид туризма, который предполагает временное размещение туристов в сельской местности с целью отдыха и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения туристом материальной выгоды».

Из системного анализа понятий, содержащихся в Законе об основах туристской деятельности в РФ, Законе об ООПТ, а также анализа ГОСТ Р 56642-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» и ГОСТ Р 57287-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги, предоставляемые на особо охраняемых природных территориях. Требования» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.12.2021 № 1880-ст) [Приказ 2021], следует, что всё же данные виды туризма (сельский и экологический) отличаются друг от друга. Основное отличие можно провести по субъектному составу: лица, участвующие в организации экологического и сельского туризма (кроме туроператоров и турагентов), различны. В организации экологического туризма принимают участие администрации особо охраняемых природных территорий, причем такого термина нет в Законе об ООПТ. Полагаем, что это, прежде всего, государственные бюджетные учреждения, осуществляющие управление особо охраняемыми природными территориями. В организации сельского туризма, как следует из определения, участвуют сельскохозяйственные товаропроизводители, которыми согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» [Федеральный закон 2006], являются организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку и реализацию этой продукции. Такое отличие, как место организации сельского туризма (а именно сельская местность) не будет являться значимым, если населенный пункт входит в состав особо охраняемой природной территории.

В рамках данного обзора понятий, которые содержатся в нормативных правовых актах и иных нормативных документах, следует также остановиться на соотношении понятий «экологический туризм» и «культурно-познавательный туризм». Согласно Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года культурно-познавательный туризм представляет собой «путешествие с познавательными целями, которое знакомит туриста с историко-культурными и природными ценностями, традициями и обычаями, в том числе посредством осуществления экскурсионной деятельности и проведения событийных мероприятий». Необходимость такого

соотношения обусловлена тем, что в содержании понятия экологического туризма мы находим указание на деятельность, связанную с изучением культурных достопримечательностей (ГОСТ Р 56642-2021). На территориях национальных парков могут находиться различные историко-культурные объекты, а также выделяется функциональная зона охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, которая предназначена для сохранения указанных объектов и в границах которой допускается осуществление необходимой для их сохранения деятельности, а также рекреационной деятельности (ст. 15 Закона об ООПТ).

Перечень объектов культурного наследия весьма разнообразен и содержится в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Федеральный закон 2002]. К таким объектам могут относиться как отдельные постройки, здания, сооружения с исторически сложившимися территориями (памятники), так и группы таких изолированных или объединенных памятников, фрагменты исторических планировок и застроек поселений, произведения садово-паркового искусства (ансамбли), достопримечательные места (ст. 3). Как следует из анализа ст. 3.1. этого закона, земельные участки в составе особо охраняемых природных территорий или иные земельные участки, занятые лесами, водными объектами могут входить в территории объектов культурного наследия, то есть достопримечательные места, а также памятники и ансамбли могут быть тесно связаны с природными объектами. В свою очередь, как в содержании понятия «культурно-познавательный туризм», так и в содержании понятия «экологический туризм» указана одна общая цель – знакомство с природой и природными ценностями, а также с культурными достопримечательностями. Иными словами, наблюдается смешение содержания этих понятий в части указания на цели, казалось бы, отдельных видов туризма. Полагаем, что при разграничении этих видов туризма следует так же, как и при разграничении экологического и сельского туризма, отталкиваться от такого критерия, как субъекты, участвующие в организации турдеятельности.

Таким образом, следует согласиться с позицией ученых (в их числе М. И. Васильева [Васильева 2020: URL], И. В. Погодина, А. Ф. Баранова [Погодина, Баранова 2019: URL], Т. Ю. Оленина [Оленина 2020: URL] и другие), которые полагают, что систематизация видов туризма и четкое определение содержания понятия «экологический туризм» является в настоящее время актуальным и необходимым для эффективного регулирования отношений в сфере туристской и природоохранной деятельности.

Литература

- Васильева М. И. К юридическому определению понятия экологического туризма / Lexrussica. – 2020. – Т. 73. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-yuridicheskomu-opredeleniyu-ponyatiya-ekologicheskogo-turizma>
- ГОСТ Р 56642-2021 Национальный стандарт РФ «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200182520>
- ГОСТ Р 57287-2021 Национальный стандарт РФ «Туристские услуги, предоставляемые на особо охраняемых природных территориях. Требования». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200182521>
- О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442360/
- О развитии внутреннего и въездного туризма как факторе экономического роста Российской Федерации: Постановление Совета Федерации ФС РФ от 30 мая 2018 г. № 188-СФ. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=719266#rY6Zr7UoL2lR8OX01>
- О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/
- Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
- Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/
- Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/
- Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
- Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)»: Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2018 г. № 872-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297883/
- Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 1226-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149524/
- Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/
- Оленина Т. Ю. Правовые основы развития экологического туризма как направления экологического просвещения в особо охраняемых природных территориях / Туризм: право и экономика. – 2020. – № 1. С. 11–13.

План мероприятий по продвижению туристского продукта Российской Федерации на мировом и внутреннем туристских рынках, реализуемых при поддержке Федерального агентства по туризму в 2017 году (утвержден Ростуризмом 25.01.2017). URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=682119#dgiWr7UU7nvnoZ331>

Погодина И. В., Баранова А. Ф. Экотуризм: необходимость определения и регулирования / Туризм: право и экономика. – 2019. – № 4. С. 21-23.

References

Action plan to promote the tourism product of the Russian Federation on the global and domestic tourism markets, implemented with the support of the Federal Agency for Tourism in 2017 (approved by Rostourism on January 25, 2017). Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=682119#dgiWr7UU7nvnoZ331> (in Russian).

GOST R 56642-2021 National standard of the Russian Federation «Tourist services. Ecological tourism. General requirements». Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1200182520> (in Russian).

GOST R 57287-2021 National standard of the Russian Federation «Tourist services provided in specially protected natural areas. Requirements». Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1200182521> (in Russian).

Olenina, T. Yu. (2020). Legal basis for the development of ecological tourism as a direction of environmental education in specially protected natural areas / Tourism: law and economics, 1, 11-13 (in Russian).

On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of March 18, 2023 № 77-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442360/ (in Russian).

On approval of the Concept of the federal target program «Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2019 – 2025)»: Order of the Government of the Russian Federation of May 5, 2018 № 872-r. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297883/ (in Russian).

On approval of the action plan for the implementation in 2013 – 2015 of the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025: Order of the Government of the Russian Federation of July 15, 2013 № 1226-r. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149524/ (in Russian).

On approval of the Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the period until 2035: Order of the Government of the Russian Federation of September 20, 2019 No. 2129-r. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (in Russian).

On environmental protection: Federal Law of January 10, 2002 № 7-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (in Russian).

On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: Federal Law of June 25, 2002 № 73-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (in Russian).

On specially protected natural areas: Federal Law of March 14, 1995 № 33-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (in Russian).

On the basics of tourism activities in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1996 № 132-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (in Russian).

On the development of agriculture: Federal Law of December 29, 2006 № 264-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (in Russian).

On the development of domestic and inbound tourism as a factor in the economic growth of the Russian Federation: Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of May 30, 2018 № 188-SF. Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=719266#rY6Zr7UoL2lR8OX01> (in Russian).

Pogodina, I. V., Baranova, A. F. (2019). Ecotourism: the need for definition and regulation / Tourism: law and economics, 4, 21-23 (in Russian).

Vasilyeva M.I. (2020) Towards a legal definition of the concept of ecological tourism. Lex russica. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-yuridicheskomu-opredeleniyu-ponyatiya-ekologicheskogo-turizma> (in Russian).

Citation:

Трубникова О. А., Калашник Н. И. О содержании понятия «экологический туризм» в российском законодательстве // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 74-78.

Trubnikova O. A., Kalashnik N. I. (2024) On the Content of the Concept of “Ecological Tourism” in Russian Legislation. Legal Linguistics, 32, 74-78.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О профессии судебного переводчика в России¹

Е. В. Глушко¹, Е. А. Пронина², А. К. Гисматуллина³, Э. Р. Мусаева⁴

Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации"

Ул. Ново-Спортивная, 3, 143007, Московская область, Одинцово, Россия. E-mail:

¹e.glushko@odin.mgimo.ru, ²e.pronina@odin.mgimo.ru, ³a.gismatullina@odin.mgimo.ru,

⁴e.musaeva@my.mgimo.ru

В данной статье судебный перевод рассматривается как оказание на возмездной договорной основе физическим лицом, включенным в установленном порядке в Единый государственный реестр судебных переводчиков, судам, правоохранительным органам и иным участвующим в процессе лицам услуг судебного перевода с русского языка или иного языка судопроизводства республик в составе Российской Федерации на национальные языки, а равно с национального языка – на языки судопроизводства Российской Федерации, с целью обеспечить конституционное право человека и гражданина на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения в условиях судопроизводства. Авторы акцентируют внимание на том, что профессия «судебный переводчик» законодательно не закреплена, не существует института специальных присяжных переводчиков. Соответствующую деятельность в суде выполняют лингвисты-универсалы, владеющие специальной терминологией и технологиями обработки текста в устной и письменной формах, включая межъязыковой перевод. При этом единая сертификация, подтверждающая наличие необходимых профессиональных навыков, не предусмотрена. Отсутствует и Единый государственный реестр судебных переводчиков, проект его создания на данный момент не осуществлен. Текст, подготовленный по действующим нормам и используемый для принятия юридических решений, проходит не только фазу перевода, но и фазу унифицированного оформления с последующей легализацией. В этой связи поднята проблема недостаточности правовой базы в сфере судебного перевода, приводятся требования к компетенциям судебных переводчиков, а также к качеству и объему существующих и создаваемых программ их профессиональной подготовки в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебный перевод, подготовка переводчиков в России, профессиональные компетенции переводчика.

On the Profession of Court Interpreter in Russia

E. V. Glushko¹, E. A. Pronina², A. K. Gismatullina³, E. R. Musaeva⁴

MGIMO University, Odintsovo Branch

3 Novo-Sportivnaya Str., 143007, Moscow region, Odintsovo, Russia. E-mail: ¹e.glushko@odin.mgimo.ru,

²e.pronina@odin.mgimo.ru, ³a.gismatullina@odin.mgimo.ru, ⁴e.musaeva@my.mgimo.ru

In this article court interpreting is considered as the provision of court interpreting services from Russian or any other language of legal proceedings of the republics of the Russian Federation, into indigenous languages, as well as from indigenous languages – into the languages of legal proceedings of the Russian Federation, performed on indemnity basis by a private entity, duly included in the Unified Federal Register of Court Interpreters, to courts, law enforcement agencies and other persons involved in the process, in order to secure the constitutional right of an individual and a citizen of the Russian Federation to use their mother tongue or freely choose a language of communication in court. The authors emphasize that the profession of "court interpreter" is not enshrined in law, and there is no institution of special sworn interpreters. The performance in court is carried out by polymath linguists who know special terminology and technologies of text processing in oral and written forms, including interlingual interpreting. At the same time, there is no unified certification system to verify professional skills. There is no unified federal register of court interpreters, the project has not been fulfilled yet. Any text

¹ Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук.

processed in accordance with the current norms and used for legal ruling passes not only the phase of translation, but also of unified registration and subsequent legalization. In this regard, the problem of insufficient legal framework in judicial translation has been raised. The article discusses professional requirements for legal interpreters along with quality requirements and the scope of their professional training in the Russian Federation.

Key words: court interpreting, interpreter training in Russia, interpreter's professional competencies.

Введение

В условиях интенсивных миграционных процессов в современной России как следствия мировой глобализации увеличивается число правонарушений, совершаемых с участием лиц, не владеющих или недостаточно владеющих русским языком. Растет частота обращения к судебному переводу в судебных заседаниях и потребность в нем. При этом охват юрико-лингвистических процессов, связанных с судебным переводом, гораздо шире, чем сфера юридического перевода, так как к судебному переводу относят работу не только со специальными юридическими текстами строгого формального стиля. Например, защитительная речь в суде характеризуется наличием экспрессивно-эмоционального компонента, который может реализоваться через изобразительно-выразительные средства языка (метафора, антитеза, параллелизм, гипербола, сравнение, ирония) [Коробова 2021].

Материал и методы исследования

Исследование проводилось в рамках проекта «Текущие перспективы реализации профессионального потенциала начинающих переводчиков, лингвистов и специалистов в сфере межкультурной коммуникации в России» на основе анализа сложившейся в сфере судебного перевода ситуации как междисциплинарной и общей для лингвистов и юристов, участников научной группы. Материалом послужили тексты законодательных актов и иных нормативных документов, регулирующих деятельность переводчиков.

Результаты и обсуждение

Понятие судебного перевода. Оптимальный вариант определения данной разновидности специального перевода предложен рабочей группой Союза переводчиков России: «оказание на возмездной договорной основе физическим лицом, включенным в установленном порядке в Единый государственный реестр судебных переводчиков, судам, правоохранительным органам и иным участвующим в процессе лицам услуг судебного перевода с русского языка или иного языка судопроизводства республик в составе Российской Федерации, на национальные языки, а равно с национального языка – на языки судопроизводства Российской Федерации, с целью обеспечить конституционное право человека и гражданина на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения в условиях судопроизводства» [Обидина 2016: 557].

В зависимости от целевого использования судебный перевод подразделяется на два класса:

1. Средство получения доказательств. Применяется для перевода документальных доказательств по делу с иностранных языков на русский язык. В ряде случаев переводы, искажающие смысл оригинального текста, исключаются из доказательной базы по делу.

2. Средство предоставления подсудимому/обвиняемому/подозреваемому информации о сути обвинения против него (что соответствует конституционному праву гражданина). Обретает актуальность, если указанный гражданин не владеет языком судопроизводства в РФ.

Статус судебного переводчика. Профессия «судебный переводчик» в России не закреплена законодательно, в то же время отсутствует институт специальных присяжных переводчиков. С заказами в суде, как правило, справляется лингвист-универсал, владеющий специальной терминологией, умеющий работать с устной и письменной формами текста, переводом. Чаще всего в зале суда переводчик использует последовательный и/или синхронный перевод. Он нашептывает речи участников процесса подсудимому, переводит с листа оглашаемые документы. Для точного перевода в суде важно подобрать специалиста, знакомого с юридической терминологией [Левитан 2014] и имеющего языковые знания в нужной области: экономической, медицинской, строительной, таможенной. Обычной практикой является привлечение судебных переводчиков через коммерческие судебно-переводческие организации, специализированные платформы в сети Интернет.

Устный и письменный судебный перевод не всегда воспринимаются как отдельные виды. Как правило, переводчик выступает в роли универсала в рамках тематической специализации. Перевод документов с нотариальным заверением (нотариальный перевод) также активно используется для целей судопроизводства [Бородина 2019: 225-232; Калиниченко: URL]. Качественный юридический перевод судебной направленности невозможен без знания основ законодательства Российской Федерации и умения оперировать ими в ситуации принятия переводческих решений.

Национальная специфика профессии «судебный переводчик». Профессионализм в устном судебном переводе как самостоятельной переводческой деятельности связан с национальными традициями, предусматривающими тот или иной набор операций. Так, в США принято синхронно переводить устную часть происходящего в зале суда, а в Японии переводчик дает резюме, используя последовательный формат [Vasilenko 2013: 334]. В описании судебного устного перевода на сайте Европейской комиссии подчеркивается важность этической составляющей неязыковых компетенций исполнителя перевода [Legal Interpreting – Definition and Context: URL].

Востребованными языками отечественного судебного перевода, как показывает статистика, являются в первую очередь языки народов Российской Федерации. С небольшими вариациями процентного соотношения по регионам

это будут языки народов стран СНГ, славянские языки, языки народов Ближнего и Дальнего Востока [Союз переводчиков России предложил институализировать в России судебный (присяжный) перевод: URL].

При том, что значимость деятельности судебного переводчика трудно переоценить, нормативная база для ее осуществления не является достаточной. Переводческая деятельность как таковая в Российской Федерации не относится к видам деятельности, лицензируемым или сертифицируемым в обязательном порядке (ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»). Однако нормативная база, регламентирующая переводческие процессы, действует. Это законодательство о судах и судопроизводстве, стандарт «Специалист в области перевода» [Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода»: URL]. Доступно также добровольное лицензирование/сертификация. В основном это отраслевая сертификация (в том числе перевод для юстиции, перевод в структуре международных организаций). Отраслевая сертификация в международной системе ИСО также доступна и для переводческих компаний в юридической сфере (ИСО 20228: юридические переводы). Для регулирования узкоспециальной области «Судебный перевод» было предложено ввести отдельный институт судебного (присяжного) перевода. Разработкой проекта занималась инициативная группа Союза переводчиков России в следующем составе: А. А. Ларин, переводчик, канд. юр. н., доцент, руководитель юридической службы СПР; В. В. Сдобников, Председатель Правления СПР, д-р филол. н., заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода НГЛУ; Л. Б. Обидина, канд. юр. н., доцент ННГУ им. Лобачевского [Союз переводчиков России предложил институализировать в России судебный (присяжный) перевод: URL]. Один из пунктов проекта – создание квалификационных комиссий при территориальных органах Минюста России для приема квалификационного экзамена. Успешно сдавшие такой экзамен специалисты будут приносить присягу и получать удостоверение судебного переводчика. Также их планируется включать в Единый государственный реестр присяжных (судебных) переводчиков. Профессиональная база позволила бы правоприменителям оперативно подбирать переводчиков необходимой квалификации, что на данном этапе довольно проблематично для страны с интенсивными процессами внутренней и внешней миграции.

Функции, компетенции и права судебного переводчика. Перейдем к констатации тех обязанностей, компетенций и прав судебного переводчика, которые четко определены в действующем законодательстве. По большому счету судебный переводчик – это не заинтересованное в исходе дела лицо, владеющее языками (документальное подтверждение этого обстоятельства не является обязательным), знание которых необходимо для перевода, и привлеченное органом или лицом, в производстве которого находится дело, для участия в следственных и судебных действиях в случаях, когда подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и их защитники, либо потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, а также свидетели и иные участники процесса не владеют языком, на котором ведется производство по делу, а равно для перевода письменных документов (ст. 57 УПК). Возможность реализации и защиты субъектами процесса своих прав с помощью судебного перевода является гарантией конституционного принципа обеспечения пользования родным языком в ходе судопроизводства (ч. 2, ст. 26, ст. 68 Конституции РФ).

Судебный переводчик обязан:

а) явиться по вызову органа дознания, следователя, прокурора и суда и выполнить точно и полно порученный ему перевод. При уклонении лица, назначенного судебным переводчиком, от явки или от исполнения своих обязанностей на него может быть наложено денежное взыскание (ст. 52 КАС РФ);

б) удостоверить правильность перевода своей подписью. Судебный переводчик подписывает каждую страницу протокола следственного действия и протокол в целом. Обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель своей подписью в конце протокола подтверждают, что сделанный им в устной форме перевод протокола соответствует данным ими показаниям. Он предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 УК за заведомо неправильный перевод, о чем делается отметка в протоколе следственного действия или в протоколе судебного заседания, удостоверяется его подписью (ст. 269 УПК);

в) не разглашать сведения об обстоятельствах дела, ставших ему известными в связи с привлечением в качестве судебного переводчика в ходе предварительного расследования (ст. 139 УПК), а также в иных предусмотренных законом случаях (ст. 18 УПК);

г) соблюдать порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания (ч. 3 ст. 263 УПК).

Он не может принимать участия в производстве по делу, если он лично, прямо или косвенно, заинтересован в этом деле, при наличии иных оснований, указанных в ст. 59 УПК, а равно в случае, когда обнаружится его некомпетентность. Предыдущее участие в деле лица в качестве судебного переводчика не является основанием для отвода.

Судебный переводчик, вызванный к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд (кроме КС арбитражного суда), имеет право на возмещение понесенных им расходов по явке (стоимость проезда к месту вызова и обратно, расходы по найму жилого помещения, суточные). Если судебный переводчик выполнял свои обязанности не в порядке служебного задания, то ему выплачивается вознаграждение согласно заключенному договору. За лицом, вызываемым в качестве судебного переводчика, сохраняется средний заработок по месту его работы за все время, затраченное им в связи с вызовом к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд (ст. 106 УПК).

Переводчик в зале суда выполняет требования гл. 15 ГПК РФ, относящиеся к судебному разбирательству (разд. II гл. 15 ст. 162 ГПК РФ). В соответствии со ст. 162 кандидатура переводчика может быть предложена суду лицами, участвующими в деле (то есть репутация в профессиональном сообществе, наличие подтвержденной практики играют существенную роль в обеспеченности практикующего переводчика нагрузкой).

П. 2. ст. 162 закрепляет последовательность разъяснения переводчику его обязанностей в суде: председательствующий разъясняет, что обязанность переводчика - «переводить объяснения, показания, заявления лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, а лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, содержание имеющихся в деле объяснений, показаний, заявлений лиц, участвующих в деле, свидетелей и оглашаемых документов, аудиозаписей, заключений экспертов, консультаций и пояснений специалистов, распоряжений председательствующего, определения или решения суда».

Переводчик имеет законное право задавать присутствующим при переводе участникам процесса вопросы с целью уточнения формулировок перевода. Кроме того, переводчик имеет доступ к тексту протокола судебного заседания / отдельного процессуального действия, может делать замечания относительно правильности перевода, подлежащие занесению в протокол судебного заседания. При этом переводчика в обязательном порядке официально предупреждают об ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации (ст. 37 УК РФ), «за заведомо неправильный перевод» [Спектор 2009], соответствующая подпись приобщается к протоколу судебного заседания. Судебный переводчик не имеет права пропустить судебное заседание или исполнять свои обязанности ненадлежащим образом. За указанное нарушение он может быть подвергнут судебному штрафу согласно гл. 8 ГПК РФ. В то же время уголовная ответственность за неумышленные ошибки в переводе не предусмотрена: если исполнитель перевода добросовестно заблуждался, был невнимателен или неправильно воспринял переводимые акты (то есть совершил неправильный перевод неосторожными действиями / бездействием), он не может быть привлечен к ответственности [Щербинина, Александрова: URL].

В понятие «специальный судебный перевод» входит перевод, осуществляемый в любой форме: письменный (перевод процессуальных документов), устный (синхронный и последовательный перевод при проведении следственных действий, судебных заседаний), также к данному типу перевода относятся услуги по переводу и расшифровке аудио- и видеоматериалов, проверке и независимой оценке переводов из материалов уголовных дел, проставление апостиля на материалах перевода и т. д. Это требование универсальности навыков накладывает дополнительную ответственность на переводчиков, как и необходимость психологической подготовки специалистов (профессионалу должна быть свойственна стрессоустойчивость, навык адекватного реагирования на угрозы со стороны обвиняемого / его родственников и прочие риски). Соблюдение этического кодекса переводчика, созданного отраслевым экспертным советом переводчиков [Этический кодекс переводчика: URL], также способствует повышению стандартов качества в сфере судебного перевода.

Сложности и проблемы в российском сегменте рынка судебного перевода отражают многонациональность, многоконфессиональность общества. Совокупность востребованных в уголовной практике языков отличается пестротой и структурной неустойчивостью. Последнее обстоятельство затрудняет прогнозирование и планирование потребности в судебных переводчиках и их централизованной подготовки. Часто встречаются экзотические языки народов России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Например, на юге России трудно найти и привлечь к сотрудничеству с судами переводчиков цыганского, сванского, мегрельского, чувашского, чеченского, ингушского, езидского, литовского, эстонского, чешского, сербского, гагаузского, молдавского, тайского, финского, даргинского, черкесского и т. п. языков. Практически невозможно также обеспечить постоянство посещения независимыми переводчиками судебных заседаний. Вузы РФ готовят специалистов со знанием основных европейских языков – английского, французского, немецкого, испанского. Развернутой методической базы для преподавания прочих языков на данный момент нет – языки России иностранными не являются (по этой причине они практикуются и углублено изучаются лишь локально), языки стран СНГ стали для россиян иностранными в историческом масштабе не так давно. Соответственно, дипломированных переводчиков приведенных выше языков России и СНГ, используемых в судебной практике уголовного процесса (а также курдского, езидского, кабардинского, ассирийского, талышского, молдавского, памирского и т. п.), в паре с русским в принципе не существует [Дриц 2016: URL]. Достаточно сказать, что в Республике Дагестан используются около 100 языков, причем все, по конституции Дагестана, являются государственными, но далеко не все имеют даже собственную письменность. Это компенсируется привлечением к работам по переводу в уголовном судопроизводстве двуязычных лиц – этнических носителей таких языков, достаточно владеющих как собственным, так и русским языком, что соответствует определению переводчика ч. 1 ст. 59 УПК РФ.

Заключение. Тот факт, что судебный перевод – это общественно значимая деятельность, осуществляемая на аутсорсинге, делает особенно важными системные изменения, направленные на оптимизацию работы задействованных специалистов. Особенно позитивной тенденцией является открытие новых и обновление действующих магистерских программ для судебных переводчиков: Санкт-Петербургский государственный университет приглашает на курс по специальности «Судебный перевод и деловая коммуникация в международных организациях» (на английском и русском языках); Российский университет дружбы народов по-прежнему набирает абитуриентов, желающих осваивать навыки судебного перевода в рамках программы «Юридический перевод» (на английском языке); Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Таганрог) включил судебный перевод в специализированную магистерскую программу «Перевод в сфере правовой и экономической коммуникации» (на русском и английском).

Литература

- Бородина А. В.* Нотариальный перевод в свете проблематики юридического перевода: исторический контекст и современные проблемы / Вестник ТвГУ. Серия "Филология". - 2019. - № 4 (63). - С. 225–232.
- Коробова Е. А.* Специфика защитительной речи в зеркале перевода / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. - 2021. - № 3. - С. 150–161
- Левитан К. М.* Юридический перевод: основы теории и практики. Учебное пособие. М., 2014.
- Спектор Л. А.* Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод как препятствие осуществления правосудия / Пробелы в российском законодательстве. - 2009. - № 4. - С. 284–287.
- Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) КАС РФ Статья 52. Переводчик.
- Vasilenko L. Yu.* Professionalization of court interpreting / Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2013. - № 4. - С. 332–336.
- Дриц К. В.* Институт сертификации судебных переводчиков: зарубежный опыт и возможность его применения в России / Юридический вестник молодых ученых. - 2016. - № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sertifikatsii-sudebnyh-perevodchikov-zarubezhnyy-opyt-i-vozmozhnost-ego-primeneniya-v-rossii> (дата обращения: 17.03.2023).
- Калиниченко Т. Г.* Соотношение переводческой и нотариальной деятельности / Федеральная нотариальная палата URL: <https://notariat.ru/ru-ru/publishing-center/author/-sootnoshenie-perevodcheskoj-i-notarialnoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 05.04.2023).
- Обидина Л. Б.* Культура судебного перевода: проблемы практики / Юридическая техника. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-sudebnogo-perevoda-problemy-praktiki> (дата обращения: 05.05.2023).
- ГПК РФ. Раздел II. Производство в суде первой инстанции. Глава 15. Судебное разбирательство. Статья 162. Разъяснение переводчику его прав и обязанностей.
- УК РФ. Статья 307. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода». URL: <https://docs.cntd.ru/document/603354689> (дата обращения: 04.03.2023).
- Союз переводчиков России предложил институционализировать в России судебный (присяжный) перевод. URL: <https://edu.garant.ru/relevant/main/1402680/> (дата обращения: 03.03.2023).
- Щербинина И. В., Александрова Е. М.* К вопросу об ответственности судебного переводчика за непреднамеренный неправильный перевод / Legal Bulletin. - 2021. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-sudebnogo-perevodchika-za-neprednamerenny-nepravilnyy-perevod> (дата обращения: 21.05.2023).
- Федеральный закон "О лицензировании отдельных видов деятельности" от 04.05.2011 N 99-ФЗ.
- Этический кодекс переводчика. URL: <https://translation-ethics.ru/code/> (дата обращения: 05.03.2023).
- Legal Interpreting – Definition and Context. URL: <https://knowledge-centre-interpretation.education.ec.europa.eu/en/legal-interpretation/legal-interpreting-definition-and-context> (дата обращения: 04.05.2023).

References

- Borodina, A. V. (2019). Notarial translation in the light of legal translation problems: historical context and modern problems. *Vestnik TvSU. Series "Philology"*, 4 (63), 225–232 (in Russian).
- Korobova, E. A. (2021). Specificity of the defense speech in the mirror of translation. *Vestnik of Moscow University. Series 22. Theory of translation*, 3, 150–161 (in Russian).
- Levitan, K. M. (2014). *Legal translation: basics of theory and practice. Study guide.* Moscow (in Russian).
- Spector, L. A. (2009). Pledgedly false testimony, conclusion of an expert, specialist or incorrect translation as an obstacle to the implementation of justice. *Gaps in Russian legislation*, 4, 284–287 (in Russian).
- Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation from 08.03.2015 N 21-FZ (ed. from 17.02.2023) CAS RF Article 52. Interpreter (in Russian).
- Vasilenko, L. Yu. (2013). Professionalization of court interpreting. *Vestnik RUDN. Series: Legal Sciences*, 4, 332–336.
- Drits, K. V. (2016). Institute of certification of court interpreters: foreign experience and the possibility of its application in Russia. *Legal Bulletin of Young Scientists*, 3 (in Russian). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sertifikatsii-sudebnyh-perevodchikov-zarubezhnyy-opyt-i-vozmozhnost-ego-primeneniya-v-rossii> (date of address: 17.03.2023).
- Kalinichenko, T. G. Correlation of translation and notarial activity. *Federal Notarial Chamber* (in Russian). Available from: <https://notariat.ru/ru-ru/publishing-center/author/-sootnoshenie-perevodcheskoj-i-notarialnoj-deyatelnosti/> (date of address: 05.04.2023).
- Obidina, L. B. (2016). Culture of judicial translation: problems of practice. *Yuridicheskaya tekhnika*, 10 (in Russian). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-sudebnogo-perevoda-problemy-praktiki> (date of address: 05.05.2023).
- Criminal Code of the Russian Federation. Article 307. Knowingly false testimony, expert or specialist opinion or incorrect translation (in Russian).
- Professional standard "Specialist in the field of translation" (in Russian). Available from: <https://docs.cntd.ru/document/603354689> (date of reference: 04.03.2023).
- The Union of Translators of Russia proposed to institutionalize court (sworn) translation in Russia (in Russian). URL: <https://edu.garant.ru/relevant/main/1402680/> (date of reference: 03.03.2023).

Shcherbinina, I. V., Aleksandrova, E. M. (2021). On the issue of responsibility of a court interpreter for unintentional incorrect translation. Legal Bulletin, 1 (in Russian). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-sudebnogo-perevodchika-za-neprednamerenny-neppravilny-perevod> (date of address: 21.05.2023).
Federal Law "On licensing of certain types of activities" of 04.05.2011 N 99-FZ (in Russian).
Code of Ethics of the interpreter (in Russian). Available from: <https://translation-ethics.ru/code/> (date of address: 05.03.2023).
Legal Interpreting - Definition and Context (in Russian). Available from: <https://knowledge-centre-interpretation.education.ec.europa.eu/en/legal-interpretation/legal-interpreting-definition-and-context> (date of address: 04.05.2023).

Citation:

Глушко Е. В., Пронина Е. А., Гисматуллина А. К., Мусаева Э. Р. О профессии судебного переводчика в России // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 79-84.

Glushko E. V., Pronina E. A., Gismatullina A. K., Musaeva E. R. (2024) Hist On the Profession of Court Interpreter in Russia. Legal Linguistics, 32, 79-84.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Допрос как особая форма делового общения: предотвращение конфликтных ситуаций

Л. Ю. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

В статье рассматривается допрос как особая форма делового общения. Автором в рамках данной статьи проанализированы некоторые факторы, которые необходимо учитывать при допросе и предотвращении конфликтов. Кроме психологических особенностей, связанных с возрастом допрашиваемых и процессуальных особенностей, рассматриваются такие факторы, как наличие родственных отношений между соучастниками, гендерные характеристики соучастников, наличие алкогольного или наркотического опьянения во время совершения преступления, особенности взаимоотношений с потерпевшим и другие факторы, влияющие на проведение данного следственного действия как особую форму делового общения.

Ключевые слова: деловое общение, конфликт, допрос.

Interrogation as a Special Form of Business Communication: Conflict Prevention

L. Yu. Kiryushina

Altai State University

61 Lenina St., Barnaul, Russia. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

The article discusses interrogation as a special form business communication. The author analyses some of the factors that should be taken into consideration at interrogation and conflict prevention. In addition to the age-related psychological characteristics of interrogation and procedural characteristics, the author considers such factors as the presence of the family relationship between the participators in a crime, their gender characteristics, the presence of alcohol or drugs at the time of the offense, the relationship with the victim and other factors that influence this investigative action as a special form of business communication.

Key words: business communication, conflict, interrogation.

Несмотря на то, что УПК РФ содержит большой перечень следственных действий, допрос считается одним из основных следственных действий. С точки зрения делового общения допрос представляет собой получение уполномоченным лицом показаний от таких участников уголовного судопроизводства, как потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый и других, т. е. от всех лиц, располагающих сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для расследования преступления, выявления всех обстоятельств дела, подлежащих доказыванию. В УПК РФ требования, предъявляемые к порядку проведения допроса, содержатся в целом ряде статей (ст. 187-191).

Для сбора и систематизации материала по выявлению причин, способствующих возникновению конфликтных ситуаций при проведении допроса на предварительном следствии, применялись такие методы, как анализ уголовной статистики, изучение материалов судебно-следственной практики, сравнение, опрос сотрудников правоохранительных органов.

В научной литературе выделяются различные виды допросов в зависимости от различных критериев, к которым можно отнести:

1. Процессуальное положение допрашиваемого: а) свидетеля, б) потерпевшего, в) подозреваемого, г) обвиняемого, д) подсудимого, е) эксперта.
2. Возрастные особенности допрашиваемого: а) взрослый, б) несовершеннолетний, в) малолетний, г) пожилой (старческий).
3. По очередности проведения: а) первичный, б) вторичный.

4. В зависимости от позиции, занятой допрашиваемым: а) лица, дающего правдивые показания, б) лица, дающего заведомо ложные показания, в) добросовестно заблуждающегося лица [Порубов 1998: 181].

Если рассматривать допрос как особую форму или вид делового общения, то следует сразу же отметить те особенности, которыми характеризуется деловое общение юриста. К числу таких особенностей следует отнести: конфликтный характер взаимодействия партнеров по общению, обусловленный противоположными интересами и целями; особые причины и поводы для наступления общения; соблюдение жесткой формы протекания процесса общения, определенного процессуальными и временными рамками; общение протекает в условиях дефицита времени и информации; особое эмоциональное состояние участников делового общения (стресс, фрустрация, страх, гнев, ярость и другие негативные чувства, эмоции и конфликтные эмоциональные состояния). Важно отметить, что негативные эмоции могут испытывать все участники делового общения. Так, лицо проводящее допрос, может находиться в состоянии длительных нервно-психологических перегрузок, связанных с ненормированным рабочим днем и особыми условиями труда.

Нельзя не согласиться с исследователями, которые справедливо и обоснованно отмечают, что в связи с дефицитом времени, имеющегося в распоряжении у следователя, следственные действия иногда проводятся изолированно друг от друга, а избранная последовательность их проведения обусловлена лишь необходимостью соблюдения процессуальной формы [Кузнецов, Бекбулатова 2010: 23]. Это, в свою очередь, определяет и последовательность таких следственных действий, как допрос. Если речь идет о расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, то допрос в качестве свидетелей родителей или лиц, их заменяющих, допуск последних в качестве законных представителей несовершеннолетнего; допрос несовершеннолетнего подозреваемого; признание потерпевшим и допрос потерпевшего; в случае, если потерпевшим является несовершеннолетний, – аналогичные действия в отношении родителей и лиц, их заменяющих, и т. д. [Кузнецов, Бекбулатова 2010: 23].

При подготовке к допросу следователю необходимо учитывать, что его основной целью является необходимость адекватно отразить позиции всех участвующих в деле лиц, их реальную информированность. Для достижения этой цели надо постараться создать психологические предпосылки для информационного общения, не выходя при этом за рамки профессиональной этики.

Деловое общение и передачу информации можно систематизировать следующим образом: когда допрашиваемый располагает информацией,

- 1) но по различным причинам скрывает ее;
- 2) умышленно искажает ее;
- 3) добросовестно передает определенные сведения, но информация неадекватна действительности, например в силу искажений восприятия и личностной реконструкции материала в памяти субъекта забывания и т. д.;
- 4) передает ее без искажения;
- 5) не располагает искомой информацией.

В рамках данной статьи полагаем, можно рассмотреть две типичные ситуации и проанализировать факторы, которые необходимо учитывать для предотвращения конфликтных ситуаций.

Первая ситуация делового общения: один из участников (партнеров) делового общения – допрашиваемый, может являться активным участником коммуникативного взаимодействия и желать передать информацию, имеющую доказательственное значение по уголовному делу, второму участнику (партнеру) делового общения – следователю.

Бесконфликтность общения и передача информации, имеющей значение для расследования уголовного дела, может объясняться разными причинами и мотивами. Например, активное содействие раскрытию преступления применительно к примечанию 1 ст. 228 УК РФ, под которым предлагается понимать инициативу лица добровольно представить органам дознания или следствия информацию, имеющую значение для раскрытия наркопреступлений и/или содействовать получению указанными органами такой информации [Токманцев 2019: 71]. При этом речь идет не просто о бесконфликтной передаче информации: как справедливо отмечают исследователи, под такой информацией должны пониматься сведения, ранее неизвестные органам предварительного расследования, а также дача правдивых и полных показаний, и участие в производстве следственных действий, направленных на закрепление и подтверждение ранее полученных данных [Токманцев 2019: 71].

Вторая ситуация делового общения: коммуникативное взаимодействие, которое будет характеризоваться стойкой позицией одной из сторон на отказ от общения или сознательное искажение информации, которая может представлять интерес для расследования преступления и в дальнейшем для вынесения приговора.

К очевидным факторам, влияющим на вероятность возникновения конфликтов, является возраст допрашиваемых, которые в силу возрастных особенностей психики не всегда могут передать информацию без искажения, и процессуальное положение допрашиваемых, которое обуславливает конфликтность интересов (подозреваемый, обвиняемый, свидетель со стороны обвинения и т. д.). Особый характер процесса делового общения урегулирован законодателем (время допроса несовершеннолетних, участие дополнительных обязательных участников, таких как законные представители, педагог/психолог, адвокат и т. д.).

В ч. 3 ст. 188 УПК РФ закреплен пример конфликтной ситуации, когда лицо, вызываемое на допрос, без уважительных причин не является на допрос. В этой же статье предусматривается способ разрешения данной конфликтной ситуации, а именно возможность принудительного привода.

Кроме перечисленных примеров, полагаем необходимым отметить несколько факторов, которые могут повлиять на возникновение конфликтных ситуаций в процессе допроса, не всегда являются очевидными и не находят какого-либо дополнительного закрепления, связанного с особенностями общения, на законодательном уровне. К таким

факторам следует отнести:

1. Совершение преступлений в соучастии. В данном случае всегда присутствует конфликт интересов и даже при видимом бесконфликтном характере общения необходимо учитывать необходимость установления истинной роли каждого соучастника. Полагаем, важно выявить истинные роли всех соучастников, поскольку преступление, совершенное в группе, бывает более тяжким, чем то, которое могли бы совершить, например, один несовершеннолетний или одна женщина, оставшись без активной поддержки мужчины-лидера. Признание вины в данном случае может являться стремлением скрыть истинных руководителей и активных участников.

2. Совершение преступления в состоянии алкогольного (наркотического, токсического) опьянения, а также в соучастии с лицами, находящимися в таком состоянии. Проблемы с коммуникацией могут возникать не только в связи с нежеланием давать правдивые показания, но и в силу искажения восприятия и сохранения информации. Даже при искреннем желании лицо не может передать информацию без искажения.

3. Наличие или отсутствие родственных отношений между допрашиваемыми лицами. Особенно это касается родственных отношений с потерпевшим. Наличие родственных отношений может существенно влиять на характер информации, которую допрашиваемый передает следователю. Информация искажается под влиянием особой эмоциональной связи, которая существует между участниками уголовного судопроизводства.

4. Гендерный состав преступной группы. Несмотря на то, что многие традиции, привычки и стереотипы потеряли свою прежнюю силу, гендерные стереотипы по-прежнему сохраняют свою устойчивость в общественном сознании и наиболее ярко проявляются при проведении допроса, когда женщина-преступница воспринимается слабой, эмоционально неустойчивой, уступчивой, пассивной жертвой обмана и коварства мужчин-соучастников [Кирюшина 2012: 105-106].

5. Особые конфликтные эмоциональные состояния у допрашиваемых. Для эффективного делового общения необходимо помнить, что, как правило, эмоции двувалентны, т. е. они либо положительны, либо отрицательны. Как справедливо отмечают исследователи, эмоции не просто «сопровожают», «контролируют» взаимоотношения между сознанием человека и миром, поскольку их роль глубже и значительнее [Гавло, Клочко, Ким 2006: 48]. Важно отметить, что эмоции выступают главным средством оценки уровня эффективного взаимодействия индивида с внешней средой.

Перечисленные факторы могут негативно отразиться на бесконфликтном характере общения и стать причиной ложных показаний. Конфликты могут быть явными, открытыми, такими как отказ от дачи показаний, руководствуясь ст. 51 Конституции РФ, и скрытыми (латентными) для следователя. К таким скрытым, неочевидным конфликтам можно отнести ситуации, когда участник общения передает информацию, но либо умышленно искажает информацию, либо не в полном объеме ее передает следователю. В случае бесконфликтного характера общения главной задачей следователя становится поддержание такого взаимодействия и фиксация результатов в протоколе допроса. При наличии любого из перечисленных факторов, влияющих на бесконфликтность делового общения, полагаем, что именно учет эмоционального состояния допрашиваемых станет одной из важнейших предпосылок в предотвращении конфликтных ситуаций.

Ряд ключевых, базовых предпосылок бесконфликтного взаимодействия закреплены на законодательном уровне. В качестве примера можно привести следующие:

1. Этическое отношение. Одной из главных предпосылок для установки на бесконфликтный характер общения является закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве, а также в положениях Конституции РФ и международно-правовых актах запрета получать показания с использованием угроз, насилия и других незаконных мер (что может составлять состав преступления, например ст. 301 УК РФ).

2. Родной язык. Не менее важной гарантией правомерности и соблюдения требований нравственности проведения допроса является возможность давать показания на родном языке или языке, которым владеет подозреваемый (п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), потерпевший (п. 6 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и свидетель (п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

3. Время коммуникации. Например, в ч. 2 ст. 187 УПК РФ закреплено, что допрос не может длиться непрерывно более 4 часов, и не может превышать 8 часов в день (ч. 3 ст. 187). Кроме того, предусматривается перерыв для приема пищи и отдыха, а в ч. 4 ст. 187 УПК РФ закреплено, что при наличии медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача.

4. Место проведения допроса. По общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 187 УПК РФ, допрос проводится по месту производства предварительного следствия. Но именно возможность провести допрос в любом другом месте, по усмотрению следователя, является важной предпосылкой в установлении психологического (коммуникативного) контакта с допрашиваемым. Это позволяет избежать конфликтов не только с лицом, производящим расследование, но и с другими участниками уголовного судопроизводства. Не исключена возможность допроса на месте происшествия, если свидетель или потерпевший забыл важные для дела обстоятельства и затрудняется в воспроизведении деталей. Таким образом, в работу включаются процессы вспоминания по системе ассоциаций, повышается его продуктивность. Для сохранения конфиденциальности, если преждевременная огласка факта вызова допрашиваемого нежелательна по оперативно-тактическим соображениям, допрос может быть проведен в любом месте. А в зависимости от состояния здоровья допрос больного проводится только с разрешения врача в том месте, где больной находится (в больнице, на дому) [Кирюшина 2011: 109].

Создание психологических предпосылок для информационного общения можно назвать важнейшей

составляющей при подготовке к допросу. Отметим, что в ч. 1 ст. 74 УПК РФ под доказательствами понимаются любые сведения, которые могут содержаться в числе прочего в протоколах допроса. Крайне важно, что следователь должен зафиксировать и адекватно отразить в протоколе позиции участвующих в деле лиц, их реальную информированность, не выходя при этом за рамки профессиональной этики и требования делового общения.

Как справедливо отмечают авторы, показания могут содержаться не только в протоколах допросов, но и в протоколах опознания (ст. 193 УПК РФ), следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ), а также проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) и прочее. В своей статье М. А. Сильнов отмечает, что показания могут быть получены в рамках оказания международной правовой помощи (ст. 455 УПК), в связи с исполнением отдельных поручений других органов предварительного расследования (пп. 4, 4-1 ч. 2 ст. 38, ст. 189-1 УПК), а также в рамках института судебного поручения (ст. 278-1 УПК) и др. [Сильнов 2023: 105].

Поскольку абсолютного забвения впечатлений не существует, а просто затрудняется доступ к ним, то проблемы коммуникации чаще связаны с проблемами воспроизведения и передачи информации, чем с ее сохранением.

Исследователи отмечают, что язык необходимо рассматривать как самоорганизующуюся, коммуникативную систему, развитие которой подобно развитию живого организма [Гураль 2007: 32]. Следователю необходимо помнить о возможности возникновения ошибок в том случае, если допрашиваемые неправильно поняли поставленный перед ними вопрос. Также, чтобы избежать ошибок при протоколировании показаний, следователь не должен увлекаться определенной версией и фиксировать в протокол ту информацию, которую желает услышать.

Поэтому при формулировке вопросов и при фиксации ответов в протоколе допроса следователю необходимо убедиться, что допрашиваемый правильно понял вопрос, а следователь правильно понял ответ. Поскольку язык, как отмечает С.К. Гураль, это саморегулирующее, самопорождающее и самодостаточное явление, но вместе с тем и социальное образование, отражающее быт и нравы его носителей [Гураль 2007: 33]. Особенно это относится к таким категориям допрашиваемых, как лица, ранее отбывавшие наказание, приехавшие из других регионов РФ, а также лица, имеющие разницу в возрасте с лицом, проводящим допрос, более 12 лет.

Отметим, что в ч. 1 ст. 9 УПК РФ закреплено, что в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также общение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Поэтому, несмотря на то, что в УПК РФ нет прямого закрепления формы обращения ко всем участникам уголовного судопроизводства, в том числе и во время проведения допроса, анализ статей УПК РФ, а также сложившихся традиций и этики делового общения, позволяет прийти к выводу, что следователь должен обращаться только на «вы». Это позволит избежать конфликтных ситуаций, настроить партнеров по общению на деловой и продуктивный контакт. Как отмечает Т. В. Дубинина, вступая в общение, человек обращает внимание, в первую очередь, на своего партнера по общению, а именно: насколько интересно партнеру то, о чем идет разговор; удобно ли ему; насколько партнеру интересен именно говорящий и т. д. [Дубинина 2004: 126]. Поэтому обращение на «вы» к партнеру по общению позволит избежать фамильярности и станет предпосылкой к бесконфликтному характеру взаимодействия.

Учитывая вышесказанное, можно привести следующее высказывание. Претворение в жизнь целей уголовного судопроизводства, как верно отмечает М. Шатас, может быть эффективным только в случае, если его субъекты не только функционируют в строгом соответствии с требованиями закона, но и целесообразно взаимодействуют друг с другом [Шатас 2010: 56]. Полагаем, что взаимодействие следователя с допрашиваемыми только тогда сможет достичь целей и назначения уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ, когда в результате общения будут установлены все обстоятельства, позволяющие без сомнений доказать виновность всех участвующих в преступлении лиц.

Литература

- Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1998.
- Кузнецов А. А., Бекбулатова А. Т. Тактические комбинации первоначального этапа расследования грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними / Вестник криминалистики. - 2010. - Вып.2 (34). - С. 23-28.
- Токманцев Д. В. Активное содействие раскрытию наркопреступлений как одно из условий освобождения от уголовной ответственности / Уголовное право. 2019. - №2. - С.70-80.
- Кирюшина Л. Ю. О влиянии гендерных стереотипов на расследование преступлений, совершаемых женщинами / Известия Алтайского государственного университета. - 2012. - 2/2 (74). - С. 104-109.
- Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты : монография. Барнаул, 2006.
- Кирюшина Л. Ю. Юридическая психология. Барнаул, 2011.
- Сильнов М. А. О депонировании доказательств как о способе обеспечения уголовно-процессуального доказывания / Проблемы правовой и технической защиты информации. - 2023. - №11. - С.103-108.
- Гураль С. К. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система / Вестник Томского государственного университета. - 2007. - №298. - С. 32-36.
- Дубинина Т. В. Экология взаимодействия в практической психологии / Сибирский психологический журнал. - 2004. - №19. - С.125-131.
- Шатас М. Некоторые проблемные вопросы взаимодействия прокурора и дознавателя при расследовании преступлений в Литве / Вестник криминалистики. - 2010. - Вып.2 (34). - С. 55-64.

References

- Porubov, N. I. (1998). Interrogation tactics at the preliminary investigation: a monograph. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, A. A., Bekbulatova, A. T. (2010). Tactical combination of the initial stage of investigation of robberies and holdups committed by minors. *Bulletin of Criminology*, 2 (34), 23-28 (in Russian).
- Tokmantsev, D. V. (2019). Active assistance in drug crimes detection as one of the conditions of relief of criminal liability. *Criminal law*, 2, 70-80 (in Russian).
- Kiryushina, L. Yu. (2012). On the influence of gender stereotypes on the investigation of crimes committed by woman. *News Altai State University*, 2/2 (74), 104-109 (in Russian).
- Gavlo, V. K., Klocho, V. E., Kim, D. V. (2006). Forensic investigation situations: psychological and criminalistic aspects: a monograph. Barnaul (in Russian).
- Kiryushina, L. Yu. (2011). Law psychology: a monograph. Barnaul (in Russian).
- Silnov, M. A. (2023). About the deposit of evidence as a way to provide criminal procedure evidence. *Legal and Technical Problems Information Protection*, 11, 103-108 (in Russian).
- Gural, S. K. (2007). Language as a process and self-developing system. *Vestnic Tomsk State University*, 298, 32-36 (in Russian).
- Dubinina, T. V. (2004). Ecology of interaction in practical psychology. *Siberian psychological magazine*, 19, 125-131 (in Russian).
- Satas, M. (2010). Some problems of cooperation between prosecutor and pre-trial investigations officer when organizing and planning the investigation of acts in Lithuania. *Bulletin of Criminology*, 2 (34), 55-64 (in Russian).
-

Citation:

Кирюшина Л. Ю. Допрос как особая форма делового общения: предотвращение конфликтных ситуаций // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 85-89.

Kiryushina L. Yu. (2024) Interrogation as a Special Form of Business Communication: Conflict Prevention. *Legal Linguistics*, 32, 85-89.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Судебная лингвистика: сущность, структура, закономерности, функции

В. О. Кузнецов

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
Хохловский пер., 13с2, 109028, Москва, Россия. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

Одним из ключевых положений концепции судебной экспертологии А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской является положение о так называемых предметных судебных науках – подсистемах судебной экспертологии, сформированных в результате трансформации данных фундаментальных (материнских) наук исходя из потребностей судопроизводства. В статье с позиции данного положения рассматривается судебная лингвистика как новая судебно-экспертная наука, появившаяся в результате трансформации лингвистики как фундаментальной науки. Показано, что судебная лингвистика является источником специальных лингвистических знаний, применяемых в форме судебной автороведческой экспертизы, криминалистической экспертизы звукозаписей, судебной лингвистической экспертизы и судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности. В статье рассматривается сущность судебной лингвистики как судебно-экспертной науки, а также ее структура, закономерности и функции.

Ключевые слова: судебная экспертология, судебная лингвистика, судебная автороведческая экспертиза, криминалистическая экспертиза звукозаписей, судебная лингвистическая экспертиза, судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности.

Forensic Linguistics: Essence, Structure, Regularities, Functions

V. O. Kuznetsov

*Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation
13 Khokhlovsky pereulok, stroenie 2, 109028, Moscow, Russia. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

One of the key provisions of the concept of forensic expertology by A. I. Vinberg and N. T. Malakhovskaya is the provision on the so-called subject forensic sciences - subsystems of forensic expertology formed as a result of the transformation of data from fundamental (parent) sciences based on the needs of legal proceedings. The article considers forensic linguistics as a new forensic science, which appeared as a result of transformation of linguistics as a fundamental science. It is shown that forensic linguistics is a source of special linguistic knowledge applied in the form of forensic authorship examination, forensic examination of sound recordings, forensic linguistic examination and forensic examination of intellectual property objects. The article considers the essence of forensic linguistics as a forensic science, as well as its structure, regularities and functions.

Key words: forensic expertology, forensic linguistics, forensic authorship examination, forensic examination of sound recordings, forensic linguistic examination, forensic examination of intellectual property.

Система современной судебной экспертологии интегрирует множество подсистем – взаимосвязанных элементов, к которым относятся так называемые судебно-экспертные науки или предметные судебные науки (в терминологии А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской) – отрасли судебной экспертологии, служащие теоретическим основанием для соответствующих им предметных судебных экспертиз и источником специальных знаний. Например, судебная медицина является теоретическим основанием для судебно-медицинской экспертизы, судебное почерковедение – для судебно-почерковедческой экспертизы.

Предметные судебные науки, по мнению А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, помимо роли проводника теоретических знаний для предметных судебных экспертиз, источника специальных знаний, играют огромную роль в развитии самой системы судебной экспертологии, ее теоретического блока: «Судебная экспертология объединяет

методологически все предметные судебные науки, а через них и специальные познания различных судебных экспертиз, открывает дорогу для комплексных исследований и образований новых предметных судебных наук, научных дисциплин и судебных экспертиз, рассматриваемых в системно-структурном подходе как совокупность элементов, входящих в целостное – в судебную экспертологию» [Винберг, Малаховская 1979: 107].

Можно утверждать, что в настоящее время судебная экспертология окончательно сформировалась как самостоятельная юридическая наука. Развитие ее как науки видится в том числе в дальнейшей разработке существующих и создании новых судебно-экспертных наук.

А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская считали положение о предметных судебных науках одним из ключевых в концепции системы судебной экспертологии, поскольку именно предметные судебные науки адаптируют данные базовых (материнских) наук исходя из нужд судопроизводства, формируя специальные знания, при применении которых возможно получение результатов, имеющих доказательственное значение и несущих определенные правовые последствия. Тем самым судебно-экспертные науки являются своеобразным фундаментом не только для реализации принципов судебно-экспертной деятельности, регламентированных Федеральным законом от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее ФЗ «О ГСЭД»), но и общеправовых принципов, прежде всего верховенства закона, ответственности при наличии вины, состязательности и равноправия сторон.

Как известно, общая теория судебной экспертологии формировалась большей частью на основе судебных экспертиз, для которых базовыми являлись естественные и технические науки, т. е. те науки, данные которых использовались для нужд судопроизводства того времени. В настоящее же время для обеспечения потребностей судопроизводства наблюдается значительное расширение возможностей судебно-экспертной деятельности за счет судебных экспертиз гуманитарного профиля. Это обусловлено активно идущими процессами цифровой трансформации, следствием которых явилось существенное расширение возможностей создания, распространения и фиксации результатов коммуникативной деятельности человека – так называемых информационных материалов, которые в последнее время стали все чаще попадать в поле зрения правоприменителя.

Из судебных экспертиз гуманитарного профиля чаще всего назначаются лингвистические экспертизы и психологические экспертизы информационных материалов. Основная сложность при производстве указанных экспертиз заключается в том, что для обеспечения нужд правоприменителя практически невозможно использование данных базовой (материнской) науки, соответствующих той или иной экспертизе, в готовом виде. То есть в данном случае требуется трансформация таких данных исходя из нужд судопроизводства.

Ярким примером судебных экспертиз гуманитарного профиля служит судебная лингвистическая экспертиза. Опыт ее становления и развития в России показал, что данные науки о языке для удовлетворения потребностей судопроизводства не могут быть использованы в полной мере без их соответствующей трансформации. Так, использование данных науки о языке в готовом виде возможно для решения лишь ограниченного круга задач судебной лингвистической экспертизы, связанного большей частью с выявлением значения языковых единиц, а также прагматической составляющей. Преобразованные же данные науки о языке для нужд правоприменителя, например в виде судебно-экспертных лингвистических понятий [Кузнецов 2020], позволяют расширить круг решаемых судебной лингвистической экспертизой задач, в том числе решать задачи, «завершающиеся установлением факта, ближе стоящего к предмету доказывания» [Основы судебной экспертизы 1997: 81].

В схеме «Система судебной экспертологии», представленной в пособии А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской «Судебная экспертология» [Винберг, Малаховская 1979: 122-123], среди фундаментальных базовых (материнских) наук не представлена наука о языке (лингвистика, языкознание), в связи с чем в этой схеме отсутствует соответствующая предметная судебная наука. Кроме того, в схеме приводится лишь одна из судебных экспертиз, предполагающих применение специальных лингвистических знаний, – судебная автороведческая экспертиза, предметной судебной наукой для которой, согласно схеме, является криминалистика. В схеме не представлена только зарождавшаяся в то время криминалистическая экспертиза звукозаписей (фоноскопическая экспертиза).

Данная схема, как отмечали сами авторы, не является исчерпывающей, она показывает лишь тенденции закономерностей судебной экспертологии, своеобразный срез состояния системы судебной экспертологии того времени.

В настоящее время предложенная А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской схема системы судебной экспертологии в связи со значительным увеличением количества родов (видов) судебных экспертиз, на наш взгляд, должна существенно измениться, прежде всего вследствие расширения перечня фундаментальных базовых (материнских) наук, включая лингвистику, а также вследствие расширения перечня предметных судебных экспертиз, в том числе экспертиз, предполагающих применение специальных лингвистических знаний, а именно криминалистической экспертизы звукозаписей, судебной лингвистической экспертизы, а также судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности.

Как показывает экспертная практика, перечисленные судебные экспертизы непосредственно не заимствуют данные лингвистики: используя только знания о закономерностях языка и лингвистической методологии, невозможно провести, например, идентификационное исследование по голосу и звучащей речи или установить сходство наименований до степени смешения.

В связи с этим схему системы судебной экспертологии также необходимо дополнить судебной лингвистикой, которая, исходя из положения о такого рода науках А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, занимает промежуточное положение между лингвистикой как фундаментальной базовой наукой и соответствующими предметными

судебными экспертизами. Она представляет собой результат трансформации данных лингвистики исходя из нужд судопроизводства, а также источник специальных лингвистических знаний, теоретических основ соответствующих судебных экспертиз.

Согласно концепции системы судебной экспертологии А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, каждая предметная судебная наука является элементом этой системы, при этом «судебная экспертология как целостная система, охватывающая всеобщую теорию и методологию судебных экспертиз, детерминирует, определяет ее элементы, а также их функционирование и развитие» [Винберг, Малаховская 1979: 121]. Из этого следует, что любая предметная судебная наука, в том числе судебная лингвистика, является своеобразной проекцией судебной экспертологии.

Судебная лингвистика, являясь элементом судебной экспертологии, представляет собой междисциплинарную научную отрасль, формируемую путем интеграции знаний из различных областей. В философии науки по отношению к подобным научным отраслям используются такие названия, как «стыковые науки», «переходные науки», «пограничные науки», «мостиковые науки». Науки подобного рода появляются вследствие необходимости удовлетворения определенных потребностей, а также ввиду ограниченности подходов существующих наук.

Положение о трансформации данных базовой науки для нужд судопроизводства в целом соотносится с концепцией стыковых наук в части способа их формирования. Говоря о трансформации данных базовой науки, А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская, однако, не раскрывают ее механизм, т. е. то, каким конкретно образом такая трансформация происходит. Вместе с тем, на наш взгляд, это существенно для понимания сущности судебно-экспертной науки. Восполнить этот пробел позволяют достижения философии науки, для которой проблема интеграции научного знания, синтеза наук является одной из ключевых.

По мнению Л. С. Сычевой, формирование синтетических наук обусловлено отсутствием в одной науке методов исследования объектов другой науки: «Вообще говоря, “стыковые” дисциплины возникают при исследовании объектов одной науки методами другой» [Сычева 1988: 45]. Данный способ формирования наук Б. М. Кедров образно назвал «фундаментацией» [Кедров 1990: 158], объясняя это тем, что одна наука, используя методы другой науки для исследования своего объекта, таким образом создает своеобразный фундамент. В качестве примера ученый приводит астрофизику, в которой физика, используя свои методы, фундаментализирует астрономию [Кедров 1990: 159].

Г. А. Антипов так же метафорично обозначает подобный процесс как экспансию. Говоря о двух типах взаимодействия наук, ученый отмечает: «Один из них заключается в своеобразной экспансии одной научной дисциплины в предметную область другой. Хотя чаще всего эта форма взаимодействия наук трактуется в понятиях “интеграция”, “взаимопроникновение” и т. п., по нашему мнению, речь должна идти именно о распространении методологических принципов, теоретических схем и экспериментальных средств одной дисциплины на объекты, уже получившие определенное отображение в средствах другой» [Антипов 1988: 29].

По нашему мнению, этот способ формирования синтетических наук характерен для судебной экспертологии вообще и судебной лингвистики в частности, что в целом обусловлено положениями процессуальной науки, связанными с обоснованием потребности в использовании специальных знаний. Например, согласно ч. 1 ст. 79 ГПК России суд назначает экспертизу при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла; в соответствии со ст. 2 ФЗ «О ГСЭД» задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Исходя из данных положений методы неюридических наук (посредством их применения в ходе проведения судебной экспертизы) призваны исследовать объекты юридической науки как носители юридически-релевантной информации с целью получения доказательств по делу: «В результате проведения экспертизы в распоряжении следователя и суда оказывается важная доказательственная информация, которая не может быть зачастую получена другими процессуальными средствами. Особенностью экспертизы является то, что она позволяет использовать достижения научно-технического прогресса для нужд судопроизводства, значительно повышая его результативность» [Основы судебной экспертизы 1997: 66].

Б. М. Кедров объясняет возможность распространения методов одних наук на объекты других наук тем, что «все объекты природы, представляющие собой более высокие ступени развития материи, исторически возникли из объектов, являющихся более низкими ступенями развития, и структурно содержат в себе эти последние в превзойденном виде. Вот почему к исследованию биологических объектов оказываются применимыми физические и химические методы так же, как и к геологическим объектам; в свою очередь, к изучению химических объектов оказываются применимыми методы физики» [Кедров 1990: 158].

То же самое можно утверждать применительно к доказательствам по делу, не являющимся объектами науки о языке, при этом представляющим собой фиксацию речи или продуктов речевой (коммуникативной) деятельности, в связи с чем имеющим лингвистическую природу. В отношении данных объектов возникает потребность в решении задач, не являющихся собственно лингвистическими, а связанных с установлением фактических данных, имеющих значение для расследуемого или рассматриваемого дела, например установление признаков «экстремистских» значений, определение автора текста или его социально-биографических характеристик, установление признаков монтажа фонограммы, т. е. специфических задач, имеющих юридический аспект.

С целью решения данных задач в отношении указанных выше объектов требуются не юридические, а лингвистические знания, включающие выявленные лингвистической наукой закономерности и лингвистические методы, что обусловлено лингвистической природой этих объектов.

Вместе с тем данные науки о языке в связи со специфичностью подлежащего исследованию объекта и решаемых задач не могут быть использованы в чистом виде, требуется их определенная трансформация, адаптация. Такую адаптацию, на наш взгляд, обеспечивает судебная экспертология, служащая научным базисом для судебно-экспертных наук, в том числе для судебной лингвистики, в виде учений и теорий, например теории экспертной идентификации, экспертной диагностики, учений о предмете и задачах судебной экспертизы, об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках, о структуре решения экспертных задач и др. То есть данные науки о языке определенным образом преломляются сквозь призму учений и теорий судебной экспертологии. К таким данным науки о языке относятся изучаемые лингвистикой закономерности, а также методы лингвистической науки.

К изучаемым наукой о языке закономерностям относятся закономерности внутреннего устройства языка: фонетический, фонологический, грамматический, лексикологический, семантический, стилистический и др. аспекты; закономерности функционирования языка в обществе: диалектологический, социолингвистический, психолингвистический и др. аспекты; закономерности, изучаемые прикладными лингвистическими дисциплинами: экспериментальной фонетикой, лексикографией, корпусной лингвистикой и др. В результате трансформации данных лингвистической науки, их адаптации к целям и задачам судебной лингвистики формируются изучаемые ею закономерности, связанные с данными о формировании устно-речевых и письменно-речевых функционально-динамических комплексов (ФДК) навыков, о механизме реализации таких ФДК навыков в разных условиях, о формировании юридически-релевантных значений (смыслов) и их реализации в речи и продуктах речевой деятельности и др. Данные закономерности существенны для нужд судопроизводства, поскольку они раскрывают свойства речи и продуктов речевой деятельности и составляют основу разработки идентификационных и диагностических признаков.

Методы лингвистической науки также практически не используются в чистом виде, они адаптируются для решения экспертных задач, которые, как указывалось выше, собственно лингвистическими большей частью не являются. На основе лингвистических методов разрабатываются специальные методы, к которым, например, относятся методы предметно-тематического, оценочно-экспрессивного и целевого анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе с целью решения задач, связанных с установлением «экстремистских» значений. Трансформации в определенном смысле подвергаются и традиционные для лингвистической науки методы фонетического, грамматического, лексико-фразеологического и стилистического анализа, применяемые при проведении идентификационного исследования по голосу и звучащей речи, поскольку данные методы направлены на выявление индивидуальных свойств звучащей речи, сосредоточенных на разных уровнях языка, служащих идентификационными признаками.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что судебная лингвистика является судебно-экспертной наукой, формируемой путем интеграции знаний юридической науки и науки о языке. Исходя из того, что судебная лингвистика является подсистемой системы судебной экспертологии, являющейся разделом юридической науки, последняя составляет ее фундаментальный базис в виде ее учений и теорий, обеспечивающий трансформацию, адаптацию данных науки о языке для нужд судопроизводства. В данном случае можно провести аналогию с судебным речеведением, которое, как отмечает Е. И. Галяшина, является «современным "кентавром", научную основу которого составляет судебная экспертология, а надстройка сформирована из речеведения и современной отраслевой лингвистики» [Галяшина 2020: 13]: данные науки о языке в трансформированном виде выступают в судебной лингвистике своеобразной надстройкой, представляющей собой методологические основы этой судебно-экспертной науки.

При этом необходимо отметить, что помимо судебной экспертологии в формировании судебно-экспертных наук, в том числе судебной лингвистики, участвуют и другие разделы юридической науки. В этой связи авторы монографии «Судебно-почерковедческая экспертиза» подчеркивают: «Любая предметная судебно-экспертная область знаний непосредственно связана с общественными отношениями, регламентированными правом. Именно они определяют специфику объектов экспертного исследования, которые попадают в сферу следственного и судебного доказывания. В данном случае – это рукописные тексты и подписи, имеющиеся на различного рода документах. Виды документов обусловлены характером дел, которые расследуются и рассматриваются в различных видах судопроизводства – уголовном, административном, гражданском и арбитражном. <...> Отсюда фундаментальное значение приобретает нормативный материал, содержащий правовую регламентацию судебной экспертизы, а также соответствующие положения отраслевых правовых знаний» [Судебно-почерковедческая экспертиза 2006: 18-19]. Исходя из этого большую роль в формировании судебной лингвистики как судебно-экспертной науки играет материальное и процессуальное право, а именно УК России, ГК России, КоАП России, УПК России, АПК России, КАС России, ФЗ «О ГСЭД». Особенно важны положения материального права для судебной лингвистической экспертизы и судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности, т. е. для тех родов экспертиз, задачи которых определяются правовой нормой.

Итак, судебная лингвистика является междисциплинарной судебно-экспертной наукой, существующей на стыке языка и права и возникшей в результате интеграции знаний юридической науки (в том числе судебной экспертологии) и трансформированных для целей судопроизводства данных науки о языке – лингвистики.

Являясь подсистемой судебной экспертологии, судебная лингвистика как судебно-экспертная наука также имеет юридическую природу и, соответственно, является юридической дисциплиной. Данное положение является дискуссионным: ряд ученых-филологов утверждает, что науки и научные направления, существующие на стыке языка и права, а также судебные экспертизы, предполагающие применение специальных лингвистических знаний,

являются областями прикладной лингвистики, т. е. разделами науки о языке, например: «В настоящем издании судебная лингвистика понимается как отрасль лингвистики, представляющая собой систему научных знаний о закономерностях возникновения, выявления, исследования и экспертной оценки языковых и речевых явлений, служащих источником доказательств в ходе следствия и судебного разбирательства» [Судебная лингвистика 2015: 9]. Приведенное определение является, по нашему мнению, противоречивым: авторы, с одной стороны, рассматривают судебную лингвистику как отрасль лингвистики, но вместе с тем, определяя предмет этой научной отрасли, существенно расширяют его, выводя его за пределы предмета науки о языке и определяя его сообразно предмету судебной экспертологии: «его элементами являются в первую очередь закономерности судебно-экспертной деятельности» [Основы судебной экспертизы 1997: 26-27], включая «закономерности возникновения и существования материальных носителей информации об уголовно-релевантных и гражданско-релевантных обстоятельствах; обнаружения, изъятия и исследования этих объектов» [Основы судебной экспертизы 1997: 25].

Поскольку, согласно концепции А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, предметные судебные науки являются подсистемами системы науки судебной экспертологии, постольку изучаемые ими закономерности в определенной мере соотносятся с закономерностями судебной экспертологии, составляющими предмет этой метанауки. Так, авторы монографии «Основы судебной экспертизы» отмечают: «Общую теорию судебной экспертизы можно рассматривать как доминирующую систему по отношению к частным теориям. Такие частные теории, как теория криминалистической экспертизы, теория судебно-медицинской экспертизы, теория судебно-инженерных экспертиз, должны соотноситься с общей теорией судебной экспертизы изоморфно и логически эквивалентно, т. е. иметь одинаковую форму (структуру) и логические следствия, проверяемые эмпирическим материалом, конкретизировать общие закономерности» [Основы судебной экспертизы 1997: 54].

Е. Р. Россинской предложена следующая модель современной судебной экспертологии:

1. Общая теория судебной экспертологии.
2. Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности.
3. Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности.
4. Судебно-экспертные технологии [Россинская 2015: 17].

По мнению Е. В. Чесноковой, А. И. Усова, Г. Г. Омелянюка и М. В. Никулиной, предложенную модель целесообразно дополнить разделом «основы системы менеджмента судебно-экспертной деятельности» [Чеснокова, Усов, Омелянюк, Никулина 2023: 62], имеющим следующее наполнение:

- «– методология системы менеджмента судебно-экспертной деятельности;
- система обеспечения и управления качеством экспертного производства;
- методология валидации судебно-экспертных методик;
- стандартизация в судебно-экспертной деятельности, внедрение стандартизованных терминов и методических материалов в экспертную практику;
- методологические основы аккредитации в СЭО» [Основы судебной экспертологии 2023: 25].

Учитывая системные отношения судебной экспертологии и судебной лингвистики, предложенная модель судебной экспертологии в целом отражает и систему судебной лингвистики как судебно-экспертной науки:

- теоретические основы судебной лингвистики;
- правовые основы судебной лингвистики;
- организационные основы судебной лингвистики;
- методические основы судебной лингвистики (судебно-экспертные технологии);
- основы менеджмента судебно-экспертной деятельности в аспекте судебной лингвистики.

В соответствии с принципом системности выделенные элементы системы взаимосвязаны, взаимообусловлены и в целом отражают сущность судебной лингвистики как судебно-экспертной науки, а также взаимосвязь с судебной экспертологией.

Необходимо отметить, что каждый из элементов системы судебной лингвистики изучает свои закономерности, в совокупности составляющие предмет судебной лингвистики. С целью формулирования предмета этой судебно-экспертной науки с учетом закономерностей судебной экспертологии, приведенных в теоретических работах [Основы судебной экспертизы 1997; Россинская, Галяшина, Зинин 2016; Основы судебной экспертологии 2023], а также с учетом положений концепции предметных судебных наук и ее развития [Винберг, Малаховская 1979], рассмотрим указанные закономерности.

Закономерность трансформации данных лингвистики как материнской (базовой) науки в систему специальных лингвистических знаний и их реализации в соответствующих предметных судебных экспертизах: судебной лингвистической экспертизе, судебной автороведческой экспертизе, криминалистической экспертизе звукозаписей и судебной экспертизе объектов интеллектуальной собственности. Данная закономерность изучается посредством предложенного А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской метода сравнительного судебного экспертоведения, которое «устанавливает для целей науки судебной экспертологии генетические (причинно-следственные) связи между материнскими науками и предметными судебными науками и связи последних с соответствующими судебными экспертизами. <...> Сравнительное судебное экспертоведение исследует <...> опосредованные связи, когда данные материнских наук трансформируются в специальные познания предметной судебной науки» [Винберг, Малаховская 1979: 60-61].

Указанная закономерность является наиболее существенной для теоретических основ судебной лингвистики, поскольку предполагает изучение механизма формирования ключевой категории судебной лингвистики –

специальных лингвистических знаний. Такие специальные знания являются динамической системой, постоянно развивающейся вследствие изменения потребностей судопроизводства, обусловленных появлением новых правовых норм, что влечет возникновение новых экспертных задач, а также вследствие появления новых объектов, обусловленных цифровой трансформацией, в том числе появлением и развитием возможностей искусственного интеллекта (что важно для судебной автороведческой экспертизы и криминалистической экспертизы звукозаписей, объектами которых в последнее время становятся материалы, созданные с помощью нейросетей). Это связано с такими изучаемыми судебной лингвистикой закономерностями, как закономерность генезиса общих и типичных задач и объектов судебных экспертиз, связанных с использованием специальных лингвистических знаний, а также закономерность постоянного качественного и количественного видоизменения знаний, определяющих компетенцию рода (вида) судебных экспертиз, связанных с использованием специальных лингвистических знаний. Изучение данных закономерностей обеспечивается также путем установления связей между материнской наукой и судебно-экспертной наукой. При появлении новых задач и объектов зачастую необходимо обращаться к данным материнской науки, ранее не используемым в связи с отсутствием такой потребности. Далее эти новые данные адаптируются для целей судопроизводства, вследствие чего происходит видоизменение специальных лингвистических знаний, что закономерно влечет изменение компетенции соответствующего рода (вида) судебных экспертиз.

Общей теорией судебной лингвистики также изучаются закономерности, связанные с формированием и развитием родов (видов) судебных экспертиз, предполагающих использование специальных лингвистических знаний. Данные закономерности большей частью представляют собой способы формирования и развития родов (видов) судебных экспертиз, отражающие процесс дифференциации и интеграции специальных знаний.

Рассматриваемые закономерности, связанные с формированием и развитием родов (видов) судебных экспертиз, предполагающих использование специальных лингвистических знаний, также соотносятся с закономерностями прогнозирования возникновения новых родов и видов экспертиз, связанных с использованием специальных лингвистических знаний.

Еще одной закономерностью общей теории судебной лингвистики является закономерность получения достоверного нового знания на базе уже известного. Данная закономерность относится к фундаментальным, общим закономерностям и связана с выводным характером знаний, получаемых в результате проведения экспертного исследования. В отличие от других форм познания «особенностью экспертного исследования является, как правило, ограниченный объем представляемой исходной информации об отраженном событии, к тому же информации уникальной, неповторимой, незаменимой и что самое главное, невозполняемой» [Основы судебной экспертизы 1997: 28]. Исходя из такой специфики объекта, а также исходя из специфики экспертного исследования в связи с его ролью в процессе доказывания, судебная лингвистика разрабатывает и совершенствует теоретические основы, обеспечивающие «получение достоверного знания в форме выводного заключения в процессе экспертного исследования» [Основы судебной экспертизы 1997: 29].

Наконец, последней закономерностью этого блока являются закономерность формирования и развития языка эксперта-лингвиста, системы экспертных понятий и обозначающих их терминов, формализации и унификации экспертного языка. Судебная лингвистика как судебно-экспертная наука вырабатывает свой язык, систему понятий, призванную обеспечить эффективную коммуникацию между субъектами судебно-экспертной деятельности. Данная закономерность наиболее ярко реализуется в случае с судебной лингвистической экспертизой, в которой используются особые судебно-экспертные лингвистические понятия.

К основным закономерностям правового обеспечения судебно-экспертной деятельности в аспекте судебной лингвистики относятся:

– закономерности возникновения, развития и прекращения правоотношений в сфере использования специальных лингвистических знаний в различных формах судопроизводства, в том числе правоотношений между следователем, судом, сторонами и экспертом-лингвистом (специалистом-лингвистом) как субъектом правоприменительной деятельности;

– закономерности объективизации и повышения доказательственного значения заключения эксперта-лингвиста, совершенствования его правовой формы и содержания, правовых особенностей его оценки и использования в судопроизводстве.

Данные закономерности правового обеспечения судебно-экспертной деятельности, с одной стороны, являются общими для судебной экспертологии, с другой стороны, судебная лингвистика изучает специфику таких правоотношений исходя из особенностей использования специальных знаний именно в области лингвистики, что обусловлено спецификой объектов, имеющих речевую природу, а также спецификой решаемых экспертом-лингвистом задач.

К закономерностям организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в аспекте судебной лингвистики прежде всего относятся закономерности информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности эксперта-лингвиста. Данная закономерность связана с обеспечением эксперта-лингвиста необходимой и достаточной для ее корректного использования информацией, разработкой и совершенствованием справочно-информационных фондов, информационно-поисковых систем, информационно-экспертных ресурсов, позволяющих не только эффективно провести судебным экспертом-лингвистом экспертное исследование, но и оптимизировать процесс производства экспертизы.

Следующая группа закономерностей – закономерности организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности экспертов-лингвистов государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций. В данном случае судебной лингвистикой изучается специфика организации производства судебных экспертиз, связанных с использованием специальных лингвистических знаний, в государственных судебно-экспертных учреждениях в различных ведомствах, а также в частных судебно-экспертных организациях.

Данные закономерности непосредственно связаны с закономерностями обеспечения профессиональной деятельности и подготовки судебных экспертов-лингвистов, обеспечения единых требований к компетенции государственных и негосударственных судебных экспертов-лингвистов. Эти закономерности определяются «необходимостью обеспечения требуемых знаний у эксперта, т. е. обеспечения его компетентности» [Основы судебной экспертизы 1997: 32-33], что, в свою очередь, связано с формируемыми у эксперта в процессе обучения профессиональными специализированными компетенциями.

К основным закономерностям экспертно-технологического обеспечения судебно-экспертной деятельности эксперта-лингвиста относятся следующие.

Прежде всего это закономерности функционирования различных видов экспертиз, связанных с использованием специальных лингвистических знаний, на единой методологической основе. Ученые обозначают эти закономерности как объекта теории судебной экспертизы – экспертной деятельности [Основы судебной экспертизы 1997: 31]. Судебная лингвистика как судебно-экспертная наука и как подсистема судебной экспертологии вырабатывает общие методические подходы к исследованию речи и продуктов речевой деятельности, предполагающие применение методов лингвистического анализа, обеспечивающих достоверность заключения. В связи с этим примыкающими к данным закономерностям являются закономерности разработки и использования судебно-экспертных методик лингвистического исследования, их апробации. Судебная лингвистика на основе судебно-экспертнологических учений об экспертной идентификации, экспертной диагностики разрабатывает методики решения экспертных задач, предполагающие применение разработанных судебной экспертологией алгоритмов, схем решения идентификационных и диагностических задач.

Помимо перечисленных выше закономерностей, к закономерностям судебной лингвистики также относятся закономерности материнской (базовой) для нее науки лингвистики, например закономерности речеобразования, развития речи в онтогенезе, закономерности влияния субъективных и объективных факторов на формирование речи, закономерности смыслообразования и отражения его в продуктах речевой деятельности и др., используемые при изучении свойств объекта и выделения идентификационных и диагностических признаков.

Обобщение приведенных закономерностей позволяет определить предмет судебной лингвистики как систему общетеоретических закономерностей судебной лингвистики и закономерностей осуществления судебно-экспертной деятельности, связанной с использованием специальных лингвистических знаний, в аспекте правового, организационного, экспертно-технологического обеспечения и системы менеджмента такой деятельности.

Исходя из приведенных закономерностей, изучаемых судебной лингвистикой и составляющих ее предмет, объектом судебной лингвистики является деятельность эксперта-лингвиста и специалиста-лингвиста, связанная с применением специальных лингвистических знаний в судопроизводстве.

Помимо судебно-экспертной деятельности и деятельности специалиста-лингвиста к объектам судебной лингвистики можно отнести и объекты экспертизы. Например, Т. В. Аверьянова рассматривает объекты судебной экспертизы как один из источников научной информации, в котором отражается предмет общей теории судебной экспертизы [Аверьянова 2006: 213], с чем необходимо согласиться.

Представляется, что функции судебной лингвистики также соотносятся с функциями судебной экспертологии, среди которых традиционно выделяют методологическую, информационную, объяснительную, синтезирующую, эвристическую, практическую и прогностическую [Основы судебной экспертизы 1997: 48-57; Россинская, Галяшина, Зинин 2016: 48-49].

Кратко рассмотрим каждую функцию применительно к судебной лингвистике как судебно-экспертной науке.

Методологическая функция судебной лингвистики связана с синтезированием и систематизацией теоретического знания, выявлением закономерностей формирования, функционирования и развития общей теории этой судебно-экспертной науки, развития и совершенствования понятий и категорий.

Информационная функция судебной лингвистики заключается в обобщенном описании ее как подсистемы системы судебной экспертологии, взаимосвязи ее элементов, в том числе судебно-экспертной деятельности, связанной с использованием специальных лингвистических знаний.

Примыкающей к информационной функции является объяснительная функция судебной лингвистики. Эта функция связана с раскрытием сущности данной судебно-экспертной науки, объяснением изучаемых ею закономерностей, причин их возникновения и существования.

Как отмечают А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская, «в теории сочетается объяснительная функция с предсказательной» [Винберг, Малаховская 1979: 27]. Судебная лингвистика как судебно-экспертная наука такую функцию также реализует: она прогнозирует развитие ее общей теории, частных теорий родов (видов) судебных экспертиз, связанных с использованием специальных лингвистических знаний, появление новых объектов в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, а также разработку подходов к изучению таких объектов и др.

Синтезирующая функция судебной лингвистики связана с процессами синтеза, систематизации научного знания с целью установления связи между различными обобщениями, гипотезами, эмпирическими законами, закономерностями в рамках теории судебно-экспертной науки; уточнения выведенных закономерностей.

Эвристическая функция проявляется в открытии новых закономерностей в генезисе, развитии, функционировании судебной лингвистики как судебно-экспертной науки.

Практическая функция судебной лингвистики состоит в практической направленности ее теории, ее использовании в практической деятельности судебного эксперта-лингвиста.

Итак, в настоящей статье нами предпринята попытка рассмотреть специальные лингвистические знания, широко применяемые в настоящее время, с позиции концепции предметных судебных наук А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской. На наш взгляд, источником таких специальных знаний является судебная лингвистика – судебно-экспертная наука, сформировавшаяся в результате трансформации данных фундаментальной науки лингвистики и являющаяся подсистемой науки современной судебной экспертологии, которая имеет обусловленную данной метанаукой специфическую структуру, закономерности и функции.

Литература

- Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006.
- Антипов Г. А. Гносеологический анализ форм взаимодействия наук / Взаимодействие наук как фактор их развития. Новосибирск, 1988.
- Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979.
- Галяшина Е. И. Судебное речеведение: учебник. М., 2020.
- Кедров Б. М. Проблемы логики и методологии науки. Избранные труды. М., 1990.
- Кузнецов В. О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе / Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. Т. 15. – № 1. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>
- Матвеева О. Н., Вязигина Н. В., Холоденко Ю. В. и др. Судебная лингвистика: монография. Барнаул, 2015.
- Основы судебной экспертизы. Ч. 1. Общая теория / Отв. ред. Ю. Г. Корухов. М., 1997.
- Основы судебной экспертологии: учебно-методическое пособие. М., 2023. URL: <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-267-9-2023>
- Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40).
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Под ред. Е. Р. Россинской. М., 2016.
- Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / Под науч. ред. В. Ф. Орловой. М., 2006.
- Сычева Л. С. Пути формирования «стыковых» наук / Взаимодействие наук как фактор их развития. Новосибирск, 1988.
- Чеснокова Е. В., Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Никулина М. В. Искусственный интеллект в судебной экспертологии / Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 60-77. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-60-77>.

References

- Antipov, G. A. (1988). Epistemological analysis of forms of interaction of sciences / Interaction of sciences as a factor of their development. Novosibirsk (in Russian).
- Aver'yanova, T. V. (2006). Forensic science. General theory course. Moscow (in Russian).
- Chesnokova, E. V., Usov, A. I., Omel'yanyuk, G. G., Nikulina, M. V. (2023). Artificial Intelligence in Forensic Expertology. Theory and Practice of Forensic Science, 18 (3), 60-77 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-60-77>
- Forensic handwriting examination (2006): general part: theoretical and methodological foundations. V. F. Orlova (Ed). Moscow (in Russian).
- Fundamentals of Forensic Expertology (2023): Educational and Methodological Guide. Moscow (in Russian). URL: <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-267-9-2023>
- Galyashina, E. I. (2020). Forensic speech science: textbook. Moscow (in Russian).
- Kedrov, B. M. (1990). Problems of logic and methodology of science. Selected works. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, V. O. (2020). On the issue of expert terms in forensic linguistics. Theory and practice of forensic science, 15 (1), 29-41 (in Russian) <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>
- Matveeva, O. N., Vyazigina, N. V., Kholodnenko, Yu. V., et al. (2015). Forensic linguistics: monograph. Barnaul (in Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2015). Modern judicial expertology – the science of forensics and forensic activities. Theory and Practice of Forensic Science, 4 (40), 10-18 (in Russian).
- Rossinskaya, E. R., Galyashina, E. I., Zinin, A. M. (2016). Theory of forensic examination (Forensic expertology). E. R. Rossinskaya. (Ed). Moscow (in Russian).
- Sycheva, L. S. (1988). Paths of formation of “joint” sciences. Interaction of sciences as a factor of their development. Novosibirsk (in Russian).
- The basics of forensic science (1997). Part 1. General theory. Yu. G. Korukhov (Ed). Moscow (in Russian).

Vinber, A. I., Malakhovskaya, N. T. (1979). Forensic expertology (General theoretical and methodological problems of forensic examinations). Volgograd (in Russian).

Citation:

Кузнецов В. О. Судебная лингвистика: сущность, структура, закономерности, функции // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 90-98.

Kuznetsov V. O. (2024) Forensic Linguistics: Essence, Structure, Regularities, Functions. Legal Linguistics, 32, 90-98.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Информационный материал как объект междисциплинарных судебно-экспертных исследований в контексте расследования «речевых правонарушений»

Т. Н. Секераж

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
Хохловский пер., 13с2, 109028, Москва, Россия. E-mail: t.sekerazn@sudexpert.ru*

Трансформация сферы социальной активности человека и его взаимодействия с информацией и другими людьми помимо положительных аспектов имеет и негативные последствия. К их числу относится расширение спектра противоправных действий, осуществляемых в интернете и с использованием электронных устройств. Благодаря стремительному развитию коммуникативных технологий акценты противоборства, в том числе и деятельность террористических и экстремистских объединений, существенно сместились в информационную сферу. С учетом роста преступных действий, совершение которых стало возможно с развитием коммуникационных интернет-технологий, были изменены некоторые нормы уголовного и административного законодательства. Так, в качестве квалифицирующего признака ряда деяний законодателем введено использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Долгое время использовавшееся неофициальное название для таких деяний – «речевые правонарушения» – сегодня уже в полной мере не отражает их специфику, хотя остается довольно удобным, категоризирующим. В настоящее время в связи с объектом исследования все больше говорится не о речевой, а о коммуникативной деятельности человека, а в качестве объекта экспертизы выступает информационный материал. Сложность объектов в ряде случаев требует междисциплинарных подходов и интеграции специальных знаний из различных областей знания. Речь идет о комплексном исследовании в рамках существующих в СЭУ Минюста России родов (видов) судебных экспертиз – психологической, лингвистической, а также новых – политологической, религиоведческой. Актуальность таких исследований обусловлена государственной политикой по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также противодействию деструктивной (разрушительной) идеологии в российском обществе, экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: судебная экспертиза, информационный материал, речевое правонарушение, доказательство правонарушения, междисциплинарные исследования.

Information Content as Subject of Interdisciplinary Research in the Context of Investigating Speech Offenses

T. N. Sekerazh

*Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation
13 Khokhlovsky pereulok, stroenie 2, 109028, Moscow, Russia. E-mail: t.sekerazn@sudexpert.ru*

The transformation of human community relief and interaction with information and people has both positive and negative consequences. One of these is the increase in online illegal acts conducted through electronic devices. This is due to the rapid development of communication technologies, which has led to a shift in the focus of opposite movements, including those by terrorist and extremist groups, towards the information sphere. As a result of the growth of criminal acts facilitated by the Internet communication technologies, some norms of criminal and administrative law have been revised. The use of media, information and communication networks including the Internet has been introduced as an aggravating factor for certain offenses. For a long time, the informal term used for these actions - "speech offences" - no longer accurately describes their complexity, but it is still useful for categorization. Currently, due to the nature of the research, more attention is being paid to human communication rather than speech and information content is the focus of analysis. This complexity of these subjects

requires an interdisciplinary approach and integrate knowledge from various fields. We have conducted a comprehensive study of types of forensic examination existing at the SEU under the Ministry of Justice - psychological, linguistic, and new ones such as political and religious. The importance of this research lies in the government's efforts to preserve and strengthen traditional Russian values as well as combat destructive ideologies and extremism in Russian society.

Key words: forensic examination, information content, speech offense, evidence of wrongdoing, interdisciplinary research.

Развивающиеся информационно-коммуникационные технологии расширяют возможности распространения, получения и обмена информацией, что приводит к трансформации многих видов социальной активности человека, их перемещению в электронно-коммуникационные сети и тем самым их доступности, упрощению, облегчению, расширению. Однако положительные последствия трансформации сферы социальной активности человека и его взаимодействия с информацией и другими людьми неминуемо сопровождаются различными издержками и негативными тенденциями. К числу таких негативных последствий относится расширение спектра противоправных действий, осуществляемых в интернете и с использованием электронных устройств. Исследователи отмечают, что в современном мире благодаря стремительному развитию коммуникативных технологий акценты противоборства, в том числе и деятельность террористических и экстремистских объединений, существенно сместились в информационную сферу. Для вовлечения в экстремистские или террористические организации подростков и молодежи как наиболее внушаемой категории граждан широко распространены специальные сайты и чаты для этого целевого адресата [Гайворонская, Фомина, Аманжолова 2020]. Некоторые нормы уголовного и административного законодательства были изменены с учетом роста преступных действий, совершение которых стало возможно с развитием коммуникационных интернет-технологий. Так, в качестве квалифицирующего признака ряда деяний законодателем введено использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (например, ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 242, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 282 УК РФ, ст. 20.3.1., ч. 2 ст. 20.3.2 КоАП РФ). При совершении иных преступлений интернет-технологии используются в качестве средства коммуникации как между правонарушителем и потерпевшим, так и между соучастниками преступной деятельности.

Появились неофициальные названия для таких деяний. Одним из них и наиболее распространенным является понятие «речевые правонарушения».

Еще в начале века в уголовном и гражданском законодательстве России насчитывали несколько видов таких правонарушений: унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление, клевета, распространение материалов противоправного содержания, пропагандирующих расовое и национальное превосходство или неполноценность, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, массовым беспорядкам и др. Профессор А. Р. Ратинов видел их особенность в том, что «совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, то есть текстов, распространяемых в средствах массовой информации. В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам *Corpus delicti*, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки» [Ратинов 2004: 104]. Е. И. Галяшина отмечает, что такие правонарушения совершаются «посредством вербального поведения, <...> звучащих текстов, распространяемых по звуковому каналу и фиксируемых на материальном носителе, либо обычных письменных текстов» [Галяшина 2003: 29]. Другими исследователями такие деяния именуется «речевым экстремизмом», или «экстремистскими речевыми действиями» [Кузнецов, Оленников 2014]; «языковыми преступления» [Золотарёва 2011] и др.

Однако средства совершения так называемых речевых правонарушений не ограничиваются продуктами речевой деятельности (текстами, высказываниями и др.), оценке подлежат не только устная и письменная речь, но и аудиовизуальная продукция, а также невербальная коммуникация (осуществляемая посредством жестов, мимики, изображений и др.) [Кроз, Ратинова 2016]. В экспертной практике произошел стремительный рост новых видов объектов, а именно: материалов, содержащих существенную невербальную составляющую (так называемых креолизованных, или поликодовых, текстов); объектов, не имеющих вербальной составляющей (изображений); сложных комбинированных объектов (с многоуровневыми связями между вербальными и невербальными компонентами; зафиксированных неречевых коммуникативных действий, в связи с чем понятие текста перестало в полной мере отражать сущность объекта экспертизы. Помимо текстов в виде книг, статей, заметок, записок, заявлений, договоров, речей, в круг объектов вошли многообразные материалы интернет-коммуникации (медиатексты и тексты электронной коммуникации), в числе которых – аудиоролики и видеоролики в сочетании с сообщениями, комментариями пользователей, короткие видеоролики без комментариев (характерные для приложения TikTok и его аналогов) и прочие объекты, вариативно сочетающие в себе различные формы подачи информации. Качественно меняются на данном этапе развития и медиатексты, представляя «синкретическое единство словесных, зрительных и слуховых компонентов».

В связи с этим сегодня в аспекте объекта лингвистической экспертизы, комплексной психолого-лингвистической экспертизы уже говорится не столько о речевой, сколько о коммуникативной деятельности человека [Матвеева и др. 2016; Секераж, Кузнецов 2019]¹.

В законе такие объекты обобщенно именуется информационной продукцией (в контексте федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»), информацией (сведениями, данными), материалами (например, экстремистские материалы в контексте федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», как «предназначенные для распространения либо публичного демонстрирования документы либо информация на иных носителях»), т. е. ключевым является понятие информации.

Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация рассматривается как объект публичных, гражданских и иных правовых отношений, подразделяется на несколько видов, одним из которых является такая информация, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается (ст. 5). Ограничение доступа к информации устанавливается в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 9). Запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность (п. 6 ст. 10). В 2020 году введена статья 10.6, которая определяет особенности распространения информации в социальных сетях. Так, владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет» (и др. под.) обязан соблюдать требования законодательства Российской Федерации, в частности:

1) не допускать использование сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системы (и др. под.) в целях совершения уголовно наказуемых деяний, разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань;

2) не допускать распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями;

3) соблюдать запреты и ограничения, предусмотренные законодательством Российской Федерации о референдуме и законодательством Российской Федерации о выборах;

4) соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций;

5) осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления:

а) материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

б) информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений;

в) информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства;

г) информации, нарушающей требования Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 11 ноября 2003 года N 138-ФЗ «О лотереях» о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети «Интернет» и иных средств связи;

д) информации, содержащей предложения о розничной продаже дистанционным способом алкогольной продукции, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, и (или) этилового спирта, и (или) спиртосодержащей непищевой продукции, розничная продажа которой ограничена или запрещена законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции;

е) информации, направленной на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц;

ж) информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации;

¹ См. также: Типовая межведомственная методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма, которая была разработана в 2016 году, утверждена НАК России в 2019 году (Протокол № 11/П/2-184).

з) информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности <...>.

В Федеральном законе № 149-ФЗ информация трактуется как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Словари определяют информацию как сообщение о состоянии дел где-л., о каких-л. событиях, процессах и т. п.; сведения о положении дел в окружающем мире, его свойствах, протекающих в нем процессах [Кузнецов 2000: 397]. Одним из значений слова материалы также являются «данные, сведения, источники, служащие основой для чего-л., доказательством чего-л.» [Кузнецов 2000: 524]. Под информационной продукцией в законодательстве понимаются «предназначенные для оборота на территории Российской Федерации продукция средств массовой информации, печатная продукция, аудиовизуальная продукция на любых видах носителей, программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ) и базы данных, а также информация, распространяемая посредством зрелищных мероприятий, посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", и сетей подвижной радиотелефонной связи» (ст. 2 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

В теории доказывания [Белкин 2007] и в уголовном процессе доказательствами служат любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 74 УПК РФ). В качестве доказательств допускаются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания эксперта; 3.1) заключение и показания специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы.

В ст. 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (действующая ред.) документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения.

В качестве вещественных доказательств признаются любые предметы, которые в том числе служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, а также иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Такими предметами и документами могут быть зафиксированные на материальном носителе сведения (информация), представляющие собой продукты речевой или коммуникативной деятельности человека, которые могут являться доказательствами обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Таким образом, ключевыми в законодательстве применительно к так называемым речевым правонарушениям (особенно в сфере противодействия экстремизму, терроризму, деструктивной идеологии), выражающимся не в виде «заявления», «призыва» и т. п., а в виде распространения определенных материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти, на «формирование идеологии терроризма», на «формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений» и др., являются понятия информации и информационного характера сведений. Причем эти сведения, информация имеют определенные характеристики, отличающие их от понимания информации в технических и естественных науках.

Поэтому в процессе формирования нового направления в рамках рода судебной психологической экспертизы вследствие естественного процесса дифференциации знаний в его название был включен информационный материал как объект таких психологических исследований (психологическая экспертиза информационных материалов) [Секераж 2019]. Сегодня информационные материалы – это общий объект исследования экспертов разных специальностей, он включен в название новых направлений судебной экспертизы [Галаева, Гулевская, Омелянюк 2023; Усов, Омелянюк, Хазиев, Галаева, Гулевская 2023], используется и в практике судебной лингвистической экспертизы [Кузнецов 2024].

Таким образом, предметы и документы, подлежащие исследованию, оценке и проверке как доказательства или источники доказательств, в том числе с применением специальных знаний (в психологии, политологии, лингвистике, и др.), мы назвали «информационными материалами». Такое наименование избрано, исходя из существа подлежащих исследованию объектов, намеренным сужением понятия информации, а также в целях разграничения с информационными объектами, информационными системами и процессами. Под информационными материалами мы понимаем любые объекты, содержащие какие-либо сведения о положении дел в окружающем мире, его свойствах, протекающих в нем процессах, а также об интенциональности его автора (публикатора), его состояниях и установках.

Информационный материал создается (производится) и/или используется его автором/публикатором (коммуникантом) в процессе речевой или коммуникативной деятельности или поведения либо отражает коммуникативные действия и события, имеющие юридическое значение. Важным функциональным признаком информационного материала является его включенность в общение между людьми, в обмен информацией, в коммуникативную и социальную деятельность субъектов. Основными характеристиками информационных материалов являются форма, содержание и направленность. По форме, содержанию и направленности информационные материалы многообразны. Содержание и направленность информационного материала

приобретают значимость в определенном юридическом контексте.

Информационный материал может представлять собой коммуникационный инструмент, а может отражать коммуникацию (действия и поведение людей, их взаимодействие – речевое (вербальное) и/или неречевое (невербальное)) – либо фиксировать коммуникацию. В первом случае информационный материал может представлять собой вещественное доказательство, в иных являться документом как видом доказательств, быть источником сведений о содержании и направленности требующих правовой оценки речевых и коммуникативных действий людей. В этом заключается процессуальная сущность информационных материалов как объектов судебной экспертизы.

Литература

- Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007.
- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.
- Гайворонская И. Б., Фомина Т. Ф., Аманжолова Б. А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет / Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152-165. doi:10.17759/psylaw.2020100411
- Галаева О. В., Гулевская В. В., Омелянюк Г. Г. Судебная политологическая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России / Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. No 1. С. 30-43. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-1-30-43>
- Галышина Е. И. Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М., 2003.
- Золотарёва Ю. А. О дефиниции термина «Языковое преступление» / Политическая лингвистика. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-definitsii-termi-na-yazykovoe-prestuplenie>.
- Кузнецов В. О. Актуализация российского законодательства о речевых правонарушениях и судебные экспертизы гуманитарного профиля / Юрислингвистика. 2024. № 31. С. 71-77. doi: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3112](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3112)
- Кроз М. В., Ратинова Н. А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов / Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С. 146-155.
- Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание) / 2-е изд. испр. и доп. М., 2014.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2022.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
- Ратинов А. Р. Послесловие юриста. Когда не стесняются в выражениях... / Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004. С. 101-116.
- Секераж Т. Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности. Теория и практика судебной экспертизы. 2019. №14(1). С. 35-43. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
- Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Исследования информационных материалов – актуальное направление судебно-экспертной деятельности. Закон. 2019. № 10. С. 80-89.
- Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности: монография. / Под ред. канд. филол. наук О.Н. Матвеевой. Барнаул, 2016.
- Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В.В. Судебная этиковедческая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России / Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. No 3. С. 6–15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-6-15>.

References

- Belkin, A. R. (2007). Theory of Evidence in Criminal Proceedings. Moscow (In Russ.)
- A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language, edited by S.A. Kuznetsov (2000). (In Russ.).
- Gaivoronskaya, I. B., Fomina, T. F., Amanzholova, B. A. Online Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations. Psychology and Law, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152-165. DOI:10.17759/psylaw.2020100411 (In Russ.).
- Galaeva, O. V., Gulevskaya, V. V., Omelyanyuk, G. G. Forensic Political Expertise: An Innovative Direction of Forensic Practice in the System of the Russian Ministry of Justice. Theory and Practice of Forensic Science. 2023. Vol. 18. No 1. P. 30-43. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-1-30-43>
- Galyashina, E. I., Gorbanevsky, M. V. (Eds.) (2021). Fundamentals of Judicial Speech: A Monograph (In Russ.).
- Zolotareva, Yu. A. On the definition of the term "language crime" / Political linguistics. 2011. No. 3. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. O. (2024). Updating of the Russian Legislation on Speech Offenses and Forensic Examinations of Humanitarian Profile. Legal Linguistics, 31, 71–77. (In Russ.). doi: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3112](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3112)

- Kroz, M. V., Ratinova, N. A. History and current state of forensic analysis of extremist materials / Theory and Practice of Forensic Science. 2016. No. 3 (43). P. 146-155. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-146-154/>
- Kuznetsov S. A., Oleyniko, S. M. (2014). Expert Research on Cases of Recognizing Information Materials as Extremist: Theoretical Foundations and Methodological Guidance (2nd ed.). Moscow (In Russ.).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekerazh, T. N. (2011). Theoretical and Methodical Bases of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts on the Affairs Connected with Counteraction to Extremism. Moscow (In Russ.).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekerazh, T. N. (2022). Methodology for the Conducting Forensic Psycholinguistic Inquiry of Materials in Cases Involving Counteracting Extremism and Terrorism. Moscow (In Russ.)
- Ratinov, A. R. (2004). The Lawyer's Afterword. When They Are Not Shy in Their Expressions... Concepts of Honor, Dignity and Business Reputation: Controversial Media Texts and Problems of Their Analysis and Evaluation by Lawyers and Linguists. 2nd Edition, Revised and Additional. Edited by A. K. Simonov and M. V. Gorbanevsky. Moscow, 2004. Pp. 101-116. (In Russ.)
- Sekerazh, T. N. Psychological Analysis of Informational Materials: Establishing a New Type of Forensic Psychological Evaluation and a New Forensic Science Specialty. Theory and Practice of Forensic Science. 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 35-43. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
- Sekerazh, T. N., Kuznetsov, V. O. Research of Information Materials is an Actual Direction of Forensic Expert Activity. Law. 2019. No. 10. pp. 80-89.
- Judicial Examination in Cases of Extremist Crimes: A Monograph. Edited by O. N. Matveeva, Candidate of Philological Sciences. Barnaul, New Format, 2016. (In Russ.).
- Usov, A. I., Omel'yanyuk, G. G., Khaziev, Sh. N., Galaeva, O. V., Gulevskaya, V. V. Forensic Ethics Examination as a New Direction of Forensic Expert Activity of the Russian Ministry of Justice. Theory and Practice of Forensic Science. 2023. Vol. 18. No. 3. P. 6-15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-6-15>.

Citation:

Секераж Т. Н. Информационный материал как объект междисциплинарных судебно-экспертных исследований в контексте расследования «речевых правонарушений» // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 99-104.

Sekerazh T. N. (2024) Information Content as Subject of Interdisciplinary Research in the Context of Investigating Speech Offenses. Legal Linguistics, 32, 99-104.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проявление агрессии в речи зарубежных политиков (на материале речей Э. Трасс)

А. В. Федина¹, И. А. Широких²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹annaxfedina@gmail.com, ²shirokih.irina@mail.ru

В настоящей статье рассматривается феномен вербальной агрессии с точки зрения ее реализации в современном политическом дискурсе. Предлагаются толкования понятий «агрессия» и «вербальная агрессия», предложенные как зарубежными, так и отечественными исследователями, в контексте психологии и лингвистики. Рассматривается влияние на проявление агрессии в политической коммуникации экстралингвистических факторов, таких как многочисленные международные конфликты и неудачи политической деятельности Элизабет Трасс, а также изучаются различные способы воздействия на аудиторию посредством использования определенных языковых средств с целью убеждения. Актуальность феномена вербальной агрессии в современной политической коммуникации подтверждается примерами из публичных выступлений различных зарубежных политических деятелей. Проводится анализ языковых средств выражения агрессии в сфере политического дискурса: теоретические положения о классификации языковых средств на различных языковых уровнях, предложенной И. В. Арнольд и И. Р. Гальпериным, сопровождаются примерами из текстов публичных выступлений бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Великобритании Элизабет Трасс. В своих публичных выступлениях оратор целенаправленно использует различные языковые средства, содержащие в себе агрессивную коннотацию и направленные на нагнетание агрессии. Целью становится оказание определенного воздействия на аудиторию, а также влияние на ее представления о конкретных событиях в нужном для ратора ключе. Таким образом, настоящее исследование предлагает анализ различных языковых средств, которые содержатся в публичных выступлениях современных политических деятелей и несут в себе агрессивную коннотацию, на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом.

Ключевые слова: агрессия, политический дискурс, международный конфликт, языковые средства.

Aggression in the Public Speeches of Foreign Politicians (Based on the Public Speeches of Elizabeth Truss)

A. V. Fedina¹, I. A. Shirokikh²

Altai State University

Lenin St. 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹annaxfedina@gmail.com, ²shirokih.irina@mail.ru

The article examines the phenomenon of verbal aggression from the point of view of its manifestation in the sphere of political discourse. The article offers interpretations of the concepts of "aggression" and "verbal aggression" provided by both foreign and domestic researchers in terms of psychology and linguistics. The article also examines the influence of extralinguistic factors on the manifestation of aggression in political communication, such as numerous international conflicts and the failures of Elizabeth Truss's political activities, as well as the ways of influencing the audience through the use of certain linguistic means. The relevance of the phenomenon of verbal aggression in the sphere of political communication is proved by examples from public speeches by foreign politicians. The analysis of linguistic means expressing aggression in the sphere of political discourse is carried out: theoretical aspects of the classification of linguistic means at various linguistic levels provided by I. V. Arnold and I. R. Galperin are accompanied by examples from the extracts of public speeches by former Foreign Minister and ex-Prime Minister of the UK Elizabeth Truss. The speaker purposefully uses various linguistic means containing an aggressive connotation and aimed at escalating the aggression. The goal is to influence the audience in the most beneficial manner for the speaker. Thus, the research contains the analysis of various linguistic means, presented in public speeches of foreign politicians and containing an aggressive connotation, at different linguistic levels – phonetic, lexical, and grammatical.

Key words: aggression, political discourse, international conflict, linguistic means.

В настоящее время в мире происходит большое количество социально-политических перемен, что приводит к значительным изменениям в сфере политической коммуникации. В частности, на фоне международных конфликтов можно наблюдать значительную долю агрессивных действий, которые выражаются не только через поступки и поведение людей, но, даже в большей степени, через речь, которая способна быть главным орудием влияния на ту или иную аудиторию. Проблема языка и формирования мнения не может считаться нейтральной областью исследования в лингвистике, т. к. она связана с вопросами языка и политики, идеологической борьбы, которые имеют отношение не только к лингвистике, но и к философии, психологии, психолингвистике и социолингвистике.

Отношение неприязни, враждебности и неодобрения отчетливо проявляются там, где присутствует конфликтная ситуация на международном уровне. В свою очередь, изучение лингво-риторических особенностей ораторской речи политиков, в которой имеют место языковые средства, несущие агрессивную коннотацию, предопределяет актуальность настоящего исследования. Данная статья представляет собой исследование в области политического дискурса, риторики, лингвистики на базе языкового анализа политического текста как одной из составляющих политической коммуникации.

В качестве объекта исследования выступает речевое поведение в сфере политического дискурса. Предметом исследования являются языковые способы выражения агрессии в политической речи.

Материалом исследования послужили следующие тексты речей Э. Трасс, полученные из интернет-источников: OSCE Ministerial Council 2021: UK national statement (02.12.2021); Russia's aggression towards Ukraine: Foreign Secretary's statement (06.01.2022); Foreign Secretary's keynote speech in Ukraine (17.02.2022); OSCE meeting on Russia's military operation against Ukraine: UK Foreign Secretary's statement (24.02.2022); UK support for Ukraine following Russia's invasion: Foreign Secretary's statement (28.02.2022); United Nations Human Rights Council: Foreign Secretary's statement (01.03.2022); The era of complacency is over: Atlantic Council Makins lecture 2022 by the Foreign Secretary (10.03.22); Prime Minister Liz Truss's statement (06.09.2022); Prime Minister Liz Truss's speech to the UN General Assembly (21.09.2022); Liz Truss's Tory conference speech (05.10.2022). Выбор обусловлен стремлением увидеть динамику в использовании языковых средств выражения агрессии, главным образом, по отношению к России в речах Э. Трасс в период ее пребывания в должности министра иностранных дел, а затем премьер-министра Великобритании.

Новизна данного исследования предопределяется тем, что, насколько нам известно, выступления Элизабет Трасс еще не подвергались лингвистическому анализу с точки зрения использования языковых средств выражения агрессии.

Теоретической базой данной статьи послужили труды представителей отечественного и зарубежного языкознания и психологии: Р. Бэрона и Д. Ричардсона [Бэрон, Ричардсон 2001], К. Ф. Седова [Седов 2003], Е. И. Шейгал [Шейгал 1999], Ю. В. Щербининой [Щербинина 2008], А. Басса [Buss 1971].

Исследование проводилось на основе метода анализа, позволяющего изучить основные приемы, используемые в политическом тексте; описательно-аналитического метода, предполагающего описание и анализ речевых приемов как языковых механизмов воздействия на адресата; индуктивного метода, позволяющего на основе рассмотрения частных случаев употребления тех или иных языковых приемов сделать более общие выводы по вопросам данного исследования.

Агрессия как феномен уже давно является предметом исследования различных наук, к которым относятся лингвистика, социология, психология, педагогика и другие науки, изучающие деятельность и мышление человека. Каждое научное направление дает свое толкование указанного понятия в соответствии со своими задачами, методами и категориями.

С точки зрения психологии, американские психологи Р. Бэрон и Д. Ричардсон трактуют понятие «агрессия» как «любую форму поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрон, Ричардсон 2001: 26]. Авторы диагностики состояния агрессии А. Басс и А. Дарки в своей классификации видов агрессии по физической природе выделяют вербальную агрессию как противопоставление физической [Buss 1971].

Вербальная агрессия стала предметом изучения лингвистов относительно недавно, поскольку лингвистика коммуникации и теория речевых актов начали полноценно развиваться только во второй половине XX века. Лишь тогда возникла необходимость выделения речевой агрессии как отдельного явления, требующего лингвистического изучения. Феномен речевой агрессии до сих пор остается открытым вопросом для лингвистов. Ученые и исследователи пока не пришли к единому мнению касательно определения данного понятия.

Представляется возможным утверждать, что трудности, связанные с определением понятия «речевая агрессия», заключаются в том, что данный феномен нельзя рассматривать как единую форму поведения, отражающую какое-то одно побуждение или намерение. Этот термин употребляется применительно к широкому спектру речевых действий, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности.

Определение вербальной агрессии в самом общем виде дает Ю. В. Щербинина. Согласно исследовательнице, «речевая (вербальная, словесная) агрессия – это проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [Щербинина 2008: 13].

Многие исследователи, занимающиеся проблемой агрессии, в частности вербальной, предпринимали попытки систематизировать и классифицировать проявления этого понятия в речи, но, как и в случае с определением, в настоящее время не существует одной общепринятой классификации. Вербальная агрессия имеет множество различных классификаций [Басс 2001; Щербинина 2008; Шейгал 1999; Седов 2003]. Это объясняется многообразием как самих агрессивных высказываний, так и речевых ситуаций, в которых они используются. Сложность и многополярность существующих классификаций еще раз доказывает, что вербальная агрессия является многоаспектным явлением и может быть выражена во множестве разнообразных форм.

Вербальная агрессия активно изучается в контексте политического дискурса. Пристальный интерес лингвистов обусловлен тем, что речь в политическом дискурсе является главным инструментом воздействия на людей.

Характерной чертой политической коммуникации является безжалостное навязывание политиком своих собственных убеждений и намерений в ущерб оппоненту. С помощью языка политик старается внедрить в сознание аудитории свое видение картины мира, а также оценочное и эмоциональное отношение к ее составляющим. Многочисленность и разнообразие риторических средств, используемых в политическом дискурсе, отвечают основной цели оратора – не просто проинформировать, а убедить и побудить к действию.

Целью политической коммуникации, ее основной темой и движущим мотивом является борьба за власть, а содержание сводится к публичному обсуждению вопросов власти [Шейгал 2004]. Во время предвыборных кампаний, а также в период пребывания в определенных государственных должностях, политики нередко совершают различные действия (в том числе речевые), содержащие в себе агрессию в сторону других лиц, поскольку часто имеют цель обострить ситуацию и выставить оппонента в плохом свете.

Использованию вербальной агрессии также способствует обстановка на международной арене. В данный момент мир сталкивается с невероятным количеством проблем разного характера: экономический кризис, политические разногласия, социальные и этнические волнения, военные конфликты. Напряженная ситуация в странах Европейского Союза, ослабление гегемонии США, соперничество Америки и Китая за мировое экономическое господство, обострившееся противостояние России и США в вопросе расширения НАТО в сторону российских границ – все эти факторы способствуют нарастанию речевой агрессии в современном политическом дискурсе. Наряду с вышеперечисленными составляющими современной геополитической ситуации, центральным вопросом на повестке дня во всем мире, начиная с февраля 2022 года, является специальная военная операция в Украине. Данное событие оказало сильное влияние на риторику зарубежных политических деятелей.

Одним из основных признаков агрессии в речи политических деятелей является намеренное использование в отношении России лексики, связанной с военными преступлениями, которая также представляет собой открытое обвинение.

*Russia **invaded** Georgia in 2008. It **illegally annexed** Ukraine's Crimea in 2014. It has used increasingly aggressive rhetoric towards other neighbouring countries. These are all manifestations of its **imperialistic and colonial ambitions**.*

(Э. Левумс, "Latvian State President Egils Levits addressed the 77th session of the United Nations General Assembly", 21.09.2022)

Помимо этого, характерной чертой выступлений современных политиков в контексте отношений между Россией и Украиной является многократное использование прилагательных с негативной коннотацией, которые способствуют нагнетанию агрессии.

*The current war is **incomprehensible, absurd and horrendous**.*

(А. Карус, "Alar Karis to UN: Hesitance to take sides encourages Russia, undermines UN", 22.09.2022)

Одной из целей вербальной агрессии в политическом дискурсе является понижение политического статуса оппонента, что объясняет широкое применение так называемой стратегии дискредитации как одного из способов реализации агрессии. Данная стратегия характеризуется направленностью на соперника, стремлением развенчать его позиции. Эта стратегия реализуется с помощью таких тактик, как обвинение, упрек, констатация некомпетентности противника, признание чужой точки зрения или действий неверными и даже употребления прямого оскорбления.

*Putin **has the gall to say he's "de-Nazifying" Ukraine. It's a lie. It's just cynical. He knows that. And it's also obscene.***

(Дж. Байден, "Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine", 26.03.2022)

Данный пример демонстрирует резкую критику и эксплицитную вербальную агрессию, реализованную с помощью различных стилистических средств, в речи президента США в адрес лично В. В. Путина и его внешней политики без отождествления его с государством.

В риторике многих зарубежных политиков вербальная агрессия строится на оппозиции «свой – чужой», где компонент «свой» соотносится с лексическими единицами с ярко выраженной положительной коннотацией, а «чужой» представлен при помощи лексем с отрицательной коннотацией.

We will not accept the campaign Russia is waging to subvert its democratic neighbours. It is accompanied by baseless rhetoric and disinformation. They falsely cast Ukraine as a threat to justify their aggressive stance. They falsely accuse NATO of provocation.

(Э. Трасс, "Russia's aggression towards Ukraine: Foreign Secretary's statement", 06.01.2022)

Данная стратегия строится на принципе антитезы, то есть противопоставления положительного образа государства, которое представляет оратор, и отрицательного образа оппонента. Притяжательное местоимение *our* словно подчеркивает исключительность и правильность политики государств выступающих.

На протяжении всей своей политической карьеры Элизабет Трасс занимала различные должности, но самыми значимыми были пост министра иностранных дел и пост премьер-министра Великобритании. Противоречивость политических взглядов, сомнительная политическая программа и ее исполнение стали причиной скоростного и позорного краха Э. Трасс как премьер-министра, что закрепило за ней статус премьер-министра Великобритании с самым коротким сроком пребывания в должности.

Нами было проанализировано десять публичных выступлений Э. Трасс, и в каждом из них в той или иной степени проявлялась вербальная агрессия. При проведении анализа средств выражения вербальной агрессии мы следовали классификациям, предложенным И. В. Арнольд и И. Р. Гальпериным [Арнольд 2006; Гальперин 1981].

Для создания выразительности и образности речи используются различные фоностилистические приемы.

Аллитерация – повтор согласных или гласных звуков в начале близко расположенных ударных слогов. Данный прием направлен на придание высказыванию экспрессивности.

*We will defend democracy at the **frontier of freedom** in Eastern Europe, and around the world.*

(выступление Э. Трасс «Russia's aggression towards Ukraine: Foreign Secretary's statement», от 06.01.22)

Ассонанс – повторение ударных гласных внутри фразы или предложения. Посредством использования ассонанса ритор добивается определенного ритма высказывания, словно чеканит шаг.

*Moscow has run a long campaign to subvert freedom and democracy in Ukraine, from the **invasion** of 2014 to **cyberattacks**, **disinformation** and the **weaponisation** of energy supplies. That means investing in **defence** and **deterrence**, and **pressing on** with NATO's rapid modernisation.*

(выступление Э. Трасс «Russia's aggression towards Ukraine: Foreign Secretary's statement», от 06.01.22)

Если говорить о стилистических средствах воздействия на аудиторию на лексическом уровне, основными являются тропы – изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в преобразованном значении.

Метафора – скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго. В приведенных ниже примерах оратор использует расширенную метафору, обладающую резко негативной коннотацией, что является прямым выражением вербальной агрессии.

*In Afghanistan, we need to work together to stop the country becoming **a hotbed of terrorism** and falling into humanitarian disrepair.*

(выступление Э. Трасс «OSCE Ministerial Council 2021: UK national statement», от 02.12.2021)

*At the same time, they are backing the repressive actions of the Lukashenko regime in Belarus, **sowing the seeds of discord** in the Western Balkans, and threatening our friends in the Baltic.*

(выступление Э. Трасс «Russia's aggression towards Ukraine: Foreign Secretary's statement», от 06.01.22)

Метонимия – троп, основанный на ассоциации по смежности. Данный троп позволяет избежать прямого названия предметов и явлений и таким образом представляет собой один из вариантов реализации неявной, скрытой агрессии.

*The invasion of Ukraine is a paradigm shift on the scale of **9/11**.*

(выступление Э. Трасс «The era of complacency is over: Atlantic Council Makins lecture 2022 by the Foreign Secretary», от 10.03.22)

Синекдоха – разновидность метонимии, состоящая в замене одного названия другим по признаку партитивного количественного отношения между ними. Данный троп позволяет достичь высокой степени обобщения и делает высказывание более ярким и экспрессивным, что также позволяет риторике добавить своей речи убедительности и твердости.

***The West** needs to wise up. **The world** is watching to see whether their actions contribute to peace and stability, or to fuelling aggression.*

(выступление Э. Трасс «Foreign Secretary's keynote speech in Ukraine», от 17.02.22)

Антономасия – переход собственных имен в нарицательные, или превращение слова, раскрывающего суть характера, в собственное имя персонажа, или замена собственного имени названием связанного с данным лицом события или предмета. В приведенном ниже примере данный троп используется в отношении имени другого политика, что в политическом дискурсе представляет собой открытое выражение недовольства и агрессивной настроенности оратора по отношению к человеку, о котором он говорит.

*If we are to persuade Putin and future **Putins** that we are serious, we need to do things differently.*

(выступление Э. Трасс «The era of complacency is over: Atlantic Council Makins lecture 2022 by the Foreign Secretary», от 10.03.22)

Ирония – выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности

стоит порицание. В приведенном примере данный троп используется для выражения неодобрения оратора и его негативной настроенности по отношению к предмету высказывания.

President Putin's so-called 'precision strikes' have already destroyed apartment blocks and killed, wounded, and displaced innocent civilians.

(выступление Э. Трасс «OSCE meeting on Russia's military operation against Ukraine: UK Foreign Secretary's statement», om 24.02.22)

Олицетворение – перенесение свойств человека на отвлеченные понятия и неодушевленные предметы. В политических выступлениях данный троп используется для описания действий отдельных стран или структур, что создает в голове слушателя некий образ государства, который, по сути, представляет собой совокупность действий определенных лиц, находящихся у власти. В приведенных ниже примерах с помощью олицетворения выражается агрессия ратора в отношении отдельного государства и структуры, его представляющей, что влияет и на восприятие происходящих событий аудиторией.

The spectre of Russian aggression has long hung over Eastern Europe. Today it menaces our friends in Ukraine, and threatens security and stability for us all. Russia claims that it's being threatened.

(выступление Э. Трасс «Foreign Secretary's keynote speech in Ukraine», om 17.02.22)

The Kremlin has turned its back on those commitments, with devastating implications for Ukraine and the wider region.

(выступление Э. Трасс «OSCE meeting on Russia's military operation against Ukraine: UK Foreign Secretary's statement», om 24.02.22)

Перифраз – замена названия предмета описательным оборотом с указанием его существенных, характерных признаков. В приведенном ниже примере при помощи использования перифраза оратор избегает названий конкретных государств и вместо них использует выражения с ярко негативной коннотацией, описывая их самые важные и значимые, по его мнению, качества, что также является проявлением вербальной агрессии.

Never did we think that the great nation of Russia would be reduced to this – aside from Eritrea, its only allies are now a vassal state, a rogue state, and a war criminal.

(выступление Э. Трасс «The era of complacency is over: Atlantic Council Makins lecture 2022 by the Foreign Secretary», om 10.03.22)

Эпитет – лексико-синтаксический троп, отличающийся обязательным наличием в нем эмотивных или экспрессивных и других коннотаций, благодаря которым выражается отношение автора к предмету. Употребление определений с негативной коннотацией, особенно в контексте описания военных действий и оружия, показывает резкое осуждение и порицание со стороны оратора в отношении предмета высказывания.

It is an egregious violation of international law, the UN Charter and core principles of the OSCE.

(выступление Э. Трасс «OSCE meeting on Russia's military operation against Ukraine: UK Foreign Secretary's statement», om 24.02.22)

Вербальная агрессия выражается и с помощью стилистических приемов на синтаксическом уровне.

Инверсия – нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности и экспрессивности.

And with this perverse philosophy they falsely claim that countries on Russia's borders should not be able to defend themselves or join defensive alliances like NATO. **In dangerous times**, we have to take a hard-headed approach.

(выступление Э. Трасс «Foreign Secretary's keynote speech in Ukraine», om 17.02.22)

Риторический вопрос – превращение вопроса в эмфатическое утверждение с целью привлечь внимание слушателя, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон. Ответ на риторический вопрос заложен в нем самом, поэтому создается впечатление безусловной истинности высказывания, с которой слушающему остается лишь согласиться.

Russia claims that it's being threatened. But what is the real threat?

(выступление Э. Трасс «Foreign Secretary's keynote speech in Ukraine», om 17.02.22)

Повтор – фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда. Повторы, как правило, не сообщают никакой новой информации, но передают значительную дополнительную эмоциональность и экспрессивность.

1) Анафора – повторение одного или нескольких слов в начале соседних предложений или словосочетаний. Данный прием придает убедительность высказыванию.

That's why the UK is working with our partners to set standards in these areas – including the use of new technologies.

That's why we're leading work in the UN to broker an international consensus on responsible behaviour towards space.

And that's why we are establishing a new government Information Unit in the UK.

(выступление Э. Трасс «Foreign Secretary's keynote speech in Ukraine», om 17.02.22)

2) Эпифора – повторение одного или нескольких слов в конце соседних предложений или словосочетаний. Этот вид повтора используется для того, чтобы показать важность какого-либо события, действия, явления.

The international alliance is strong, and Ukraine is strong.

(выступление Э. Трасс «Prime Minister Liz Truss's speech to the UN General Assembly», om 21.09.22)

3) Симплова – соединение нескольких фраз, которые начинаются и заканчиваются одинаково. Данный прием позволяет сделать так, что воздействие анафоры усиливается воздействием эпифоры.

We will be tough – not because we want conflict, but because we want to prevent conflict.

(выступление Э. Трасс «*The era of complacency is over: Atlantic Council Makins lecture 2022 by the Foreign Secretary*», om 10.03.22)

4) Параллельные конструкции – повторение структуры нескольких следующих друг за другом предложений или фраз. Данный прием усиливает логический и экспрессивный аспекты высказывания.

*We want a situation where **they can't access their funds, their trade can't flow, their ships can't dock and their planes can't land.***

(выступление Э. Трасс «*UK support for Ukraine following Russia's invasion: Foreign Secretary's statement*», om 28.02.22)

Эллипсис – намеренное опущение элементов, которые легко восстановить из контекста. Эллипсис придает высказыванию интонацию живой речи, динамичность, а также делает его более простым для восприятия.

*Russia argues that increasing one state's security can only come at the expense of **another's**. We have a duty to make sure that the next 10 years are better than **the last**.*

(выступление Э. Трасс «*Foreign Secretary's keynote speech in Ukraine*», om 17.02.22)

Климакс – расположение предложений (или однородных элементов в одном предложении) в порядке постепенного усиления значимости, выразительности и эмоциональной напряженности высказывания.

*Let's get Tory mayors elected **in London, in Manchester, in West Yorkshire and right across the country.***

(выступление Э. Трасс «*Liz Truss's Tory conference speech*», om 05.10.22)

Антитеза – сопоставление двух параллельных конструкций, выражающих противоположные идеи. Основная функция антитезы состоит в том, чтобы подчеркнуть неоднородность, неоднозначность описываемого явления, показать, что оно представляет собой диалектическое единство двух или более противоположных черт.

*So we will keep strengthening our response, replacing **doubt with determination, and complacency with conviction.***

(выступление Э. Трасс «*The era of complacency is over: Atlantic Council Makins lecture 2022 by the Foreign Secretary*», om 10.03.22)

Таким образом, анализ теоретической составляющей, а также языковых средств для выражения вербальной агрессии, представленных в публичных выступлениях Э. Трасс, позволил сделать следующие выводы:

1. В современном политическом пространстве роль вербальной составляющей существенно возросла, поскольку одной из основных функций дискурса, а в особенности дискурса политического, является оказание воздействия на собеседника. Важной его характеристикой является коммуникативно-прагматическая установка, под которой понимается целенаправленный отбор языковых средств субъектом речи для оказания определенного воздействия на адресата.

2. Вербальная агрессия может проявляться на различных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом) и находит свое выражение в целом разнообразии языковых средств.

3. Цель использования оратором эмоционально-выразительных лингвистических средств, содержащих в себе агрессивную коннотацию, состоит в управлении процессом активного мышления слушателей. Осуществляя особый способ подачи информации, используя разнообразные возможности языка, адресант подбирает такие способы подачи информации, которые позволяют навязать адресату определённое представление, эффективно воздействовать на него в нужном для адресанта направлении.

Литература

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 8-е изд. – М., 2006.

Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 2001.

Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. – М., 1981.

Седов К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии / Прямая и непрямая коммуникация. – 2003. – С. 196-212.

Шейгал Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе / Вопросы стилистики. – 1999. – №28. – С. 221.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. – М., 2004.

Buss A. H. Aggression pays / The control of aggression and violence. – 1971. – Pp. 112-130.

References

Arnold, I. V. (2006). Stylistics. Modern English. 8th edition. Moscow (in Russian).

Baron, R., Richardson, D. (2001). Aggression. St. Petersburg (in Russian).

Galperin, I. R. (1981). Stylistics of the English language. Moscow (in Russian).

Sedov, K. F. (2003). Speech aggression in interpersonal interaction. Direct and indirect communication, 196-212 (in Russian).

Sheigal, E. I. (1999). Verbal aggression in political discourse, Questions of stylistics, 28, 221 (in Russian).

Sheigal, E. I. (2004). Semiotics of political discourse. Moscow (in Russian).

Shcherbinina, Y. V. (2004). Russian language. Speech aggression and ways to overcome it. Moscow (in Russian).

Buss, A. H. (1971). Aggression pays. The control of aggression and violence, 112-130.

Citation:

Федина А. В., Широких И. А. Проявление агрессии в речи зарубежных политиков

(на материале речей Э. Трасс) // Юрислингвистика. – 2024. – 32. – С. 105-111.

Fedina A. V., Shirokikh I. A. (2024) Info Aggression in the Public Speeches of Foreign Politicians (Based on the Public Speeches of Elizabeth Truss). *Legal Linguistics*, 32, 105-111.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 28.06.2024 г.

Дата публикации издания 01.07.2024 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2024